

Лев Николаевич Гумилев История народа хунну

*Текст предоставлен издательством.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138799
Л.Н.Гумилев История народа хунну: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26355-4*

Аннотация

«История народа хунну» Льва Гумилева – одна из самых значительных работ этого величайшего российского ученого.

Вы спросите, кто они такие, «народ хунну»? Так называли себя те, кого в европейской исторической традиции принято именовать Гунами, кочевой народ, обогативший генофонд едва ли не каждой европейской и азиатской нации.

Величайшего из завоевателей «эпохи переселения народов» – царя гуннов Аттилу – помнят все. Но каковы были другие великие полководцы народа хунну, огнем и мечом покорявшие все новые и новые страны? Каковы были жизнь, культура и искусство гуннов? Какую судьбу уготовила им История? Вот лишь немногие из вопросов, ответы на которые вы получите в этой книге...

Содержание

Хунну	5
Вступление	5
I. Во мгле веков	10
В древнейшем Китае	10
Зарождение хуннов	11
Природа восточных степей	12
Жуны и хунны	13
Победа Чжоу и ее последствия	14
II. Изгнанники в степи	17
Предыстория хуннов	17
Становление хуннов	20
Открытие Сибири	21
Продвижение хуннов на север	23
Соседи древних хуннов	24
III. На берегах «песчаного моря»	28
Первое вторжение хуннов в Китай	28
Борьба жунов и китайцев	29
Культура плиточных могил	30
О языке хуннов	32
IV. Великая стена	33
Война хуннов с княжеством Чжао	33
Построение великой стены	35
Война хуннов с государством Цинь	37
Падение государства Цинь	37
О древнекитайской методике исторического повествования	39
V. Свистящие стрелы	42
Шаньюй Модэ и возникновение державы Хунну	42
Первая война хунну и хань	43
Кочевые тибетцы-кяны	45
Усуни	45
Устройство державы Хунну	46
Общественный строй хуннов	52
VI. Господство над народами	55
Западная граница	55
Внутренняя политика	56
Война с Китаем за свободу торговли	57
Восточная граница	58
Северная граница	59
Общественно-экономическая жизнь в державе Хунну	60
Религия хуннов	63
VII. Взлет дракона	65
Возобновление хунно-китайской войны	65
Потери хуннов	66
Борьба Вэй Цина с хуннами	69
Успехи китайского оружия	70

Открытие Европы	71
Западный край	73
У-ди и его задачи	75
VIII. «Небесные кони»	78
Китайское продвижение на запад	78
Ушилу-шаньюй	80
Первый поход в Давань	80
Второй поход в Давань	81
Осада Гуйшана	82
Тяготы войны	83
IX. Бой насмерть	84
Неудавшийся заговор	84
Капитуляция Ли Лина	84
Новшество в порядке престолонаследия хунну	86
Яньжаньское побоище	87
X. Кризис державы Хунну	90
Борьба за престол	90
Хуннское общество накануне упадка	91
Старохуннская партия	92
Война с Китаем	93
Усунь	94
Поражение хуннов	94
Борьба партий в Хунну	96
Кризис	96
XI. Брат на брата	98
Переворот чжуанькюй-яньчжи	98
Междоусобная война	99
Раздел Усуни и война с Кангюем	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Лев Гумилев

История народа Хунну

Хунну

Вступление

О существовании народа хунну стало известно из китайских источников. Его наименование оказалось гораздо более долговечным, чем сам народ. Оно широко известно, несмотря на то что носители его погибли полторы тысячи лет назад, тогда как названия многих соседних современных хуннам народов знают сейчас только историки-специалисты. Хунны оставили глубокий след в мировой истории. Двинувшись из Азии на запад, они нашли приют в Приуралье у угров. Слившись с ними, они образовали новый народ, который в Европе стал известен под названием гуннов. До сих пор нередко слово «гунн» звучит как синоним свирепого дикаря. И это не случайно, ибо хунны на протяжении тысячи лет выступали не только как созидатели, но часто и как разрушители. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*¹.

Однако наша задача не в том, чтобы хвалить или порицать давно исчезнувшие племена. Мы хотим разобраться, каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий, пока он не потерпел окончательное поражение и не подвергся полному истреблению. В чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хунны для соседей и что оставили они потомкам? Найдя ответы на поставленные вопросы, мы тем самым правильно определим значение хуннов в истории человечества.

* * *

Научный интерес к хуннам, к их истории и этнографическим особенностям впервые возник в Китае. Основателем «хуннологии» можно считать гениального автора «Исторических записок» Сыма Цяня, жившего во II веке до н.э. Он не только составил летопись войны, которую империя Хань вела с хуннами, но и поставил вопрос: почему всюду победоносное китайское оружие не могло сломить кочевых варваров? На это он предлагал остроумный для своего времени ответ: географическое положение, климат и рельеф Китая и Средней Азии настолько различны, что китайцы не могут жить в хуннских степях, так же как хунны не могут жить в Китае, и потому покорение страны иного ландшафта и населения, имеющего непохожий быт, неосуществимо².

Рациональным зерном анализа Сыма Цяня были поиски объективных факторов исторического процесса, но действительность показала несостоятельность географического метода: в I веке до н.э. хунны ослабели, и империя Хань на полвека стала гегемоном в Средней Азии.

---

¹ Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат. – Ред.).

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 51, 55, 57. Сыма Цянь, сын придворного астролога Сыма Тяня, служил при дворе императора Уди в конце II – начале I века до н.э. Составил книгу «Шицзи» – «Исторические записки», ставшую образцом для дальнейших исторических сочинений. Прозван в Китае, подобно Геродоту, «отцом истории».

Продолжателем Сыма Цяня был талантливый историк конфуцианского направления Бань Гу, написавший «Историю Старшей династии Хань», но он не закончил своего труда, так как оказался среди друзей одного опального вельможи и поэтому был заточен в тюрьму, где и умер в 92 г. н.э.

Бань Гу рассматривал проблемы покорения хуннов с точки зрения целесообразности и полагал, что включение в состав империи чуждого по культуре народа может быть вредно для Китая. Он считал хуннов настолько далекими от китайской культуры, что не допускал мысли о возможной ассимиляции, и подробно обосновывал необходимость укрепления китайской границы с хуннами даже в мирное время³. Возможно, что позиция историка продиктована тем, что он писал свое сочинение в разгар хунно-китайской войны.

Третья книга, содержащая интересующие нас сведения – «История Младшей династии Хань», – написана уже в V ве– ке н.э. южнокитайским ученым чиновником Фань Хуа. В качестве материала он использовал не дошедшие до нас труды, которые он, по собственному выражению, «обдумывал здраво»⁴. Его сочинение суше и беднее предыдущих, однако благодаря ему Фань Хуа добился высокого положения. Позднее он принял участие в антигосударственном заговоре и был казнен.

Три указанных исторических труда составляют фундамент истории восточноазиатских хуннов. Что же касается западных гуннов, названных так в отличие от своих восточных предков⁵, то первое место принадлежит труду Аммиана Марцеллина⁶, давшего красочное описание этого народа.

Подобно китайским историкам, Аммиан Марцеллин – «солдат и грек» – обратил внимание на несходство гуннов со всеми прочими известными ему народами, в том числе и кочевыми аланами. Безусловно, его описание односторонне⁷, проникнуто ненавистью к пришельцам, но для исследователя важны данные, совпадающие у него с наблюдениями китайских авторов. Именно они дают возможность восстановить облик древнего народа.

Названными авторами исчерпывается первый период «хуннологии», так как история европейских гуннов не входит в рамки намеченной нами темы ни хронологически, ни территориально.

Второй период «хуннологии» начался с XVIII века, когда этой проблемой стали заниматься французы.

В XVIII веке французские миссионеры заинтересовались не только Китаем, где протекала их деятельность, но и северными народами. Гобиль, де Майя и другие, прекрасно владея китайским и маньчжурским языками, составили остроумные переводные компиляции, ознакомившие Европу с историей восточных кочевников. Этими трудами воспользовался профессор Сорбонны Дегинь; он сопоставил китайские данные с византийскими и издал свою капитальную работу о восточных народах⁸. Ныне эта книга устарела.

Сведения ближневосточных источников собрал и обработал Вивьен де Сен-Мартен⁹. Продолжателями дела, начатого французской школой XVIII века, были ученые XIX века –

³ Там же. С. 93–96.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926.

⁶ Аммиан Марцеллин. История III. Кн. XXXI. Киев, 1908.

⁷ Ср. описание гуннского двора у Приска Панийского. Приск встречал потомков азиатских хуннов, а Аммиан Марцеллин описывал их уже в смешении с уграми и другими восточноевропейскими народами – «Сказания Приска Панийского» (Ученые записки Российской академии наук. Кн. VII. Вып. I. СПб., 1861).

⁸ Deguignes J. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartas occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'à present. P., 1756–1758.

⁹ Saint-Martin V. Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens bysantins. P., 1849 – Критику выводов Вивьена де Сент-Мартена см.: Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV веке (ВДИ. 1959. № 1).

Абель Ремюза, оставивший огромное количество частных исследований, и Клапрот, создавший историко-географический атлас «Tableaux historiques de l'Asie», бывший в свое время весьма ценным обобщением. Новый расцвет исторической науки, посвященной центрально-азиатским проблемам, наступил во Франции в конце XIX – начале XX века. Это был кульминационный пункт европейского востоковедения. Общие и частные труды Эдуарда Шаванна, Поля Пельо, Анри Кордье и Рене Груссе осветили множество вопросов и дали возможность приступить ко второму, после Дегиня, обобщению накопленного материала. Из исследований немецких ученых надо назвать монументальные работы де Грота¹⁰ и Франке¹¹; сведения, сообщаемые ими, в подавляющем большинстве повторяют то, что имеется во французских и русских исследованиях. Что же касается Фридриха Хирта¹², то его работы о хуннах не выдержали испытания временем и потеряли всякую ценность.

Труды английских и американских ученых занимают в истории науки особое место. Книга Паркера «Thousand years of the Tartare» (Shanghai, 1895) написана живо, но лишена ссылочного аппарата, что не дает читателю возможности проверить подчас неожиданные заявления автора. Безусловно ценным вкладом в науку являются монографии Ауреля Стейна, посвященные описанию оазисов бассейна реки Тарим, а также хронологические изыскания Теггарта. Отнюдь небезынтересно исследование О. Латтимора, хотя оно только слегка задевает нашу тему. Но все эти работы для «хуннологии» – лишь вспомогательные, непосредственно же хуннам посвящены книга Мак-Говерна¹³ и статьи Отто Мэнчен-Хелфена¹⁴. Мак-Говерн находится в плену у китайской историографии, воспринятой им некритически. По сути дела, он хорошим английским языком популярно излагает содержание китайских династических хроник. Книга его, ценная как полная сводка источников, использована мною как параллельный перевод китайского текста.

Отто Мэнчен-Хелфен ставит под сомнение достижения русской науки, отрицает преемственность европейских гуннов от азиатских хуннов. Однако его аргументация опровергается при детальном разборе и сопоставлении фактов, и его работы имеют лишь негативное значение.

Итак, многие ученые приняли участие в исследовании интересующего нас вопроса, но первое место в изучении древней истории Срединной Азии уже 100 лет принадлежит русской науке.

Первым русским ученым, поднявшим изучение Центральной Азии на ступень выше современной ему европейской науки, был Н.Я. Бичурин, в монашестве Иакинф. Великолепное знание китайского языка и потрясающая работоспособность позволили ему осуществить перевод почти всех китайских сочинений, относящихся к древней истории Срединной Азии. Его труды, изданные во второй четверти XIX века, до сих пор служат краеугольным камнем для кочевниковедения вообще и истории хуннов, в частности. Не меньшее значение имеют его работы по исторической географии Китая и сопредельных стран. Эти работы не были напечатаны в свое время и начали издаваться только в советский период.

Опубликование Бичуриным китайских источников открыло блестящую эпоху русского востоковедения, хотя некоторые его взгляды и соображения и не подтвердились полностью (например, его мнение, что хунны были монголы).

¹⁰ S.S.M. de Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin—Leipzig, 1921.

¹¹ Franke Otto. Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin, 1930.

¹² Hirth Fridrich. Über Wolga – Hunnen und Hiung-nu. München, 1900. – Критику этой работы см. в кн.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны. С. 126–131.

¹³ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939.

¹⁴ Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu (Byzantion. Vol. XXII, 1945); The legend of origine of the Huns (Byzantion. Vol. XVII, 1945).

К обобщению западных и восточных материалов первым приступил В.В. Григорьев, не только арабист и иранист, но и блестящий знаток греко-римской историографии. Используя переводы Н.Я. Бичурина для сравнения с ближневосточными источниками, он построил сводную работу «Китайский, или Восточный, Туркестан», бывшую в его время исчерпывающим исследованием и вплоть до сего дня не потерявшую ценность.

Но не только кабинетные ученые отдали труды и силы изучению азиатской древности. Не меньшие заслуги выпали на долю отдельных путешественников и Географического общества в целом. Н.М. Пржевальский открыл и описал страны, до тех пор известные только понаслышке. Его ученики П.К. Козлов и В.И. Роборовский завершили замыслы своего учителя и не только посетили, но и описали природу тех стран, где когда-то возник, жил и исчез хуннский народ. За ними последовали М.В. Певцов, братья М.Е. и Г.Е. Грумм-Гржимайло, Г.Н. Потанин, В.А. Обручев и в наше время Э.М. Мурзаев. В ярких и красочных экспедиционных отчетах и дневниках перед читателем встают картины бескрайних степей, горных хребтов, с которых бегут чистые ручьи, раскаленных каменистых и песчаных пустынь, снежных буранов и нежного цветения азиатских весен. Страницы, посвященные охоте, знакомят нас с видами тех же зверей, на которых в древности охотились хунны, а открытие археологических памятников позволяет соприкоснуться непосредственно с материальной культурой далеких времен. Не меньшее значение имеют также их этнографические наблюдения, которые дали материал для классификации не только современных, но и исчезнувших в глубокой древности народов.

В 1896 г. Н.А. Аристов опубликовал в журнале «Живая старина» небольшое по объему, но до предела насыщенное исследование «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей», в котором видное место уделено древним народам. Продолжателем его дела был знаменитый путешественник Г.Е. Грумм-Гржимайло, посвятивший истории Центральной Азии целый ряд сочинений, из которых наиболее значительное – «Западная Монголия и Урянхайский край». В этом замечательном исследовании подводится итог всем работам русских и европейских историков и географов и критически разбираются все гипотезы и точки зрения, существовавшие в его время. Для историков Срединной Азии эта работа Г.Е. Грумм-Гржимайло стала настольной книгой. Но не все вопросы истории Внутренней Азии были в поле зрения Грумм-Гржимайло, который интересовался преимущественно исторической географией, палеоэтнографией и некоторыми вопросами хронологии. Этот пробел восполнен небольшой, но исключительно ценной книгой К.А. Инostrанцева «Хунну и гунны». Содержание этой работы определено ее подзаголовком: «Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов». Можно с уверенностью сказать, что ни одна из существующих концепций не укрылась от взора автора и его детального разбора. Книги Г.Е. Грумм-Гржимайло и К.А. Инostrанцева вместе содержат квинтэссенцию всей предшествующей науки о хуннах.

Шагом назад была книга А.Н. Бернштама «Очерк истории гуннов». В ней нет последовательного изложения событий и изменений в хуннском обществе, а выводы автора, будучи подвергнуты критике, не выдержали ее¹⁵. Однако эта частная неудача меркнет при сравнении с успехами археологии. Нет необходимости останавливаться на отдельных открытиях и работах, хотя именно они заставили нас полностью отказаться от предвзятой точки зрения, рисовавшей нам древних кочевников грубыми дикарями. Этим вопросам посвящено специальное исследование С.И. Руденко «Материальная культура хуннов». Достаточно указать на монументальную работу С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», посвященную богатейшей культуре Саяно-Алтая, и на исследование А.П. Окладникова «Неолит и брон-

¹⁵ См.: Советская археология. Т. XVII. 1963. С. 320–326.

зовый век Прибайкалья». Только благодаря этим трудам оказалось возможным проследить историю хуннского народа, установить северную границу его распространения и тем самым уяснить его историческую роль. Он был соперником не только империи Хань в районах, прилегающих к Великой китайской стене, как до сих пор представлялось, но и других племен и народов. История хуннов перестала быть придатком истории Китая¹⁶.

Настоящая работа ставит целью выяснение того места, которое хунны занимали во всемирной истории как создатели самостоятельной, хотя и недоразвившейся культуры. В этом аспекте рассматриваются их отношения к китайскому народу и императорам династии Хань; нас интересует их разнообразные взаимоотношения с кочевыми степными племенами и их западные связи, о которых нет прямых указаний в источниках, но которые выясняются из сопоставления имеющихся материалов. Как во всякой сводной работе, в этой книге используются достижения передовой науки.

---

¹⁶ Настоящая книга посвящена исключительно азиатским хуннам, а историю их восточноевропейской ветви читатель найдет в кн.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1960, а также: Altheim Franz. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959.

I. Во мгле веков

В древнейшем Китае

В древности территория Китая была мало похожа на современную. Ее покрывали девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливавшимися в половодье, обширные озера, непроходимые солонцы, и только на плоскогорьях расстилались луга и степи.

На востоке между низовьями Хуанхэ (Желтой реки) и Янцзы тянулась цепь зыбучих почв. Современная провинция Хэбэй была огромной дельтой, носившей название «Девяти-речье». Дальше от морского берега простирались широкие озера и болота, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы. «Буйная растительность одевала весь бассейн реки Вэйхэ; там росли величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах жили тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы, кабаны; вечно выли шакалы и волки»¹⁷.

Борьба с реками испокон веков занимала большое место в жизни китайского народа. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как они вздувались и выходили из берегов. Разлившись, реки теряли скорость течения и откладывали наносы. Одна часть древних насельников Северного Китая ушла от бушевавших вод в горы, где поддерживала свою жизнь охотой, другая же часть вступила в решительную борьбу со стихией рек – это были предки китайцев. Трудолюбивые китайские земледельцы с глубокой древности стали сооружать дамбы, чтобы спасти свою жизнь и свои поля от наводнений. «На территории Китая издавна жили племена с различной культурой, имевшие различных предков. На землях, где они обитали, каждое племя в борьбе с силами природы развивало свою собственную культуру»¹⁸. Эти племена нередко боролись друг с другом. Согласно китайской исторической традиции, уже первая из китайских династий, полулегендарная Ся, вступила в борьбу с другими племенами, населявшими территорию Китая в III тысячелетии до н.э. Эти племена назывались жуны и ди. Они населяли лесистые горы, тогда как предкам китайцев достались низины. Севернее, в сухих степях, жили племена хунь-юй. Из легенд известно, что в 2600 г. до н.э. «Желтый император» предпринял против них поход. Но главными противниками Ся были не они, а жуны и ди. В китайском фольклоре сохранились отголоски борьбы «черноголовых» предков китайцев с «рыжеволосыми дьяволами»¹⁹. Китайцы выиграли тысячелетнюю войну. Они оттеснили «варваров» в горы, степи и даже южные джунгли, но, как мы увидим ниже, эта победа не была окончательной. Несмотря на успехи, царство Ся владело лишь областью Хэнань и юго-западной частью Шаньси; именно здесь было сосредоточено ядро будущего китайского народа.

В 1764 г.²⁰ до н.э. в Китае в результате переворота вместо династии Ся утвердилась династия Шан, при которой сложились основы древнекитайской цивилизации и оформился древнекитайский народ²¹.

---

¹⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейнов среднего и нижнего течений Желтой реки? («Известия Государственного географического Общества», 1933. Отдельный оттиск). С. 29–30.

¹⁸ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 36.

¹⁹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Гл. 1. Л., 1926.

²⁰ По новым расчетам, эта дата изменена на 1586 г. (см.: «Очерки истории Древнего Востока». Л., 1956. С. 229) или на 1562 г. (?) (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 45). О степени легендарности сведений о Ся см. также: Lattimore O. Inner Asian frontier of China. New York, 1940. P. 286.

²¹ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 38–66.

Шан-Инь – это первая вполне историческая династия Китая. С нею связано возникновение первого китайского государства. Многочисленные раскопки восстанавливают картину ее культуры, но политическая история по-прежнему темна. Ясно, что Шан было уже настоящее рабовладельческое государство с наследственной властью и аристократией. Важнейшим культурным достижением этой эпохи было изобретение иероглифической письменности, которое сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей истории Китая. Развивалась торговля не только с лежащими к северу от Хуанхэ Хэбэем, торговые связи доходили через северо-восток Китая до Байкала и берегов Ангары. Конечно, туда попадали только товары, а не сами китайцы, которые обычно производили обмен с помощью племен-посредников. В Сибирь отправляли металл: олово, бронзу, а из Сибири – зеленый и белый нефрит, драгоценные меха и, возможно, рабов²². Так складывался дальневосточный очаг культуры.

Зарождение хуннов

В XVIII веке до н.э. в Северном Китае произошли два события, имевшие огромные последствия. В 1797 г. китайский вельможа Гун-лю попал в опалу и бежал на запад к жунам. За ним последовали, видимо, немало сторонников, ибо здесь он смог построить для себя городок и властвовать самостоятельно, отделившись от китайского царства Ся. По сообщению источников, Гун-лю «претворился в западного жуна»²³. Однако за 300 с лишком лет совместной жизни эмигранты-китайцы все-таки окончательно не слились с жунами, и в 1327 г. их потомки с князем Шань-фу во главе, гонимые жунами, вернулись на родину и поселились в северном Шэньси (у горы Цишань)²⁴. Из этого вновь сложившегося племени произошла династия Чжоу²⁵. Еще будучи небольшим княжеством, Чжоу воевало против жунов, и в 1140–1130 гг. до н.э. князь Чан «прогнал жун-и от рек Гин и Ло» (в провинции Ганьсу) на север²⁶.

Жуны некоторое время были данниками Чжоу, но приблизительно в X веке до н.э. «степные повинности прекратились и началась упорная война». Жуны стремились вернуть себе потерянные земли; разделение Китая на множество княжеств способствовало их продвижению.

А в это самое время в степи, примыкавшей к южной окраине Гоби, складывался новый народ – хунны. Издавна там кочевали племена хяньюнь и хуньюй. Ни те ни другие не были хуннами²⁷. В ту эпоху хуннов еще не было. Но после того, как была низвергнута династия Ся, сын последнего царя Цзе-куя, умершего в изгнании, – Шун Вэй – с семейством и подданными ушел в северные степи²⁸. Шун Вэй, по китайской исторической традиции, считается предком хуннов. Согласно этой традиции, хунны возникли из смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племен. Несомненно, что эти легендарные сведения лишь очень приблизительно отражают историческую действительность. Однако было бы неправильно отрицать в них рациональное зерно. Хотя и делались попытки отвергнуть существование периода Ся на том основании, что в записях эпохи Шан нет упоминаний о предшествующей династии, но самые скептические исследователи китайской древности, как, например, Го

²² Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 200–202.

²³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена Т. I. М.; Л., 1950. С. 40.

²⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. М.; Л., 1953. С. 67.

²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 41.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 80, где опровергнуты противоположные мнения Шаванна и Сиратори.

²⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

Можно, а также Латтимор, признавая легендарность рассказов о Ся, считают, что эта династия была²⁹, что в древности «Ся» значило «Китай»³⁰ и что границы ее совпадают с границами неолитической культуры черной керамики³¹. Далее, Латтимор отмечает огромное различие между культурами Ся и Шан и предполагает даже частичную синхронность их существования³². Таким образом, можно допустить, что произошло столкновение двух племен и одно из них победило. Еще более вероятно, что в результате поражения часть побежденных бежала за пределы родной страны, захваченной врагом, и нашла приют у соседних племен.

Но кто же были эти загадочные племена хяньюнь и хуньюй, с которыми смешались соратники Шун Вэя? Окраину Гоби в древности китайцы называли «песчаной страной Шасай»³³ и считали родиной динлинов. По данным антропологии, здесь в это время метизировались европеоидный короткоголовый тип с монголоидным узколицым, т.е. китайским³⁴. Монголоидный широколицый тип был распространен в то время на север от Гоби.

Мы вправе сделать заключение, что ханьюнь и хуньюй были потомками аборигенов Северного Китая, оттесненных «черноголовыми» предками китайцев в степь еще в III тысячелетии до н.э. С этими племенами смешались китайцы, пришедшие с Шун Вэем, и образовался первый прахуннский этнический субстрат, который стал хуннским лишь в последующую эпоху, когда прахунны пересекли песчаные пустыни. Тогда на равнинах Халхи произошло новое скрещивание, в результате чего возникли исторические хунны. До тех пор они назывались ху, т.е. степные кочевники. Итак, хунны были первым народом, победившим пустыни. А для этого надо было обладать мужеством и упорством.

Природа восточных степей

Срединная Азия окружена горами со всех сторон. С северо-запада мощный хребет Саяно-Алтая отделяет ее от холодной и влажной лесной Сибири. Полоса пустыни (Гоби), как море, делит Срединную Азию пополам, и недаром китайцы называли эту пустыню Ханьхай-море. Пржевальский описывает Гоби так: «По целым неделям сряду перед глазами путника являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие [зимою] желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые, изборозжденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногой антилопы»³⁵. Кроме антилоп, Гоби – обиталище диких верблюдов, живших там еще в XIX веке, и огромного количества грызунов. Для древних китайцев эта пустыня казалась непроходимой.

На юго-востоке граница Срединной Азии – хребет Иньшань (меридиональное продолжение Большого Хингана) и примыкающие к нему горы Ляоси. На склонах этих гор некогда росли густые леса, полные дичи, рогатой и пернатой. С севера Иньшань граничит со степью.

К западу от излучины Хуанхэ расстилается пустыня Алашань. Пржевальский пишет: «На многие десятки, даже сотни километров мы видим здесь голые, сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом. В них нет ни капли воды; не видно ни зверя, ни птицы, и мертвое запустение наполняет ужасом душу забредшего сюда человека»³⁶. С юга пустыню замыкает высокая горная система хреб-

²⁹ См.: Lattimore O. Inner Asian... P. 286.

³⁰ Ibid. P. 300; Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 135.

³¹ Lattimore O. Inner Asian... P. 302. Фань Вэнь-лань считает, что эпохе Ся соответствовала луншанская культура (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 43–44).

³² Lattimore O. Inner Asian... P. 300.

³³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 11.

³⁴ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 82.

³⁵ См.: Берг Л.С. Путешествия Н.М. Пржевальского. М.; Л., 1952. С. 13.

³⁶ Там же. С. 20.

тов Наньшань. На западе лежит богатый оазис Дуньхуан, и от него начинается караванный путь на Хамийский оазис. Путь этот исключительно тяжел. Яркое описание его дал Пржевальский: «По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленной почвой висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера. Часто пробегают горячие вихри и далеко уносят столбы крутящейся пыли. Впереди и по сторонам путника играют миражи. Жара днем невыносимая. Солнце жжет с восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до 63°, а в тени было не меньше 35°. Ночью также не было прохлады, но двигаться по этому пути можно было лишь ночью и ранним утром»³⁷. Алашаньскую пустыню китайцы называли «заливом» или «бухтой Песчаного моря» (Гоби). Это песчаное море веками было непроходимой преградой между Востоком и Западом. Но эта преграда не испугала хуннов.

Жуны и хунны

События этого первого периода истории хуннов, как и второго (с 1200 по 214 г. до н.э.), не нашли достаточного отражения в китайской историографии. И понятно почему. Горные жуны были промежуточным звеном между степями и цивилизованным Китаем. Они держали в своих руках широкую полосу предгорий от оазиса Хами на западе³⁸ до Хингана на востоке. Многочисленные племена их «рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»³⁹. Вполне вероятно, что степняки-хунны иногда принимали участие в походах своих соседей и только таким образом китайцы узнавали об их существовании. Поэтому сведения о хуннах древнего периода отрывочны. Последнее же вызвало возникновение разных гипотез, отождествлявших хуннов то с хяньюнь и хуньей⁴⁰, то с самими шаньжунами⁴¹, причем забывалось, что хунны были степняки, а не горцы.

В связи со всем сказанным вскрывается загадочный этноним жун. Из-за описки или неточного выражения Сыма Цяня были попытки отождествить жунов с хуннами⁴², но мы видим, что всюду в источниках жуны выступают совместно с ди⁴³, так что их, может быть, правильно Бичурин трактует в своем переводе как единый народ – жун-ди. Больше того, есть легенда, согласно которой чиди и цюань-жуны были одного происхождения⁴⁴. Жуны и ди, по-видимому, так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые роды ди западными жунами⁴⁵. Самое восточное племя их, обитавшее на склонах Хингана и Иньшаня, носило название шаньжун, или горные жуны. Будучи отрезаны от основной массы своего народа, горные жуны слились частью с восточными монголами – дунху⁴⁶, частью – с хуннами. Не менее интенсивно сливались они с китайцами⁴⁷, а на западе – с тибетцами. В последнем случае они превращались в доньне существующий народ – тангутов. Таким

³⁷ Там же. С. 45–46.

³⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

³⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43.

⁴⁰ Там же. С. 39.

⁴¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 85; Chavannes Ed. Les memoires historiques des Sst-ma Th'ien. P., 1899. P. 31; Wylie. History of the Hiung-noo in their relations with China (Journal of the Anthropol. Institute of Gr. Britan and Ireland 1874. №9). P. 401.

⁴² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 39. Ср.: «Цзиньшу», гл. 97, в которой указана граница между хуннами (сюнну) и шестью жунскими племенами (Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 219. Опубликованный текст).

⁴³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 15.

⁴⁵ Там же. С. 45.

⁴⁶ Там же. С. 85.

⁴⁷ Там же. С. 45–46. – Ссылка на ст.: Васильев В.П. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским (Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Сентябрь); Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 136.

образом, существование особой расы в Китае перестает быть загадкой: тангуты в древности имели значительно большее распространение, чем теперь, когда они сохранились как небольшой этнический островок около озера Кукунор.

Приведенная точка зрения расходится с той, которую высказывают европейские и американские историки. В частности, Мак-Говерн считает жунов и ди хуннами⁴⁸, удивляясь лишь, что этнографические особенности тех и других не совпадают. Подробный и обстоятельный разбор этой темы дан у Латтимора⁴⁹, который приходит к выводу, что жуны и ди обитали внутри Китая и были оседлые горцы, а не степные кочевники, т.е. отнюдь не хунны, но о расовой их принадлежности он не говорит ничего.

Совершенно игнорирует жунскую проблему Н.Н. Чебоксаров⁵⁰, не замечая, что это лишает его возможности правильно решить вопрос об этногенезе китайцев. Достаточную определенность вносит цитата из «Цзинь шу» (гл. 97), в которой указано, что хунны на западе граничат с шестью жунскими племенами⁵¹, т.е. ясно подчеркнуто различие этих народов.

Однако все авторы затрудняются определить отличие жунов и ди от китайцев внутри Китая и от хуннов вне его, тогда как из анализа исторических событий ясно, что это отличие было очевидно для современников. Тут полностью решает вопрос так называемая «динлинская» теория Грумм-Гржимайло. Это было расовое отличие, которое древнекитайские авторы еще не могли или не считали нужным подчеркнуть⁵².

Победа Чжоу и ее последствия

Княжество Чжоу было расположено на территории современной провинции Шэньси и имело среди своих подданных немало воинственных жунов и привыкших к пограничным схваткам китайцев. В то самое время, когда ахейцы разоряли Трою, а хунны пересекали Гоби, чжоуский царь Вэнь-ван «силами белокурых [и черноволосых] варваров совершал завоевания между морем и тибетским нагорьем»⁵³. Своему сыну он оставил множество воинов, которые «имели сердца тигров и волков», и завещал покорить державу Шан-Инь⁵⁴.

Сын его У-ван начал войну и дошел до реки Хуанхэ, но был отбит. Два года спустя, в 1027 г. до н.э.⁵⁵, он повторил поход и на этот раз удачно: держава Шан-Инь пала. Много побежденных было обращено в рабство и пожаловано чжоуским военачальникам и чиновникам, причем жаловали целыми родами. Множество рабов было взято из числа восточных (и) и южных (мань) соседей державы Шан-Инь. Чжоуский царь овладел всем междуречьем и обоими берегами великих рек Хуанхэ и Янцзы.

По поводу падения династии Шан существуют три абсолютно не совпадающих мнения. В европейской науке принято считать, что шанское царство было разрушено нашествием чжоуских племен, вторгшихся с запада в долину Хуанхэ. Феодалная китайская историография полагала, что Шан была выродившейся династией и переворот 1066 г. до н.э., приведший к власти династию Чжоу, был шагом по пути прогресса. Наконец Го Можо, считая эту точку зрения тенденциозной апологией насильственного захвата власти чжоусцами,

⁴⁸ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 87, etc.

⁴⁹ Lattimore O. Inner Asian... P. 340–349.

⁵⁰ Чебоксаров Н.Н. К вопросу о происхождении китайцев // Советская этнография. 1947. № 1. С. 30–70.

⁵¹ См.: Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. С. 219. (Опубликованный текст «Цзинь шу»).

⁵² См.: Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

⁵³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 69.

⁵⁴ Там же. С. 16.

⁵⁵ По исправленной хронологии – в 1066 (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 72).

подчеркивает, что переворот привел лишь к раздроблению и упадку Китая⁵⁶. Чжоу состояло из 1855 самостоятельных княжеств-уделов, признававших господство царя лишь номинально.

Эту эпоху некоторые историки считают началом китайского феодализма⁵⁷.

Раздел страны на множество княжеств не отвечал нуждам населения; разве могли мелкие князья организовывать работы по мелиорации и укреплению берегов рек? Хозяйство, естественно, пришло в упадок.

Изменилась и идеология: «чжоусцы, затемнив представление о Шан-ди, высшем божественном правителе, внесли в обновленную религию натурализм и культ героев»⁵⁸ и уничтожили существовавшие человеческие жертвоприношения⁵⁹. Произошло этническое смешение, в результате которого у китайцев иногда стали встречаться высокие носы и пышные бороды⁶⁰.

Талантливый и трудолюбивый китайский народ упорно стремился к порядку и покою, а этого невозможно было достичь при политической раздробленности. Правительство царя было бессильно против нее. Но с течением времени отдельные княжества стали укрупняться за счет своих соседей. В период Чуньцю («Весны и Осени», 722–480 гг.) осталось всего 124 больших княжества, а в следующий период Чжаньго («Брани царств», или «Воюющих царств», 403–221 гг.) осталось только семь крупных и три маленьких княжества. Эта эпоха нашла отражение в географическом трактате «Юйгун», представляющем раздел классической книги «Шаншу». Написание его относится предположительно к периоду «Весны и Осени», когда уже существовали связи северокитайских государств с территорией современной провинции Сычуань; в последней велись разработки железных руд, о чем в «Юйгуне» есть упоминания⁶¹.

В «Юйгуне» Китай подразделяется на девять районов, расположенных между средним течением Хуанхэ и Янцзы и на побережье к югу от устья Янцзы, включая Гуандун. На юге автор «Юйгуна» знает Аннам, но западные области: Тибет, Цинхай, Сиан, Ганьсу, Юньнань и Гуйчжоу – ему неизвестны. «Сильные и храбрые варвары, – как их называет автор „Юйгуна“, – укрытые горами, лесами и пустынями», отделили восточный центр культуры от западного средиземноморского и южного индийского надолго и прочно.

Но кто же были «варвары», отделявшие Восток от Запада? Ими не могли быть хунны, жившие в это время гораздо севернее, в стороне от караванных путей.

Некоторый свет на этот запутанный вопрос проливают западные античные источники, в частности Птолемей⁶². Птолемей на территории современного Китая помещает два разных народа: синов и серов. Сины помещены южнее серов и названа их столица – Тина, лежащая в глубине от порта Каттигары.

Карта Птолемея столь приближительна, если не сказать фантастична, что идентификация географических названий крайне затруднительна. Однако для нас существенно другое: сины, несомненно, подлинными китайцами Цинь и не отождествляются с серами, поставлявшими шелк-серикум в Парфию и Римскую империю. Серы упоминаются раньше, чем сины,

⁵⁶ Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.

⁵⁷ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 69; см.: Tōkei F. Sur le terme nong-fou dans le Che-king (Acta Orientalia. 1955. Vol. V). P. 123–141.

⁵⁸ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 35; De Harles. Les religions de la Chine (Le Muséon. 1891. Vol. X).

⁵⁹ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 100.

⁶⁰ Грумм-Гржимайло указывает, что многие китайские императоры имели орлиный профиль и пышную бороду. Справедливо. В «Троецарствии» описаны многие герои точно так же, а один из них, рыжебородый Сунь Цюань, даже носил прозвище «голубоглазый отрок» (Ло Гуань-чжун) (см.: «Троецарствие». Т. I. М., 1954. С. 369).

⁶¹ См.: Зайчиков В.Т. Важнейшие географические труды древнего Китая // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1955. № 3.

⁶² Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953. С. 437–439.

и в другой связи. Так, греко-бактрийский царь Эвтидем около 200 г. до н.э. расширил свои владения на востоке «до владений фаунов и серов»⁶³. Впоследствии, когда установилась торговля шелком по великому караванному пути, название «серы» применялось к поставщикам шелка в бассейне Тарима, а не к самим китайцам⁶⁴.

Следующее, еще более важное сообщение о серах, которое Томсон расценивает как «нелепое»⁶⁵, основано на рассказе цейлонских послов. Согласно их словам, серы – рослые рыжеволосые и голубоглазые люди, живущие за «Эмодом», т.е. за Гималаями. Это сведение отвергает как невероятное Юль⁶⁶, но совершенно напрасно, ибо Псевдо-Арриан (Перикл Эритрейского моря, § 39, 49, 64) упоминает пути из страны серов в Бактрию и оттуда к индийским гаваням⁶⁷. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что цейлонцы встречали серов. Территория «Серики», согласно сводке, сделанной Томсоном, простирается от Кашгара до Северного Китая, к северу от «баутов», т.е. тибетцев-богов⁶⁸. Это территория, занятая племенами ди, которых мы имеем право отождествить с серами как по территориальному, так и по физическому признакам.

---

⁶³ Там же. С. 253. Фауны-кяны – тибетские племена, кочевавшие в бассейне Яркенд-дарьи (см.: Maenchen-Helfen O. Pseudohuns // *Central Asiatic Journal*. Vol. I. № 2. P. 102–103; Tarn W.W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1950. P. 84–85; Гумилев Л.Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана // *Краткие сообщения Государственного Эрмитажа*. Л., 1959. № 16.

⁶⁴ Гумилев Л.Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана; см. также: Soothill. *China and West*. L., 1925; Yule-Cordier. *Cathay and Way Thither*. L., 1915.

⁶⁵ Томсон Дж.О. История древней географии. С. 427.

⁶⁶ Yule-Cordier. *Cathay*... P. 200.

⁶⁷ Томсон Дж.О. История древней географии. С. 428.

⁶⁸ Там же. С. 431.

II. Изгнанники в степи

Предыстория хуннов

При изучении древнейшего периода истории хуннов неожиданное значение приобретает вопрос о древнем населении Сибири и его ареале. Как будет показано ниже, хунны впервые упоминаются в китайской истории под 1764 г. до н.э. Следующие упоминания о них идут под 822 и 304 гг. до н.э. Почти полторы тысячи лет истории хуннов остаются в глубокой тени. Чтобы приблизиться к освещению этого периода, мы должны обратиться к археологии Сибири.

Во II тысячелетии до н.э. в Южной Сибири археологи различают две синхронные самостоятельные культуры: глазковскую на востоке и андроновскую на западе. «На территории Прибайкалья обитала группа родственных друг другу племен, которые могли быть скорее всего предками современных эвенков, эвенов или юкагиров. Культура их... была чрезвычайно близка к культуре обитателей верховьев Амура и Северной Маньчжурии, а также Монголии, вплоть до Великой китайской стены и Ордоса. Не исключено, следовательно, что вся эта обширная область была заселена родственными друг другу по культуре племенами охотников и рыболовов неолита и ранней бронзы... вероятно, говорившими на родственных друг другу племенных языках»⁶⁹. Позднее с южной частью этих племен – носителей глазковской культуры – столкнулись и перемешались некоторые предки хуннов⁷⁰. Западную половину Южной Сибири и Казахстан до Урала занимала с 1700 по 1200 г. до н.э. андроновская культура. Носители ее, принадлежавшие к белой расе, в XVIII веке до н.э. овладели Минусинской котловиной и чуть-чуть не сомкнулись с глазковцами на Енисее⁷¹. Андроновцы были земледельцами и оседлыми скотоводами⁷²; из металлов они знали бронзу, в их могилах сохранились многочисленные изящно орнаментированные глиняные сосуды. Андроновская культура связана с западом. «Неоднократно отмечалось большое сходство андроновских памятников со срубными нижневолжских, донских и донецких степей»⁷³. Но не андроновцы и не глазковцы играли первую роль в Южной Сибири во II тысячелетии до н.э.

Выше мы уже говорили о динлинах, обитавших в «песчаной стране Шасай», т.е. на окраине Гоби⁷⁴. Они же населяли Саяно-Алтайское нагорье, Минусинскую котловину и Туву. Тип их «характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза»⁷⁵. Эти выводы, построенные на основании письменных источников, нашли себе подтверждение и в археологии. Саяно-Алтай был родиной афанасьевской культуры, датирующейся приблизительно с 2000 г. до н.э. Антропологически афанасьевцы составляют особую расу. Они имели «резко выступающий нос, сравнительно низкое лицо, низкие глазницы, широкий лоб – все эти признаки говорят о принадлежности их к европейскому стволу. От современных европейцев афанасьевцы отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом

---

⁶⁹ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 8.

⁷⁰ Там же. С. 9–10.

⁷¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

⁷² Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. Т. XVI.

⁷³ Киселев С.В. Древняя история... С. 100.

⁷⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 11.

⁷⁵ Там же. С. 34–35.

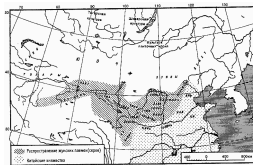
отношении они сходны с верхне-палеолитическими черепами Западной Европы, т.е. с кро-маныонским типом в широком смысле этого термина»⁷⁶.

Наследниками афанасьевцев были племена тагарской культуры, дожившей до III века до н.э.⁷⁷. Это заставляет думать, что афанасьевцы-динлины пронесли свою культуру через века, несмотря на нашествия иноплеменников.

Около 1200 г. в Минусинских степях андроновскую культуру вытеснила новая, карасукская, принесенная переселенцами с юга из Северного Китая⁷⁸, с берегов Желтой реки. Впервые в Западную Сибирь проникает китайский стиль. Это не просто заимствование. Вместе с новой культурой в могильниках появляется новый расовый тип – смесь монголоидов с европеоидами, причем европеоиды брахикранны, а монголоиды узколицы и принадлежат к «дальневосточной расе азиатского ствола»⁷⁹. Такая раса сложилась в Северном Китае в эпоху Яншао. Внешне представители ее напоминают современных узбеков, которые тоже являются продуктом смешения европеоидного и монголоидного компонентов. На месте они перемешались в свою очередь, но для нас особенно важно отметить, что «в Южную Сибирь переселился уже смешанный народ. К узколицым южным монголоидам примешан европеоидный брахикранный тип, происхождение коего неясно, так же как и место его в систематике»⁸⁰.

Напрашивается сопоставление этого загадочного брахикранный европеоидного элемента, пришедшего из Китая, с ди. Но наличие европеоидного элемента разных типов в Сибири и Китае заставляет решать вопрос так: ди и динлины – народы европейского расового ствола, но различных расовых типов; сходные, но не идентичные⁸¹.

Г.Е. Грумм-Гржимайло, отождествлявший ди и динлинов, отмечал: «Длинноголовая раса, населявшая Южную Сибирь в неолитическую эпоху, едва ли имела какую-либо генетическую связь с племенами ди, т.е. динлинами (?), жившими, как мы знаем, с незапамятных времен в бассейне Желтой реки. Скорее в ней можно видеть расу, остатки которой и до настоящего времени сохранились на дальнем востоке Азии (айны. – Л.Г.)»⁸². Но динлинами китайцы считали именно эту длинноголовую расу, а Саянские горы называли «Динлин»⁸³. Динлины исчезли с исторической арены в середине II века н.э., а дили – степная группа ди – вступили в нее в IV веке. И надо полагать, что енисейские кыргызы были связаны именно с аборигенами Сибири, динлинами, а не с пришлыми с юга ди. Южная ветвь динлинов, кочевавшая к югу от Саянских гор, перемешалась с предками хуннов, и не случайно китайцы внешним отличительным признаком хуннов считали высокие носы. Когда Ши Минь приказал перебить всех хуннов до единого, в 350 г. «погибло много китайцев с возвышенными носами»⁸⁴.

⁷⁶ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 65.

⁷⁷ Киселев С.В. Древняя история... С. 301; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 128.

⁷⁸ Киселев С.В. Древняя история... С. 114–116.

⁷⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

⁸² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 43.

⁸³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 107.

⁸⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 15.

Распространение племен в Срединной Азии около VII в. до н.э

* * *

Итак, динлины были тем народом, с которым смешались пришедшие с юга предки хуннов.

Китайская история сохранила описание жизни ху, предков хуннов⁸⁵, в доисторический период их жизни. Это тем более интересно, что в этом описании ху мало похожи на исторических хуннов по социальному строю, но близки к ним по бытовым черточкам.

В древности, по-видимому, никакого государственного устройства у хуннов не было. Отдельные семьи кочевали по степи со стадами, состоявшими из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и в меньшей степени верблюдов и ослов.

Кочевой быт отнюдь не предполагал беспорядочного блуждания по степи. Кочевники передвигались весной на летовку, расположенную в горах, где пышная растительность альпийских лугов манила к себе людей и скот, а осенью спускались на ровные малоснежные степи, в которых скот всю зиму добывал себе подножный корм. Места летовок и зимовок у кочевников строго распределялись и составляли собственность рода или семьи. Так было и у хуннов.

Однако необходимо отметить, что Сыма Цянь⁸⁶, быть может, отнес в глубокую древность некоторые черты хуннского быта, привычные для него настолько, что он не представлял, чтобы могло быть иначе. Думается, что он преувеличил роль кочевого скотоводства в экономике ху, но отрицать полностью скотоводство у степняков Внутренней Монголии эпохи неолита было бы неосновательно. Вопрос лишь в том, до какой степени это скотоводство было кочевым.

Наиболее важны для характеристики этого периода истории хуннов следующие замечания: «Могущие владеть луком все поступают в латную (!) конницу... каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги... Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают... Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований (родовых. — Л.Г.) не имеют»⁸⁷.

Все это свидетельствует о каком-то ослаблении родовых связей, о господстве физической силы над обычаем и традициями. Особенно важно, что в эпоху родового строя историк отмечает отсутствие родовых прозваний, тогда как для поздней исторической эпохи он ясно констатирует полное торжество родовых взаимоотношений (см. ниже). Можно предположить, что вышеприведенные замечания относятся к какому-то периоду, когда предков хуннов связывала не общность происхождения, а общность исторической судьбы.

Но ослабление родовых связей должно было иметь свои причины тем более потому, что наряду с указанными явлениями мы наблюдаем институты и обычаи, бесспорно относящиеся к родовому строю. Например, формой брака была не парная семья, а многоженство, причем жены переходили в число прочего имущества по наследству: мачехи к сыну, невестки к брату, что характерно для патриархально-родового строя. Было бы неверно рассматривать это только как приниженное положение женщины; часто форма брака гарантировала женщину от нищеты в случае вдовства, так как новый муж обязан был предоставить ей место у очага и долю в пище и не мог бросить ее на произвол судьбы. Все вместе указы-

---

⁸⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

⁸⁶ См. сноску 2 к Вступлению.

⁸⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

вает на какой-то прерванный исторический процесс, протекавший скорее всего еще тогда, когда хунны жили внутри Китая.

Сверим изложенное с данными археологии.

Шведской экспедицией 1927–1937 гг. во Внутренней Монголии открыта культура неолита, причем поздний этап ее датируется «временем около 2000 г., если не позже»⁸⁸. Эта культура резко отличается от неолита Северного Китая, с «которым она имела только известный контакт»⁸⁹.

Вывод напрашивается сам. Неолитическая культура принадлежала тем степным охотничьим племенам, к которым бежали из Китая сначала разбитые ди, а потом их низвергнутые победители – сторонники династии Ся. Подтверждается указанный вывод тем, что «повсюду обнаруживается много инфильтраций северокитайской неолитической культуры». Попытка реконструкции быта неолитического населения приводит к заключению, что это были охотники, рыболовы и собиратели, жившие в постоянных поселениях вдоль рек и озер.

Итак, древние ху, принявшие в свою среду две волны изгнанников из Китая, по согласным указаниям нарративных и вещественных источников, были народом весьма примитивным, лишенным государственной организации и еще не имевшим даже потребности в ней. Заслуга их перед культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводство, они сумели перебраться через пустыню – песчаное море Гоби, т.е. открыли Сибирь, как их современники-финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу. Оба открытия были важны для судеб истории, и трудно сказать, какое из них более значительно. Так как археология подтверждает, насколько ей под силу, данные китайских хроник, мы должны со вниманием отнестись и к той их части, которая по самой своей природе не может найти археологических подтверждений, т.е. к описанию брачных обычаев и непочтительного отношения к старшим. Данные хроник говорят об отсутствии семейных традиций, а к этому может привести лишь резкое ухудшение условий жизни, когда все слабое обречено на гибель. Бедность, постигшая предков хуннов, была такова, что все силы уходили на поддержание физического существования, и традиции умирали вместе со стариками.

Становление хуннов

Нам ничего не известно о войнах между кочевниками ху и государством Шан-Инь. Однако археологический материал указывает на тесное общение Китая и степняков в эту эпоху. Не исключена возможность, что крупных столкновений между ними не было, так как, с одной стороны, «варвары» еще были слабо организованы, а с другой – и у тех и у других был общий враг – растущая мощь княжества Чжоу.

Для степных народов, не меньше чем для самого Китая, торжество чжоуского вана оказалось событием, определившим их историю. Еще до восстания княжество Чжоу было заслоном Китая против северных племен. Около 1158 г. Вэнь-ван напал на хяньюней и «устранил их»⁹⁰. У-ван, постоянно сражаясь, покорил северных «варваров», т.е. жунов, и, видимо, так стеснил степных ху, что они сочли за благо удалиться от китайской границы, а путь был только один – на север.

Необходимо отметить, что хунны XII века до н.э. весьма значительно отличаются от своих предков. Дегинь, опираясь на Сыма Цяня, считает, что «около 1200 г. до н.э. мы должны помещать создание хуннского царства»⁹¹. Эту дату принимает и Кордьё⁹². В это

---

⁸⁸ Окладников А.П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. № 4. С. 173.

⁸⁹ Там же. С. 172.

⁹⁰ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 91.

⁹¹ Deguignes Y. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux avant et depuis, J.C. jusqu'à present.

время хунны населяли степи от Хэбэя до озера Баркуль и уже делали набеги на Китай. Описание их быта и порядков показывает на значительный прогресс. «Они не имеют домов и не обрабатывают землю, а живут в шатрах... Они уважают старших и в установленное время года собираются, чтобы упорядочивать свои дела»⁹³. Поэтому отнюдь не удивительно, что, переправившись через пустыню, они получили перевес над разрозненными носителями глазковской и андроновской культур.

Открытие Сибири

Вторая дата хуннской предыстории, нащупанная археологами, – приблизительно 1200 г. до н.э. Около этой даты, как уже отмечалось, совершился первый переход южных кочевников через пустыню Гоби; с того времени пустыня стала проходимой, и хунны освоили оба ее края⁹⁴.

Прежде всего возникает вопрос, почему именно в этот период переход через «песчаное море» оказался возможным. По-видимому, хуннское кочевое скотоводство развилось уже настолько, что хунны в поисках пастбищ двинулись на север, причем это же самое скотоводческое хозяйство обеспечило их достаточной тягловой силой. Наскальная писаница запечатлела тот «корабль», на котором предки хуннов перебрались через «песчаное море». Это крытая кибитка на колесах, запряженная волами, ибо для лошадей она слишком тяжела и неуклюжа⁹⁵. Изложенное предположение будет верно, но недостаточно. Нельзя также пройти мимо перемены климата на рубеже II тысячелетия до н.э. и связанных с ним изменений в распределении ландшафтов. Возможно, что именно в это время начался процесс похолодания и небольшого увлажнения климата, закончившийся к середине I тысячелетия до н.э. Засушливый ксеротермический период стал заменяться субатлантическим влажным, и соответственно должны были сдвинуться границы пустыни Гоби. В тот период должно было увеличиться и число озер, тянувшихся поясом от нижнего Поволжья, через Казахстан и Монголию, до Хингана (сухость климата и озерность – взаимосвязанные географические явления)⁹⁶. Вместе с этим «таежное море» начало наступление на юг. Лесостепи превратились в дремучие чащи, и это подорвало экономическую базу обитателей Сибири. Обстоятельства сложились в пользу южных кочевников, которые сумели ими воспользоваться. Письменные источники не сохранили следов тысячелетней борьбы за степь, но к III веку до н.э. хунны уже были хозяевами всех степных пространств от пустыни Гоби до сибирской тайги. На берегах Енисея и Абакана рядом с бревенчатой избой появилась круглая юрта кочевника. Вместе с культурным произошло и расовое смешение: в эту эпоху, именуемую карсукской, в погребениях начинает появляться монголоидный, узколиций северокитайский тип⁹⁷ и европеоидный брахикранный южного происхождения.

Но если хунны повлияли на аборигенов Южной Сибири, то последние не в меньшей мере повлияли на них. «Жизнь неолитических рыбаков конца каменного и начала бронзового века на Ангаре и верхней Лене вовсе не была такой мирной и тихой идиллией, какой ее изображали раньше... Постоянные межродовые и межплеменные войны обычны, как известно, в условиях родового быта»⁹⁸. «Целью войн было приобретение рабов для того, чтобы изба-

Vol. I. P., 1758. P. 216.

⁹² Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. I. P., 1920. P. 205.

⁹³ Цит. по кн.: Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. I. P. 205.

⁹⁴ См.: Киселев С.В. Древняя история... С. 147.

⁹⁵ Там же. С. 161.

⁹⁶ Мурзаев Э. Северо-восточный Китай. М., 1955. С. 83, 113.

⁹⁷ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.

⁹⁸ Окладников А.П. Неолит... С. 261.

вить себя и жен от тяжелых хозяйственных забот, и добывание „богатства“. Однако „богатство“ имело совсем не тот смысл, который вкладываем в этот термин мы. Эти „ценности“, по существу, не имели никакого значения в повседневной жизни. Они были предметом гордости владельцев, но лежали в амбарах, как мертвое сокровище... Это были обработанные куски нефрита, морские раковины, перламутр и т.п. вещи, блеском радовавшие глаз, но не приносившие реальной пользы»⁹⁹. Культурные связи древних обитателей Прибайкалья тянутся к Южной Маньчжурии и Северо-Восточному Китаю¹⁰⁰. Здесь прослеживается обмен главным образом украшениями из нефрита (диски, кольца, полудиски), бусами, морскими раковинами и, что особенно важно, металлическим сырьем. На основании новых данных археологии можно заключить, что во II тысячелетии до н.э. существовал самостоятельный культурный комплекс на территории от Ангары до Уссури. Собранные А.П. Окладниковым археологические материалы, характеризующие жизнь прибайкальских племен во II тысячелетии и в начале I тысячелетия до н.э., рисуют картину патриархально-родового строя с существованием рабства, причем рабы, добываемые путем пленения и покупки, использовались для трудоемких и неприятных работ, а также для кровавых жертвоприношений¹⁰¹. Судя по вышеприведенному описанию, хунны были примитивнее аборигенов Халхи и, следовательно, должны были воспринять многое из их культуры. Действительно, в III веке до н.э. мы наблюдаем у хуннов патриархально-родовой строй и бытовое рабство, подобное тому, которое предположил Окладников для племен глазковской культуры.

Хотя история хуннов с 1200 до 214 г. до н.э. (за малыми исключениями) не освещена письменными источниками, но за 1000 лет должно было произойти немало событий, и мы не имеем права опустить этот период, не сказав о нем ни слова. Правда, здесь будут только предположения и соображения, основанные на аналогиях, но они могут пролить некоторый свет если не на историю, то на этнографию хуннов.

Археологическими исследованиями установлено, что по всей Южной Сибири в бронзовый век существовал обычай соумирания жены или наложницы и захоронения ее в могиле мужа¹⁰². Но, кроме того, обнаружены также и мужчины, принесенные в жертву¹⁰³. Это можно трактовать как обычай «туом», очень древний обряд вызывания духа войны путем пролития крови. Этот обычай существовал у нижнеленских племен, и память о нем сохранилась поныне¹⁰⁴.

Однако мы имеем значительно более близкие аналогии. У киданей существовал обычай – во время войны по пути во вражескую страну приносить в качестве «искупительной жертвы» духам предков какого-либо преступника, расстреливая его «тысячью стрел». Точно так же и по окончании войны они приносили духам в жертву одного из врагов, на этот раз как «благодарственную жертву»¹⁰⁵. Аналогичный обычай во II веке до н.э. зафиксирован у хуннов¹⁰⁶. Тут связь несомненна, так как кидани были, по-видимому, юго-восточной ветвью носителей глазковской культуры, а хунны с 1200 г. до н.э. поддерживали с глазковцами тесные связи, тогда как нижнеленские племена, принадлежащие к циркумполярным культурам, были отделены от южного Прибайкалья «таежным морем» и связь с ними хуннов проблематична.

⁹⁹ Там же. С. 244, 247.

¹⁰⁰ Там же. Глава IV.

¹⁰¹ Там же. С. 231 и сл.

¹⁰² Окладников А.П. Неолит... С. 233, 237; Киселев С.В. Древняя история... С. 24, 113; Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 68, 69.

¹⁰³ Окладников А.П. Неолит... С. 259.

¹⁰⁴ Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены (Сборник МАЭ. 1949. № 11). С. 82, рассказ 9.

¹⁰⁵ Plath J.H. Geschichte des östlichen Asiens. Göttingen, 1830. S. 105; ср.: Окладников А.П. Неолит... С. 261.

¹⁰⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.

Таким образом, можно сказать, что жертвы приносились не богу войны Ильбису¹⁰⁷, а духам предков, очевидно, очень кровожадным.

Особенно важен следующий вывод А.П. Окладникова: в глазковское время произошло «появление нового похоронного обряда, обусловленного идеей о существовании подземного мира, в который ведет река мертвых, и замена старой обрядности, имевшей в основе иные представления о судьбе покойников в загробном мире»¹⁰⁸.

Эта смена мировоззрения сопоставляется с переходом от матриархата к патриархальному родовому строю. Она радикально меняет все жизнепонимание и прежде всего отражается на культе предков: «По воззрениям этого времени возвращение мертвых приносит несчастья и беды живым, тогда как ранее оно считалось неизбежным и желанным звеном круговорота жизни и смерти»¹⁰⁹. С этой точки зрения понятны «искупительные» и «благодарственные» жертвы духам предков как воздаяние за невмешательство в земные дела.

В связи с этим мировоззрением возникает дуалистическая система: небо – отец – добро и земля – мать – смерть, и отсюда вытекает солярный культ, выразившийся в изготовлении дисков и колец из белого нефрита. А.П. Окладников предполагает, что культ солнца в Прибайкалье заменил существовавший ранее культ зверя.

Наконец последним интереснейшим наблюдением и выводом А.П. Окладникова является интерпретация двух захоронений глазковского времени как шаманских¹¹⁰. Однако надо признать, что шаманизм, т.е. близкое, даже сексуальное, общение с духами отнюдь не соответствует описанному выше мировоззрению, и если признать, что описанные погребения действительно шаманские, то правильнее сделать вывод, что они позднейшего происхождения, т.е. датировать их после 1200 г. до н.э. и сопоставить с южным шаманизмом, уже существовавшим в Китае и пришедшим в Сибирь, очевидно, вместе с хуннами. Такое предположение не противоречит ни общей концепции А.П. Окладникова, ни собранному им материалу, ибо он сам сопоставляет костяные ложки из погребения, обнаруженного около деревни Аносово, с бронзовыми ложками из Ордоса¹¹¹. Предположение, что шаманизм возник в Сибири самостоятельно на базе развития более древних верований, не только не доказано, но, по-видимому, и не может быть доказано; наоборот, культурные связи Сибири и Дальнего Востока прослеживаются с бронзового века.

Описание культуры и общественного строя рыболовецких племен Прибайкалья имеет для нашей темы второстепенное, но существенное значение. Хунны тысячу лет впитывали в себя и перерабатывали эту культуру, и самостоятельный облик хуннской культуры, столь отличный от китайского и даже противоположный ему, есть следствие этого факта. Почти все отмеченные обряды мы встретим с некоторыми изменениями в державе Хунну во II веке до н.э. Поэтому исследования и выводы А.П. Окладникова приобретают особую ценность: они выясняют второй исток того творческого своеобразия, которое нашло свое воплощение в создании державы Хунну и кочевой культуры.

Продвижение хуннов на север

А.П. Окладников выделил в особый этап шиверскую культуру, возникшую от соприкосновения древних хуннов с древними тунгусами. От предшествующего глазковского этапа она отличается бурным развитием металлической техники и появлением «удивительной

---

¹⁰⁷ Окладников А.П. Неолит... С. 259.

¹⁰⁸ Там же. С. 328.

¹⁰⁹ Там же. С. 334.

¹¹⁰ Там же. С. 339 и сл.

¹¹¹ Там же. С. 347.

близости к особенностям примитивных топоров кельтов и архаического Китая иньской (или шанской) династии»¹¹². Наконечники копий также повторяют иньские, а кинжалы и ножи принадлежат к архаическим вариантам карасукских плоских кинжалов.

Учитывая прослеженный нами ход событий, мы можем с уверенностью датировать эту культуру началом I тысячелетия до н.э. Ведь хунны были врагами Чжоу и, следовательно, друзьями Шан-Инь¹¹³. Будучи выбиты из Китая У-ваном в самом конце XII века, они перенесли заимствованные у китайцев навыки и формы в Сибирь; таким образом, для Сибири вещи, сходные с аньянскими, должны датироваться эпохой, непосредственно следующей за гибелью царства Шан-Инь. Но это не следует распространять на область идеологии, так как разница в быте и хозяйственном укладе у кочевников и китайцев исключала прямое заимствование.

Итак, мы вправе констатировать, что шиверский этап прибайкальской культуры и карасукская культура не только синхронны, но и возникли по одной и той же причине. Однако судьба их была различна.

Западный отряд хуннов, переваливший за Саяны, оказался окруженным воинственными динлинами и изолированным от основной массы своих соплеменников. Как бы ни шла борьба, но победили динлины¹¹⁴.

Тагарская культура мощно перекрыла карасукскую, местная традиция восторжествовала над пришлой. По новейшим измерениям, карасукские черепа напоминают больше всего черепа узбеков и таджиков (сообщено В.П. Алексеевым), а это значит, что, как и в Средней Азии, монголоидный компонент был поглощен европеоидным.

Карасукская культура была распространена гораздо шире, чем антропологический тип ее носителей¹¹⁵. Она широко взаимодействовала с предшествовавшей андроновской культурой и оставила след на последующей тагарской. Это позволяет допустить, что внедрившиеся с юга пришельцы быстро установили с аборигенами мирные отношения и, оплодотворив их культуру своей, растворились в их массе.

Не то было на востоке. Близкие по крови к хуннам и менее организованные прибайкальские племена подчинились им, и к III веку до н.э. вся Центральная Монголия и степное Забайкалье составили основную территорию хуннов. Борьба за степные просторы заняла, видимо, около 300 лет, и в Китае все это время про хуннов не было слышно. В эти 300 лет формировался новый народ, смешиваясь с аборигенами и совершенствуя свою культуру (например, технику бронзы). А в Китае за это же время династия Чжоу разложилась и пришла в упадок. Но, кроме китайцев, у хуннов было еще немало других соседей.

Соседи древних хуннов

Жуны занимали территорию, весьма однородную по ландшафту и монолитную: на северо-западе они населяли оазис Хами¹¹⁶, где граничили с индоевропейскими чешисцами, обитавшими в Турфане; на юго-западе они владели берегами озера Лобнор и Черчен-Дарьи, примыкая к Хотану и горам Алтынтага, где кочевали тибетцы – жокянь (или эррянь); жунам

¹¹² Окладников А.П. Шиверский культурно-исторический этап (рукопись).

¹¹³ Весьма примечательно, что хунны сохранили традиции шанского искусства до V века н.э. и донесли их до Западной Европы. На Каталаунском поле найдена ручка бронзового жертвенного сосуда гуннского происхождения. Аналогичные находки были сделаны в Венгрии, Силезии, на юге России, в Горном Алтае у Телецкого озера, в Монголии и Ордосе. Датироваются они эпохой Старшей Хань, III–I век до н.э., но стиль их восходит к стилю эпохи Шан-Инь, когда подобные сосуды назывались «ю» [см.: Takáts Z. Catalaunischen Hunnenfund und sein ostasiatischen Verbindungen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. V. Budapest, 1955. S. 143–173].

¹¹⁴ Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. № 2. С. 46.

¹¹⁵ Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА. Т. 48. 1956. С. 38–41.

¹¹⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

принадлежало также плоскогорье Цайдам, а родственные им племена ди жили в северной Сычуани. Но главная масса жунских племен группировалась в Северном Китае. В провинции Хэбэй жили племена: бэйжун (они же шаньжун), цзяши (ответвление племени чиди), сяньлюй, фэй и гу (ответвления племени байди), учжун. Общее их название было – бэйди. На западе жили племена, получившие общее название жунди. Они обитали среди китайского населения, не смешиваясь с ним, в провинциях: Шэньси – дажуны, лижуны, цюаньжуны; Ганьсу – сяожуны; Хэнани и Шаньси – маожуны, байди, чиди, цянцзюжуны, луши, люсюй и дочэнь¹¹⁷. К жунскому племени принадлежали кочевые племена лэуфань и баянь. Лэуфань вначале помещались в Шаньси (в области современной Тайюань)¹¹⁸, но потом мы застаем их в Ордосе. Очевидно, именно их имел в виду Птоломей, рассказывая о народе серов, живущих по соседству с синами – китайцами.

Самое восточное из жунских племен – шаньжуны жили в южном Хингане, соседствуя с дунху и хуннами. Местопребывание хуннов в древности точно определено в «Цзиньшу», гл. 97¹¹⁹. Хуннская земля на юге соединялась с уделами Янь и Чжао (современные провинции Хэбэй и Шаньси), на севере достигала Шамо, на востоке примыкала к северным и, а на западе доходила до шести жунских племен, т.е. древние границы распространения хуннов совпадали с современными границами Внутренней Монголии без Барги. Впоследствии они сузились, так как степи к востоку от Хингана заселили дунху, точнее хоры, народ монгольской расы. Необходимо отметить, что северокитайский тип весьма разнится от монгольского. Китайцы узколицы, худощавы, стройны, а монголы широкоскулы, низкорослы, коренасты. В степи мы наблюдаем оба типа: чистых монголов китайцы называли дунху, т.е. восточные ху, а среди ху-хуннов преобладал китайский узколицый тип с примесью динлинских черт, например высоких носов¹²⁰. Разумеется, хунны и дунху-хоры на протяжении веков смешивались, и это смешение определило в значительной степени характер хуннов: динлинская неукротимость сочеталась с китайской любовью к системе и с монгольской выносливостью.

К северу от хуннов обитали динлины. Они населяли оба склона Саянского хребта от Енисея до Селенги. На Енисее помещались кыргызы (по-китайски – «цигу») – народ, возникший от смешения динлинов с неизвестным племенем гянь-гунь, а на запад от них, на северном склоне Алтая, жили кипчаки (по-китайски – «кюеше»), по внешнему виду похожие на динлинов и, вероятно, родственные им.

Начиная с V века до н.э. в китайских хрониках появляется упоминание о юэчжах, кочевом народе, жившем в Хэси, т.е. в степях к западу от Ордоса. Территория их определяется «от Дунь-хуана на север, от Великой стены при Ордосе – на северо-запад до Хами»¹²¹. Однако эта территория не могла быть родиной многочисленного юэчжийского народа, так как в эту же эпоху китайская география помещает сюда усуней и чиди-уйгуров. До V века о юэчжах китайцы не пишут, чего не могло быть, если бы те занимали столь близкую к Китаю область. Отсюда вытекает, что юэчжи овладели Хэси в V веке до н.э., имея уже вполне освоенную базу для наступления; такой базой могла быть только Джунгария, ибо Центральная Монголия была уже занята хуннами, а западная – кипчаками и гяньгунями¹²².

¹¹⁷ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 137–138.

¹¹⁸ Chavannes Ed. Les memoires historiques de Sse-ma Ts'ien. P., 1899. P. 71, 89.

¹¹⁹ См.: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 219.

¹²⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 15.

¹²¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

¹²² Историю вопроса см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 91–94. Территория, на которой жили юэчжи, восстанавливается на основе сопоставления таким образом. В эпоху, предшествовавшую хуннскому завоеванию степной Азии, к Алтаю примыкали два государства: с запада Кангюй и с востока Юэчжи. Кангюй, вопреки мнению С.П. Толстова, находился в Восточном Казахстане, и мало данных за то, чтобы степняки обладали горными долинами Алтая. Область

Переходим к последнему и наиболее загадочному белокурому народу – северным бома. Бома населяли северные склоны Саяно-Алтая¹²³. Известно о них следующее: «Они ведут кочевой образ жизни; предпочитают селиться среди гор, поросших хвойным лесом, пашут лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны – Бома (пегая лошадь).

К северу их земли простираются до моря. Они ведут частые войны с хагасами, которых очень напоминают лицом; но языки у них разные, и они не понимают друг друга. Дома строят из дерева. Покровом деревянного сруба служит древесная кора. Они делятся на мелкие кланы и не имеют общего начальника»¹²⁴. В переводе Н.Я. Бичурина находим некоторые отличия: так, например, масть лошадей – саврасая, верхом бома не ездили, а держали лошадей только из-за молока, войско бома исчислено в 30 000 человек¹²⁵.

Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия его в китайской передаче: бице-бике и олочже¹²⁶. Отсюда становится понятно, что бома – просто кличка, и сопоставление сибирских бома с ганасуйскими необосновано, тем более что они пишутся разными иероглифами¹²⁷. Этнонимы их совпадают с бикинами, древним племенем, упомянутым Рашид ад-Дином, и алакчинами, о которых Абулгази пишет, что «у них все лошади пегие, а очаги золотые». Страну Алакчин он помещает на Ангаре¹²⁸. Таким образом, мы не можем причислять бома ни к дили, ни к динлинам.

Локализовав алакчинов, обратимся к антропологии Прибайкалья. Там в неолитическую эпоху, вероятно, очень затянувшуюся, намечаются три типа: 1) эскимоидный – на среднем течении Ангары, где нет европеоидной примеси; 2) палеосибирский – на верхнем течении Ангары и Лены и 3) европеоидный, просочившийся из Саяно-Алтая и смешавшийся с аборигенами. Область распространения этого типа в Прибайкалье ограничивается южными его районами, прилегающими к островкам степей или черноземных почв, цепочка которых тянется от Минусинского края до Канской степи примерно вдоль линии нынешней железной дороги¹²⁹. Сходную картину мы наблюдаем и в Красноярском крае¹³⁰.

юэчжей, по китайским сведениям, лежала между Алашанем и Хами, но южную, плодородную часть этой территории занимали усунь, покоренные юэчжами около IV века до н.э. Попытка понять китайские сведения буквально, т.е. поместить два больших народа на одной пустынной территории, не дала результатов. Необходимо допустить, что эта область была завоевана юэчжами с запада, а так как область оазисов была населена тохарами, а территория Монголии – хуннами, то остается только Джунгария, примыкающая к Алтаю и Тяньшаню. Отсюда юэчжи были вытеснены хуннами в 165 г. до н.э. За отождествление пазырыкцев с юэчжами говорят следующие данные: 1) Китайские вещи, например зеркало из княжества Цинь, тесно связанного с юэчжами. 2) Юэчжи брили голову; останки, найденные в Пазырыке, свидетельствуют о том же. 3) Резкий характерный профиль на пазырыкских изображениях, являющийся эстетическим каноном, совпадает с профилем на кушанских монетах. 4) Предполагаемая датировка V–III века до н.э. совпадает с расцветом юэчжей, тогда как Кангюй существовал еще 500 лет, а в циньское время с Китаем не сносился, и циньское зеркало с другими вещами попасть на Алтай могло опять-таки только через юэчжей. 5) Много больших каменных курганов пазырыкского типа расположено в восточных районах, ландшафтом связанных с Монголией и Джунгарией, а не с Карагандинской степью и не с Барабой; сходство же пазырыкских вещей со скифскими объясняется просто тем, что оба эти народа имели сношения и обменивались культурными ценностями, причем посредниками были родственные скифам аланы. Литература о юэчжах огромна. Из новых работ, см.: Pelliot P. Les coutchenes et les tokhariens // *Journal asiatique*. 1934; Haloun G. Zur Üetsi Frage // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1937; Умняков И.И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. С.П. Толстов сопоставил юэчжей с массагетами, опираясь на звучание имен в предположительной реконструкции (см.: Древний Хорезм. М., 1948). Эта гипотеза принята не всеми учеными.

¹²³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 51, 59.

¹²⁴ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903. С. 29, прим. 4.

¹²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 350.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 13.

¹²⁸ Там же. С. 353–354.

¹²⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 58–61.

¹³⁰ Там же. С. 62.

Итак, наличие северных бома, вернее, алакчинов и бикинов, подтверждается. Этническое различие их с динлинами при расовом сходстве не должно нас ни удивлять, ни поражать. Распространены они были, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала, рассеянными группами, как многие другие сибирские племена.

III. На берегах «песчаного моря»

Первое вторжение хуннов в Китай

Кончался IX век. В Китае чжоуские ваны уже теряли свою мощь, и ван Сюань стал опасаться недовольства своих подданных, склонных к мятежу.

В это время впервые показали себя миру хунны, которых китайская поэзия окрестила «небесными гордецами», а грубая проза – «злыми невольниками».

Первое поэтическое известие о хуннах, уже обновленных, сформировавшихся и потому грозных, относится к 822 г. до н.э. В одной из од «Книги песен» описывается вторжение хуннов¹³¹ в Китай:

В шестой месяц¹³², какое смятение!
Боевые колесницы стоят наготове,
В каждую запряжено четыре статных коня,
Они снаряжены, как это обычно делается.
Хунну яростно вторглись,
Поэтому мы должны были спешно выступить;
Чтобы освободить столицу,
Царь¹³³ приказал выступить в поход.
Мы победили Хунну,
Проявив великую храбрость...
Хунну плохо рассчитали,
Заняв Цяо и Ху,
Захватив Хао и Фэнь¹³⁴,
Дойдя до северной части реки Цзинь.
Наши знамена, украшенные изображениями птиц,
Развевались своими белыми складками.
Десять военных колесниц мчались впереди...
Мы победили Хунну.
Это пример для десяти тысяч (т.е. многих) стран¹³⁵.

Данные слишком скудны, чтобы оценить поход хуннов по достоинству. Не совсем ясно, был ли это просто удачный грабительский набег или серьезная война, рассчитанная на захват территории. Первое вероятнее, но и в этом случае, видимо, действовали большие и организованные массы. Для отражения противника потребовалась мобилизация, и все-таки война была нелегкой.

Тем более странно, что после этого хунны опять не упоминаются около 500 лет. Очевидно, их оттеснили на север жуны¹³⁶.

---

¹³¹ Они названы не сюнну, а сюньюнь, очевидно, из-за архаичности языка.

¹³² В июле.

¹³³ Сюань-ван из династии Чжоу.

¹³⁴ Столица царства Джоу.

¹³⁵ Авдиев В.И. История древнего Востока. М., 1953. С. 655.

¹³⁶ Название «хунну» появилось в Китае в эпоху Чжаньго (IV–III века до н.э.) [см.: Цэн Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань. Шанхай, 1955 (Реферативный сборник. 1956. № 15. С. 95).

Борьба жунов и китайцев

Власть чжоуских ванов держалась «на острие копья». Это положение не могло длиться бесконечно. В 842 г. до н.э. население столицы восстало против Ли-вана и штурмовало дворец. Ли-ван бежал. Власть взяли в свои руки сановники Чжоу-гун и Чжао-гун, которые пошли навстречу требованиям восставшего народа. Эпоха их регентства (842–827) получила характерное название «Всеобщее согласие» (Гунхэ). Этой ценой была спасена династия, но мощь ее не восстановилась, несмотря на удачное отражение хуннов и победоносную войну с царством Сюй на юго-востоке Китая.

Пока феодальных и удельных владений в Китае было много, размер их был очень мал. Поэтому ван (царь) имел бесспорное преимущество перед любым из своих князей. Но когда владения укрупнились, пропорционально выросла сила отдельных князей, и ванам пришлось с ними считаться. Однако это не всегда было так: нередко личные интересы и страсти вмешивались в политические расчеты и опрокидывали их. Так, например, Ю-ван, влюбившись в красавицу Бао-сы, стал пренебрегать своей законной супругой, дочерью князя Шэня. Последний вступился за оскорбленную дочь; возник конфликт между феодалами, причем обиженный вельможа попросил помощи у соседних племен «варваров». Тут и начали контрнаступление жуны и ди. В 771 г. гуаньжуны вмешались в феодальную войну и вторглись в Китай. Ю-ван пал в битве, и гуаньжуны осели на китайских землях. Они заняли область между реками Гин и Вэй «и продолжали утеснять Серединное Государство»¹³⁷. Пин-ван из дома Чжоу, не сумев отбиться от наседавшего врага, ушел на восток в Лоян, но гуаньжунов отразил князь Сян в 770 г. до н.э. С этого времени начинается фактический распад княжества Чжоу.

Несколько позднее активизировались на востоке шаньжуны. В 706 г. они прорвались сквозь княжество Янь и княжество Ци и разбили князя Ци под стенами его столицы. Только через 44 года Хуань-гун, князь удела Ци, выгнал их из пределов Китая¹³⁸. Однако распри по-прежнему мешали китайцам объединять свои силы, и в 644 г. жуны разорили удел Цзинь, князь которого был главою имперского союза. В 642 г. они пришли на помощь своему бывшему врагу – мятежному князю удела Ци, и произвели опустошительный набег на удел Вэй.

Но наибольших успехов жуны достигли в 636 г. до н.э. Великий князь Сян-ван из политических соображений женился на княжне из жунов. Однако молодая княгиня стала участницей заговора против него одной из придворных клик. Они привели своих соплеменников, а ее друзья отворили им ворота столицы, и великому князю пришлось бежать. Четыре года грабили жуны беззащитный Китай, пока Вэнь-гун, князь удела Цзинь, добивался согласия имперского сейма на вручение ему полномочий на изгнание жунов и восстановление порядка. Только в 632 г. он изгнал их из столицы и казнил изменника, узурпатора – князя удела Дай. Тогда же циньский Му-гун (659–621) уничтожил 12 владений жунов на западе и вернул Китаю земли Чжоу.

Однако жуны не были разбиты, и борьба продолжалась до 569 г., когда они заключили мир с уделом Цзинь¹³⁹. В V веке перевес склонился на сторону китайцев. Чжао-ван, князь удела Цзинь, завоевал царство икюйских жунов в Шэньси и восточном Ганьсу. Ву Лин, князь

¹³⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42.

¹³⁸ Конфуций говорил, что, если бы не эта победа, «нам, пожалуй, пришлось бы ходить непричесанными, застегивать одежду налево и испытывать иноплеменное господство» (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. Т. I. М., 1958. С. 120).

¹³⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43–44.

Чжао, покорил в Ордосе лэуфань и линьху, а Цинь Кай, полководец княжества Янь, «внезапным нападением разгромил Дун-ху»¹⁴⁰.

Каким образом окончательная победа досталась китайцам, убедительно показано ими самими. Жуны занимали огромную территорию и делились на множество больших и малых племен. «Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»¹⁴¹. До тех пор, пока в самом Китае царила феодальная раздробленность, жуны могли иметь частные успехи, но как только владения укрупнились и князья стали царями, централизованная сила победила храбрых жунов. Каменные замки оказались более надежными убежищами, чем горные ущелья. Икюйские жуны попробовали было подражать китайцам и построили ряд крепостей. Но китайцы уже владели осадной техникой и без труда взяли их замки. Кроме того, мы не знаем, каковы были отношения между жунами и хуннами. Вряд ли они были друзьями. А если так, то положение жунов должно было быть трагично: зажатые между Китаем и Великой степью, они не имели тыла, а горные долины, где они пытались укрыться от наступавшего врага, оказались ловушками, не имевшими выхода, не убежищем, а местом гибели.

В результате пятивековой борьбы жуны были разделены на две части: основная была оттеснена на запад, к горному озеру Кукунор, а другая – на восток, в горы Хингана, где и растворилась среди восточных ху¹⁴², затаив вражду против китайцев. В результате в III веке до н.э. сложился племенной союз дунху, захвативший гегемонию в восточной части Великой степи. В это же время вновь ожили и вернулись к активной исторической жизни народы западной части Степи.

В 250 г. до н.э. парфяне, возглавив иранское освободительное движение, выгнали из Мидии завоевателей македонян, а родственные им сарматы завоевали Скифию, т.е. причерноморские степи¹⁴³.

Как будто каким-то мощным толчком были приведены в движение степные народы в середине III века до н.э.

Культура плиточных могил

В то время когда китайцы и жуны уничтожали друг друга в истребительных войнах, в степях Центральной Монголии и Южного Забайкалья сложилась оригинальная культура, которой предстояло большая будущность. Это так называемая «культура плиточных могил», а по сути дела – ранний этап самостоятельной хуннской культуры. Она исследована Г.И. Боровкой¹⁴⁴ и Г.П. Сосновским¹⁴⁵, но законченное описание ее принадлежит А.П. Окладникову¹⁴⁶. Эти могилы, вытянутые цепочками с юга на север, содержат великолепные изделия из бронзы. Описание их я опускаю, так как оно имеется в работах указанных авторов, и, опираясь на характеристику культуры плиточных могил, данную А.П. Окладниковым, попробую перейти к интерпретации.

Судя по дошедшим до нас материалам, основным занятием людей, оставивших плиточные могилы, было скотоводство; к тому же они в совершенстве владели техникой литей-

¹⁴⁰ Там же. С. 45.

¹⁴¹ Там же. С. 43

¹⁴² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 85.

¹⁴³ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 321.

¹⁴⁴ Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы // Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.

¹⁴⁵ Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья (КСИИМК. Т. VIII. М.; Л., 1940); Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.

¹⁴⁶ Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура (Рукопись).

ного дела. В могилах обнаружены раковины-каури из Индийского океана, белые цилиндрические бусы из пиррофиллита, фрагменты сосудов-триподов китайских форм. Это указывает на широту культурных связей, которые простирались от Китая до Алтая, Минусинской котловины и Средней Азии. Однако еще незаметно следов классового расслоения: «расположение могил указывает на прочность общинно-родовых связей»¹⁴⁷. Это не значит, конечно, что не было богатых или бедных семей, но и те и другие находились в рамках патриархального рода. Патриархальный род – это строй аристократический. Заслуженные воины, старейшины и вожди составляют его верхушку, и их могилы должны иметь отличие от могил рядовых их соплеменников. Таковыми являются «оленные камни», т.е. плиты, украшенные изображениями оленей, солнечного диска и оружия. На изготовление их затрачивался труд настолько большой, что он был непосилен одной семье покойника. Очевидно, это было общественным делом¹⁴⁸. Антропологический тип на протяжении всего I тысячелетия до н.э. не менялся; именно в эту эпоху складывался и сложился характерный палеосибирский тип, справедливо приписываемый хуннам¹⁴⁹.

В чем же различие культуры плиточных могил¹⁵⁰ и последующей, непосредственно примыкающей к ней хуннской культуры? Во-первых, хунны широко использовали железо, которое в плиточных могилах встречается редко. Этот факт получает крайне простое объяснение. Первоначально степняки получали железо с юга от тибетцев-кянов¹⁵¹. Сомкнулись они с ними около 205 г. до н.э.¹⁵², и только тогда железо потекло в Степь широким потоком. Во-вторых, у хуннов мы обнаруживаем царские могилы. И это понятно, так как лишь в 209 г. до н.э. произошла консолидация родов и была установлена твердая центральная власть, а до этого хунны были просто конфедерацией родов. Значит, появление царских могил – не что иное, как этап истории одного народа. Все прочие черты совпадают, и, следовательно, вышеприведенная характеристика относится к раннехуннскому обществу, точнее, к становлению его в IX–IV веках до н.э. В IV веке хунны усилились настолько, что перешли обратно на южную сторону Гоби¹⁵³, и китайцы, только что одержав победу над бэйди, были вынуждены защищаться от нового врага, учитывая его особую стратегию и непривычную тактику. Памятники этого столкновения – Великая китайская стена и плиточные могилы во Внутренней Монголии¹⁵⁴.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.

¹⁵⁰ Отождествление культуры плиточных могил с раннехуннской оспаривает И.И. Гохман, который основывает противоположное мнение на изучении семи черепов из плиточных могил IV–II веков до н.э. (Гохман И.И. Антропологические материалы плиточных могил Забайкалья // Сборник МАЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1958. С. 428, 437). Исследованные И.И. Гохманом черепа монголоидны и не имеют европеоидной примеси, характерной для хуннов. Однако автор не учитывает, что хунны, как и любой большой народ, не были расово монолитны. Небольшое количество исследованного краниологического материала не позволяет судить обо всем расовом составе населения, оставившего плиточные могилы, а территория, на которой они распространены, уже в III веке до н.э. была хуннской. Скорее можно предположить, что этот монголоидный тип был одним из компонентов хуннского народа, окончательно сложившегося на севере, а не на юге от Гоби. Изменение погребального обряда, имевшее место во II веке до н.э., связано не с переселением нового народа, а с изменением культа, так как хуннская культура в это время переживала период бурного развития, оборвавшегося во II веке н.э. Наличие же плиточных могил к югу от Гоби показывает, что этот обряд захоронения связан не с локальными особенностями одного племени, а является следом культурного единства многоплеменного этнического образования в Средней Азии I тысячелетия до н.э.

¹⁵¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.

¹⁵² Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

¹⁵³ В 317 г. хунны в союзе с пятью китайскими княжествами выступили против Цинь, но были отбиты (Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 235).

¹⁵⁴ Окладников А.П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. № 4. С. 163.

О языке хуннов

Вопросу о языке, на котором говорили хунны, посвящена большая литература, ныне в значительной степени потерявшая значение¹⁵⁵. Сиратори доказывал, что известные нам хуннские слова – тюркские и единственная хуннская фраза, дошедшая до нас, – тюркская¹⁵⁶. Исследования финских ученых поставили вопрос о хуннском языке в несколько иную плоскость: Кастрен¹⁵⁷ и Рамстедт¹⁵⁸ высказали мнение, что хуннский язык был общим для предков тюрков и монголов. Пельо отметил, что он включает в себя элементы еще более древнего слоя¹⁵⁹. Лигети оставляет вопрос о хуннском языке открытым, ссылаясь на то, что хуннское слово, обозначающее «сапоги», известное нам в китайской транскрипции, звучит «сагдак» и не имеет аналогий ни в тюркских, ни в монгольском языках. Приведенное им сопоставление с кетским словом «сегди» не удовлетворяет самого автора¹⁶⁰.

Однако это слово имеет прямое отношение к старорусскому слову «сагайдак», т.е. колчан со стрелами и луком. Оно тюрко-монгольского происхождения и было в употреблении в XVI–XVII веках. Связь его с хуннским словом «сагдак» совершенно очевидна, так как хунны затыкали за голенища стрелы, которые не помещались в колчане¹⁶¹, как впоследствии делали русские, затыкая туда ножи. Итак, слово «сагдак» восходит, возможно, к той же тюрко-монгольской языковой стихии, которая в I тысячелетии до н.э. была еще, очевидно, слабо дифференцирована; но возможно также, что общность известных нам хуннских и монгольских слов объясняется культурным обменом между народами, которых тесно связывала историческая судьба. Несмотря на приведенные соображения, можно думать, что сомнение в тюркоязычии хуннов несостоятельно, так как имеется прямое указание источника на близость языков хуннского и телеского¹⁶², т.е. уйгурского, о принадлежности которого не может быть двух мнений. Сам Лигети указывает, что сомнения в тюркоязычии хуннов основаны на анализе специальных «культурных слов», которые очень часто оказываются заимствованными, в чем нет ничего удивительного, так как общение хуннов с соседями было продолжительным и интенсивным.

---

¹⁵⁵ См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926.

¹⁵⁶ Shiratori K. Über die Sprache der Hiungnu und der Tanghu – Stämme. St. Pb., 1902; Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de S.-Petersburg. V. Serie. Bd. XVII. №2 (Отдельный оттиск).

¹⁵⁷ Castrén M.A. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Pb., 1857. S. 35–36.

¹⁵⁸ M.G.S. Ramstedt. Über der Ursprung der türkischen Sprache. Helsinki, 1937. S. 81–91.

¹⁵⁹ Pelliot P. L'édition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei (T'oung Pao. Vol. XXVI). P. 167.

¹⁶⁰ Ligeti L. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia. 1950. S. 141–149.

¹⁶¹ В колчане помещалось всего 30 стрел (см.: Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. СПб., 1909).

¹⁶² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 214.

IV. Великая стена

Война хуннов с княжеством Чжао

Победа, которую предки китайцев одержали над окружавшими их со всех сторон враждебными племенами (жунди, кянов, маней, юэ и пр.), далась им очень нелегко и стоила недешево. Но даже после того, как внутри китайских земель были уничтожены жунские княжества и подчинены племена, граничившие непосредственно с царствами, образовавшимися в результате укрупнения феодальных княжеств, китайцы чувствовали себя на своей земле, как на острове, окруженном враждебной стихией.

Об этом весьма красочно повествует стихотворение Цюй Юаня «Призывание души»¹⁶³. Изложенная там географическая концепция заслуживает внимания.

Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и каменья,
Но люди там привычны ко всему...

Любопытно, что о море нет ни слова. В эпоху Цюй Юаня восточные юэ – «хищные великаны» – еще держались в Цзян-нани и доставляли китайцам больше неприятностей, чем не освоенное для плавания море. О юге сказано следующее:

И в южной стороне не оставайся!
Узорами там покрывают лбы,
Там человечину приносят в жертву
И стряпают похлебку из костей.
Там ядовитых змей несметно много,
Там мчатся стаи великанов-лис;
Удавы в той стране девятиглавы.
Вся эта нечисть там кишмя кишит,
Чтоб пожирать людей себе на радость.

Эта мрачная картина кое в чем находит подтверждение. Ло Гуан-чжун также сообщает, что у южных маней-лесовиков практиковались человеческие жертвоприношения¹⁶⁴. Фантастическая зоология остается на совести Цюй Юаня. Но это все пустяки по сравнению с западом:

Про вредоносность запада послушай:
Повсюду там зыбучие пески,
Вращаясь, в бездну льются громовую.
Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!
А если чудом избежишь несчастья,

---

¹⁶³ Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 128–129.

¹⁶⁴ Ло Гуан-чжун. Троецарствие. Т. II. М., 1954. С. 374.

Там все равно пустыня ждет тебя,
Где каждый муравей слону подобен,
А осы толще бочек и черны.
Там ни один из злаков не родится
И жители, как скот, жуют бурьян,
И та земля людей, как пекло, жарит...
Воды захочешь – где ее найти?
И помощь ниоткуда не приходит.
Пустыне необъятной нет конца...

Тут описана не пустыня Такла-Макан, как можно было бы подумать: в III веке до н.э. китайцы так далеко не проникали. Это всего-навсего сухая степь в предгорьях Наньшаня и по реке Эдзин-Голу. Описание степного вихря вполне реалистично. О севере сказано:

На севере не вздумай оставаться:
Там громоздятся льды превыше гор,
Метели там на сотни ли несутся...

Еще мрачнее описание зенита и надира. Поэтому желание отгородиться от такого «страшного мира» вполне естественно. Но пограничные племена не давали китайцам забыть о себе. Летописи наполнены рассказами о нападениях жунов. С VIII по III век до н.э. между ними шла упорная борьба с переменным успехом¹⁶⁵. И только в 214 г. до н.э. войска объединенного Китая окончательно подавили сопротивление жунов.

Победа над жунами принесла северокитайским княжествам больше вреда, чем пользы, поставив их в непосредственную близость со степными хуннами; последние оказались гораздо более свирепыми и опасными врагами. Уже в 307 г. Ву Линь, великий князь из дома Чжао, разгромив племена линьху и лэуфань, принужден был построить пограничную крепость Яй-мынь и оборонительную стену у подошвы хребта Иньшань, исконной территории хуннов. Его примеру последовал полководец Цинь Кай в княжестве Янь, который воздвиг оборонительную линию, прикрывающую Ляоси и Ляодун от набегов дунху¹⁶⁶. Однако эти частные мероприятия не останавливали хуннских набегов; к тому же выяснилось, что лучше терпеть небольшие потери от грабежа со стороны соседей, чем строить столь громоздкие сооружения, не приносящие ожидаемого эффекта. Поэтому князья предпочли организовать легкую конницу для отражения хуннских набегов, и впоследствии этот план борьбы расценивался как лучший из всех применявшихся¹⁶⁷.

В III веке до н.э. хуннские нападения на Китай усилились. Сыма Цянь сообщает, что Ли Му, полководец княжества Чжао (в Шаньси), отражал постоянные набеги хуннов¹⁶⁸. Он занимал оборонительную позицию: «Как только хунны вторгнутся в наши владения и начнут грабить, немедленно уходите в лагерь и обороняйтесь, – предупреждал он своих воинов. – Всех, кто посмеет брать пленных, буду казнить!»

При такой тактике он не нес потерь, но вызывал естественное недовольство своего вана, который предложил ему либо изменить тактику, либо уйти в отставку. Ли Му выбрал второе, но его преемник, принявший бой с противником, понес такие потери, что лишился

---

¹⁶⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42–45; Maspero H. La Chine antique. P., 1927. P. 383–386.

¹⁶⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 45.

¹⁶⁷ Там же. С. 107.

¹⁶⁸ Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 170–171.

возможности оборонять границу. Снова был назначен Ли Му с огромными полномочиями. Тактика хуннов заключалась в молниеносных набегах маленькими отрядами. Такие отряды рыскали по всем пограничным районам, но встречали отпор со стороны расположенных там китайских гарнизонов. Чтобы обезопасить себя от них, хунны стали увеличивать численность отрядов, а этого только и хотел Ли Му. Он добился того, что шаньюй «во главе неисчислимых полчищ» напал на его обученное войско. Силы Ли Му определились в 1300 колесниц, 13 000 всадников, 50 000 «воинов ста золотых»¹⁶⁹, 100 000 лучников, особо обученных им самим. Эти цифры не надо понимать буквально. Две первые близки к действительности, а две последние – синонимы множества, но ясно, что главной силой Ли Му были лучники. Он построил войско «наподобие крыльев», т.е. охватил фланги противника. Очевидно, «неисчислимые полчища» хуннов численно уступали китайской армии. Полукружением Ли Му заставил врага отказаться от маневрирования и принять бой, в котором хунны понесли большие потери и были разбиты. Было уничтожено племя даньянь, разгромлено дунху и сдалось племя линьху. Из указанного видно, что хунны уже стояли во главе племенного объединения, но это поражение лишило их гегемонии в Степи, и позднее она перешла к их восточным соседям – дунху.

Но княжество Чжао недолго наслаждалось лаврами своих побед. В 226 г. до н.э. оно было покорено царством Цинь, через пять лет объединившим весь Китай.

Построение великой стены

В древности княжество Цинь было пограничным уделом, боровшимся с жунами. После подчинения 12 жунских племен княжество включило их в свой удел и в значительной мере усвоило их обычаи. Присоединив же к себе княжество Бо (в Шэньси), основанное беглецами из царства Шан-Инь, Цинь восприняло не чжоускую, а шанскую линию китайской культуры. Оба эти обстоятельства настолько отличали Цинь от остальных княжеств, что те считали Цинь жунским владением и не всегда соглашались на его участие в общекитайских съездах и союзах¹⁷⁰. Однако победы на юге и западе, отдавшие в руки циньских князей огромную территорию с воинственным населением, сделали Цинь наиболее сильным княжеством Китая.

На севере Цинь установило связи с кочевыми юэчжами. От циньских князей юэчжи получали великолепные ткани и зеркала, сохранившиеся до нашего времени в горноалтайских курганах¹⁷¹, а циньцы заимствовали у юэчжей конный строй, упразднив громоздкие неповоротливые колесницы¹⁷². Небезынтересно также отметить, что, по-видимому, через юэчжей в Иране и Индии узнали о существовании китайского государства на востоке, которое с тех пор до наших дней именуется у индийцев и иранцев «Чин» или «Мачин» (Великое Цинь)¹⁷³.

Военная реформа весьма усилила боевую мощь династии Цинь и облегчила ей победы над царствами Восточного Китая. Создателем мощи царства Цинь был сановник Шан Ян, который провел ряд реформ, упразднивших общинное землевладение, обессиливших старинные аристократические роды и превративших Цинь в централизованное государство,

¹⁶⁹ Одни комментаторы считают, что наиболее сильные воины, бравшие в плен вражеского вождя, за что полагалась награда в 100 золотых; другие считают, что эти воины из богатых семей, состояние которых оценивалось в 100 золотых (Сыма Цянь. Избранное. С. 344, комментарий Л.И. Думана).

¹⁷⁰ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 120–121.

¹⁷¹ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время М.; Л., 1953. С. 356–357.

¹⁷² Maspero H. Le Shine antique. P. 385

¹⁷³ Ibid. P. 384.

осуществившее объединение Китая. Восточные китайцы сопротивлялись отчаянно. Около 200 лет длилась война. Эта эпоха и получила в китайской историографии название «Брань царств». Циньская дипломатия искусно ссорила восточных ванов между собой, а циньская армия наносила им жестокие поражения. Наконец князь Ин Чжэн завершил покорение восточных царств и принял титул общекитайской династии Цинь – Цинь Ши-хуанди. Не ограничившись этим, он совершил поход на юг и заставил южных юэ признать верховную власть империи. Затем был завоеван Ордос, а хунны отогнаны от Иньшаня. Располагая огромными средствами, Ши-хуанди решил обезопасить свою северную границу и предпринял сооружение Великой стены, отделившей Китай от евразийских степей. Уже существовавшие разрозненные стены было решено соединить в единую мощную цепь укреплений. Работы велись днем и ночью; когда выяснилось, что людей не хватает, на строительство отправили военнопленных и осужденных преступников. Условия работы были исключительно тяжелы, и много трупов похоронили в земляной насыпи стены. Но вот строительство закончилось. Стена протянулась на 4 тысячи километров. Высота ее достигала 10 м, и через каждые 60–100 м высились сторожевые башни. Но когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил Китая не хватит, чтобы организовать эффективную оборону на стене. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и оказать помощь. Если же расставить пореже большие отряды, то образуются промежутки, через которые враг легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без защитников – не крепость. Многие китайские вельможи отрицательно отнеслись к постройке стены. В 11 г. н.э. Ян Ю в своем докладе писал: «Цинь Ши-хуанди, не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только кончилось укрепление границы, как Серединное государство совершенно истощилось, и Дом Цинь потерял престол»¹⁷⁴. Действительно, стена не остановила хуннских набегов, и династия Хань вернулась к системе маневренной войны.

Однако постройку Великой стены нельзя считать бессмыслицей. Если бы у Китая хватило средств на содержание постоянных гарнизонов на стене, то коннице хуннов было бы затруднительно ее форсировать. Но не только цели обороны преследовало циньское правительство, возводя стену. В докладе чиновника Хоу Ина указывается, что пограничные племена, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у хуннов весело жить»¹⁷⁵. Через стену же, даже неохраямую, нельзя было перетащить лошадей, без которых передвижение в азиатских просторах было невозможно. Это же обстоятельство препятствовало набегам небольших отрядов кочевников, стесняя их в выборе путей для нападения на оседлые области Китая. Для охраны стены использовали иногда преступников, заменяя им наказание военной службой на границе, но это были ненадежные войска, склонные к дезертирству. Иногда вокруг стены селили крестьян, которым вменялась в обязанность охрана границы, но из этого также ничего не получалось, так как крестьяне не имели военной выучки. В конце концов охрану предоставили пограничным кочевым племенам – потомкам жунов и остаткам племени ху. Несмотря на то что эти пограничники сами были не прочь пограбить или изменить и перейти на сторону хуннов, они все-таки были более надежной пограничной стражей.

¹⁷⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

¹⁷⁵ Там же. С. 95.

Война хуннов с государством Цинь

После разобранного выше краткого сообщения о хуннах китайская история не упоминает о них до конца III века до н.э. Можно лишь догадываться, что в этот период хунны потеряли большую часть своих позиций на западе, где юэцжи в победоносном наступлении дошли до Алашаня, и на востоке, где гегемонию захватили древние монголы – дунху. Зависимость хуннов от дунху выражалась, по-видимому, лишь в уплате дани, так как у хуннов были собственные вожди, которые вели самостоятельную внешнюю политику. Дунху, собственно говоря, не было государством, а скорее союзом племен, где управление осуществлялось выдвинувшимися из массы старейшинами или вождями, не отличавшимися от своих соплеменников ни богатством, ни положением. Хунны же в это время уже имели шаньюя, который был, как можно думать, не абсолютным монархом, но постоянным, даже пожизненным, вождем. Поэтому вхождение хуннов в сферу влияния дунху можно объяснить лишь тем, что они перед этим терпели серьезные неудачи, может быть, в борьбе с юэцжами или саянскими динлинами и поэтому были не в состоянии оказать должное сопротивление своим восточным соседям. Не исключена возможность, что на положение хуннов повлияли и внутренние социальные изменения, о которых будет сказано ниже.

Усиление Китая также весьма неблагоприятно отозвалось на хуннах. В 214 г. Цинь Ши-хуанди отправил на север полководца Мэнь Тяня со 100-тысячным войском¹⁷⁶. Мэнь Тянь завоевал Ордос, построил по берегам Желтой реки 44 городка и оставил там гарнизоны из сосланных преступников. Пограничные горы были использованы как крепости: пологие скалы, превращенные в отвесные, ограничивали возможность перехода кочевников через них. И наконец войска Мэнь Тяня перешли Желтую реку и заняли предгорья Иньшаня. Хунны потеряли лучшие земли в горах, «привольные лесом и травой, изобилующие птицей и зверем», где они могли заготавливать луки и стрелы и откуда было легко совершать набеги¹⁷⁷, и ордосские степи, населенные тангутскими племенами лэуфань и баянь, которые были под их властью. Незадачливый хуннский шаньюй Тумань вместе со своим народом откочевал в Халху, спасаясь от копий китайской пехоты в просторах пустыни Шамо. Но даже там для обеспечения покоя ему пришлось отдать в заложники своим соседям юэцжам старшего сына Модэ. Казалось, что с хуннами покончено и что их соседи разделят между собой хуннские степи. Но история судила иначе! Кто теперь знает о юэцжах или дунху, тогда как имя хунну широко известно.

Падение государства Цинь

Цинь Ши-хуанди умер в 210 г. до н.э. У него было два сына. Старший, Фу Су, находился в Ордосе в ставке полководца Мэнь Тяня, главы военной партии. Канцлер Ли Сы, возглавлявший легистов, и евнух Чжао Гао, влиятельный представитель придворной клики, опасались Фу Су и были склонны выдвинуть младшего сына императора – Ху Хая. Ху Хай был неумен, безволен и всецело находился под влиянием Чжао Гао. Чтобы избавиться от законного наследника, Чжао Гао послал царевичу Фу Су фальшивый приказ якобы за подписью императора-отца, предписывающий ему покончить жизнь самоубийством. Несмотря на уговоры Мэнь Тяня, царевич остался верен долгу сына и китайским обычаям и перерезал себе горло. На престол вступил Ху Хай, приняв титул Эр Ши, что значит второй в роду импера-

---

¹⁷⁶ Пример числового преувеличения. Тут надо понимать «с большим войском» (ср: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 45).

¹⁷⁷ Там же. С. 94.

тор¹⁷⁸. Всю власть при молодом монархе захватил Чжао Гао, который воспользовался ею для того, чтобы избавиться от соперников. Мэнь Тянь и Ли Сы были казнены¹⁷⁹. Для широких слоев китайского общества Чжао Гао был наиболее одиозной фигурой в циньском правительстве. Он не стремился ни в одной из идеологических систем оправдать свой режим¹⁸⁰; уверенный в силе своих латников и арбалетчиков, он открыто угнетал народ. Но его деспотизм вызвал резкое противодействие. Первое восстание подняли Чэн Шэн и У Гуан. Хотя оно было подавлено регулярными войсками, но оказалось искрой в пороховом погребе. По всем провинциям вспыхнули мятежи. Самым грозным из них было восстание в области Чу (Хубэй), во главе которого стал Сян Юй. Он происходил из простой семьи, но, по словам биографа, с детства был обуреваем честолюбием и мечтал о троне. В смутных временах Сян Юй нашел свою стихию. В качестве программы он выдвинул восстановление старых добрых времен независимости княжества Чу и, отыскав потомка старинных князей, пасшего овец, провозгласил его Хуай-ваном. Помощником его стал Лю Бан, впоследствии основатель династии Хань.

Циньскому правительству пришлось защищаться. Новый главнокомандующий Ван Цзян обрушился на княжество Чжао (Шаньси). Чуские войска пришли на помощь Чжао, и Сян Юй вступил в упорные бои с Ван Цзяном. В это время Лю Бан двинулся на циньскую столицу Сяньян и, пользуясь тем, что большая часть войска ушла в поход, взял город. Во время борьбы была уничтожена ненавистная народу придворная клика, а с нею погибла и династия Цинь (206 г.). Лю Бан хотел удержать Сяньян, но Сян Юй подошел к городу и приказал очистить его. Лю Бан был вынужден подчиниться и согласиться на скромный удел в Сычуани и на титул Хань-вана. Сян Юй стал подлинным хозяином Китая и принял титул Ба-вана.

Сян Юй был незаурядным полководцем и храбрым человеком, но он был политически близорук и поэтому не провел никаких реформ, которых так жаждал народ. Этим воспользовался Лю Бан. В своем сычуаньском захолустье он объединил всех недовольных, поддержавших его на пути к трону. Чжан Лян составил для него политическую программу. Сяо Хэ, великолепный администратор, упорядочил управление, а полководец Хань Синь обеспечил военный успех. Честолюбивые замыслы Лю Бана не укрылись от Сян Юя, и он решил напасть на Сычуань. Тогда в целях обороны Лю Бан разрушил все мосты на горных дорогах и превратил свою область в крепость без входов и выходов. Этим ему удалось обмануть бдительность Сян Юя. А в то же время по единственной горной тропе вышло ханьское войско под командованием Хань Синя. Хань Синь совершил головокружительный рейд: взяв Чан Сынь, он прошел в уделы Цзинь (Шаньси) и Ци (Шаньдун), провозгласив там новую династию Хань и ее политическую программу. В эту программу входили уменьшение налогов, отмена жестоких законов, упрощение судопроизводства и свобода для ученых и философов всех школ и направлений. Войско Хань Синя росло, как снежный ком, так как к нему присоединялись представители всех слоев населения, а силы Сян Юя таяли. Следом за Хань Синем вышел Лю Бан и вступил в бой с отрядами Сян Юя у реки Хайшуй. Сян Юй заставил отступить ханьское войско и загнал его в реку. Лю Бан бежал. Однако, собрав новые силы, он снова окружил Сян Юя. Последний, видя безнадежность дальнейшей борьбы, покончил с собой. В Китае утвердилась династия Хань.

¹⁷⁸ См.: Сыма Цянь. Избранное. С. 226–231.

¹⁷⁹ После казни Мэнь Тяня хунны немедленно вернулись к Иньшаню, не встретив сопротивления (McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 116).

¹⁸⁰ В Китае в эту эпоху было шесть систем: школа инь-ян, конфуцианцы, монасты, номиналисты, легисты, даосисты, т.е. последователи Лао-дзы (см.: Сыма Цянь. Избранное. С. 35).

О древнекитайской методике исторического повествования

Лю Бан достиг победы и власти в 202 г. до н.э., но традиционная китайская историография считает датой оснований династии Хань 206 г., потому что последний император династии Цинь сдался Лю Бану в конце 207 г. Это нельзя считать хронологической неточностью, так же как нельзя называть ложью огромные преувеличения численности войск или то, что прибытие посла из далекой страны именовалось «принятием в подданство». Тут мы имеем систему выражений, которую нельзя понимать буквально. Поэтому, прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, уместно обратить внимание на некоторые особенности китайских исторических материалов – нашего главного источника.

В задачу автора не входит описание развития самой китайской исторической науки. Для нас важны лишь определение степени достоверности сведений, содержащихся в династийных хрониках, и те их особенности, которые существенны для истории хуннов.

Историография занимала почетное место в Китае. Историческая память считалась совестью нации, и в руках составителя хроники была репутация самого властного императора. Нередко императоры ублажали своих летописцев, боясь, чтобы они не скомпрометировали их в глазах потомков.

Согласно традиции, династическая хроника публиковалась только после прекращения династии. Но поскольку историография была важным государственным делом, к составлению хроник допускались лишь люди, в политических симпатиях которых не было сомнений. Из всего этого видно, что китайская историография выполняла правительственный заказ и не могла не быть в какой-то мере тенденциозной. Первой задачей исследователя в таком случае является определение характера искажения действительности. Возвеличение роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка, поэтому к сообщениям такого рода нужно относиться с сугубой осторожностью. Наоборот, сведения о поражениях и неудачах китайцев, по всей видимости, преуменьшались, и им можно верить условно. Количество войск, как своих, так и чужих, почти всегда преувеличивалось, причем обязательно давались круглые числа: 100 000, 300 000, 400 000, 1 000 000; это не реальные количества, а просто манера выражаться, вроде древнерусской «тьмы».

Постоянно встречающиеся преувеличения цифр в китайских исторических произведениях – явление неслучайное. Оно имеет свое основание и свою закономерность, а следовательно, и свое объяснение. Прежде всего необходимо отметить, что цифры до 10 000 чел. даются, как правило, без преувеличения. Для древних китайцев 10 000 было не просто число, а понятие множества неисчислимого – то же, что для наших предков «тьма тьмушая», а для современных математиков «бесконечность». Поэтому числа сверх 10 000 даются приближенно, как лежащие за пределами возможного измерения или исчисления. Но оперировать с такими числами приходилось часто, и их стали давать, но не в сравнении с измеримым отрезком до 10 000, а в соотношении между собой и с округлением. Если, допустим, армия А имеет численность 13 000, то, значит, можно определить ее как $10\,000 + X = 2 \times 10\,000 = 20\,000$. Армия В в четыре раза сильнее армии А, значит, армия В равна 80 000. Для более позднего времени – эпохи Тан – удалось произвести несколько раз проверку этой системы счета и установить средний приблизительный коэффициент преувеличения. Он равен 9. Так как традиция исторической науки за это время не прерывалась, то надо думать, что для древности действителен тот же коэффициент. Но это еще не все.

Китайцы – народ, весьма способный к абстрактному мышлению. При исчислении армии их интересует именно ее сила, а она не всегда совпадает с численностью, ибо боеспособность у разных войсковых соединений различна. Например, если в армии А есть 30

богатырей-всадников, из которых каждый расценивается в 100 рядовых пехотинцев, то расчет идет так: 30 человек = 3000 единиц боевого действия, где за единицу принимается боеспособность одного солдата самого слабого вида войск. Если при этом в армии А есть 8000 рядовых, то численность ее будет рассчитана так: $8000 + 30 \times 100 = 10\,000 + X = 20\,000$ вместо фактических 8030 человек или 11 000 единиц боевого действия.

К этому надо прибавить, с одной стороны, гордость, заставлявшую историка преувеличивать боеспособность своих воинов, а с другой – страх перед хуннами, заставлявший преувеличивать их число и доблесть. Отсюда и вырастают огромные по численности армии, как свои, так и чужие. Разумеется, абсолютные числа далеки от истинных, но относительные не очень далеки, и пропорциональность сохранена. Поэтому, хотя мы не в состоянии внести поправку в источник, мы можем следить за ходом событий с точностью в пределах вероятности.

Цифры полученной добычи обычно взяты из рапортов китайских полководцев и вряд ли могли быть преувеличены, так как контроль и учет трофеев проводили гражданские чиновники, которые принимали их. Полководец скорее мог, утаив часть добычи, уменьшить ее количество, чем преувеличить, так как он должен был бы восполнить недостачу из своего кармана. Хвастовство и обман в рапортах карались лишением чинов и даже смертью.

Сведения о внутреннем состоянии кочевых народов китайские историки получали из сводок китайской разведки. Здесь точность несомненна, но, к сожалению, эти сведения чрезвычайно немногословны, так как разведчики интересовались лишь тем, что имело практическое значение, главным образом боеспособностью, а религия, культура, нравы и т.п. описываются между прочим.

Большой интерес представляют подлинные документы, доклады в Государственном совете, письма, отчеты, приводимые часто полностью, а иногда с сокращением. Но, как правило, историк приводит лишь тот доклад, с которым он сам согласен, а мнение оппонентов дает в сокращении. Однако это не мешает исследователю самому оценить события.

При составлении истории хуннов необходимо иметь в виду, что китайцы, весьма подробно описывая свои отношения с ними, чрезвычайно бегло повествуют о войнах, которые хунны вели на западе и севере, так как китайских историков эти события интересовали крайне мало.

Попытки анализа событий, вообще довольно робкие, сводятся к указанию на волю и характер исторических персон, а роль народных масс упускается из виду. При этом историк произвольно объясняет поведение кочевых вождей такими же мотивами, как если бы это были китайские вельможи.

Упомянутые ошибки весьма распространены; ими же страдала и европейская эрудитская школа. Разумеется, нельзя требовать от древних китайцев владения материалистическим методом, но, используя их сочинения, следует всегда искать причины исторических событий, разбирая их ход и логику. Так как почти на всем протяжении нашего исследования мы не имеем параллельных текстов для применения сравнительного метода, единственным приемом исторической критики будет анализ связей между событиями. Это способ трудный, но единственный, так как греко-римские сведения по интересующей нас теме скудны, отрывочны и заслуживают доверия меньше, чем китайские; степные же народы никаких документов о своем прошлом не оставили. Ни в коей степени нельзя доверять и фольклору, ибо у нас нет ни малейших данных утверждать или даже предполагать, что известные нам варианты тюркских былин имеют столь большую давность, да и сами события в устной передаче искажаются до неузнаваемости.

Итак, мы видим, что китайские источники, имея ряд несомненных достоинств, как то: точность в хронологии, осведомленность и отсутствие фантастических вымыслов, вместе

с тем требуют критического отношения к себе, и при этом условии дефекты источников не введут нас в заблуждение.

V. Свистящие стрелы

Шаньюй Модэ и возникновение державы Хунну

Шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы обеспечить престол любимому младшему сыну, он решил пожертвовать старшим – Модэ и отдал его в заложники юэчжам. Напав на последних, Тумань надеялся, что они убьют его сына. Но Модэ оказался человеком решительным. Ему удалось похитить у юэчжей коня и вернуться к отцу, о предательстве которого он, конечно, знал. Тумань, искренне восхищенный удалью Модэ, не только не убил его, но дал ему в управление тюмень, т.е. 10 000 семейств. Модэ немедленно начал обучать военному делу свою конницу и научил ее пользоваться стрелой, издававшей при полете свист¹⁸¹. Он приказал всем пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой; невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Чтобы проверить дисциплинированность своих воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно были отрублены головы. После этого Модэ на охоте направил стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и шаньюй Тумань в ту же минуту превратился в ежа – так утыкали его стрелы. Воспользовавшись замешательством, Модэ покончил с мачехой, братом и старейшинами, не захотевшими повиноваться отцеубийце и узурпатору, и объявил себя шаньюем (209 г. до н.э.). Дунху, узнав о междоусобице, решили воспользоваться ею и потребовали замечательного коня – сокровище хуннов и любимую жену Модэ. Старейшины в негодовании хотели отказать, но Модэ сказал: «К чему, живя в соседстве с людьми, жалеть для них одну лошадь или одну женщину?» – и отдал то и другое. Тогда дунху потребовали полосу пустыни (на юго-запад от Калгана), неудобную для скотоводства и необитаемую. Земля была, собственно говоря, ничья; пограничные караулы стояли по окраинам ее: на западе хунны, на востоке дунху. Старейшины хуннов сочли, что из-за столь неудобной земли незачем затевать спор: «Можно отдавать и не отдавать». Но Модэ заявил: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?!» – и всем, советовавшим отдать, отрубил головы. После этого он пошел походом на дунху. Они не ожидали нападения и были наголову разбиты. Вся их территория, скот и имущество достались победителю. Остатки дунху поселились у гор Ухуань и в дальнейшем стали известны под названием ухуань. Вся степная часть Маньчжурии оказалась в руках Модэ. По возвращении из похода против дунху он не распустил войска, а напал на юэчжей и прогнал их на запад. С этого времени началась длительная война между хуннами и юэчжами, подробности которой нам неизвестны. Около 205–204 гг. Модэ покорил ордосские племена лэуфань и баянь и совершил первые набеги на Китай, где только что пала династия Цинь и свирепствовала гражданская война. Численность войска Модэ определялась в 300 000 человек. Таковы подробности основания хуннской державы, сообщаемые Сыма Цянем¹⁸². Многое здесь, возможно, прибавлено и приукрашено и самим историком, и его осведомителями, но главное, видимо, верно: Модэ объединил 24 хуннских

¹⁸¹ Описание свистящих стрел см.: Köhalmi K.U. Über die pfeifenden Pfeile der innerasiatischen Reiternomaden // Acta Orientalia. Budapest, 1953. Т. III. S. 45–70.

¹⁸² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 46–48.

рода и создал державу, настолько сильную, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей.

Первая война хунну и хань

В 203–202 гг. Модэ вел войну на северной границе, где подчинил владения: хунью – племени, родственного хуннам, кюеше – кипчаков (динлинского племени, обитавшего на север от Алтая), их восточных соседей – динлинов, живших на северных склонах Саян, от верхнего Енисея до Ангары, гэгунь – кыргызов, занимавших территорию Западной Монголии, около озера Кыргызнор¹⁸³, и неизвестного народа цайли. Обеспечив свой тыл, Модэ обратил внимание на Китай. В 202 г. гражданская война в Китае закончилась победой Лю Бана, основателя династии Хань, известного в китайской истории как Гаоцзу. Но страна еще не оправилась от разрухи, и в это время с севера хлынули хунны. Они осадили крепость Май, и комендант ее, князь Хань Синь, вынужден был сдаться. По китайской традиции, сдача равнялась измене и означала переход в подданство победителя. Никакие обстоятельства не извиняли сдавшегося, так как предполагалось, что он мог покончить жизнь самоубийством, а раз этого не сделал, то изменил долгу. Поэтому для князя Хань Синя все пути отступления были отрезаны, и он стал верно служить новому хозяину¹⁸⁴. Хунны успешно двинулись на юг и, перейдя хребет Гэучжу, зимою 200 г. подошли к столице северной Шаньси – городу Цзиньян. Гаоцзу лично повел войска против них, но в результате сильных холодов около трети ратников обморозили руки.

Модэ применил обычный прием кочевников: притворным отступлением он завлек лучшие китайские части в засаду и окружил авангард китайской армии вместе с императором в деревне Байдын, недалеко от города Пинчэн. Любопытно, что Модэ имел уже четыре войсковых подразделения, определявшихся мастью лошадей: вороные, белые, серые и рыжие. Семь дней китайское войско оставалось в окружении без пищи и сна, выдерживая беспрепятственные нападения хуннов. Наконец китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с Гаоцзу, «человеком гениальным»¹⁸⁵; она говорила, что, приобретя для себя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Это соображение, а в еще большей степени подозрение в неверности князя Хань Синя, не приславшего своевременно обещанного подкрепления, заставили Модэ отказаться от дальнейшей борьбы, и он приказал открыть проход войскам Гаоцзу. Китайское войско прошло через открытый проход с натянутыми и обращенными в сторону хуннов луками и соединилось со своими главными силами, а Модэ повернул назад. Этот поход хуннов – один из крупнейших, но, если взглянуть на карту, он поражает тем, насколько неглубоко могли проникнуть хунны в Китай. Вся кампания развернулась в Шаньси: города Май и Пинчэн лежали в 90 и 40 км от границы, а Цзиньян (современный Тайюань) в 250 км. Под Пинчэном у деревни Байдын¹⁸⁶ сосредоточились все военные действия, причем Сыма Цянь определял численность китайской армии в 320 тысяч воинов (и это реально, так как в это число включалась войсковая обслуга, нередко составлявшая в восточных армиях от половины до четверти личного состава), число же хуннов – в 400 тысяч всадников, что явно преувеличено. Эти 400 тысячи человек должны были располагаться в горной котловине 30х40 км, т.е., если даже считать, что у хуннов не было заводных лошадей, на каждого всадника при-

¹⁸³ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1950. С. 560–561.

¹⁸⁴ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 50–51. – В биографии Хань Синя этот факт опущен (см.: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956).

¹⁸⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 51.

¹⁸⁶ Там же.

ходило 30 м2, а считая, что в середине стоял и отбивался китайский отряд, – еще меньше. Абсурдность очевидна. Вероятно, Сыма Цянь преувеличил хуннские силы в 10–20 раз. Но если принять этот коэффициент и предположительно определить силы Модэ в 20–40 тысяч всадников, становится понятно, почему он искал мира: ведь огромная китайская армия, растянувшаяся почти на 600 км, даже при полной потере авангарда была сильнее его. Гаоцзу и Модэ заключили договор «мира и родства» (дипломатическая формула капитуляции).

Договор «мира и родства» состоял в том, что китайский двор, выдавая свою царевну за иностранного владетеля, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань. Хотя Модэ принял царевну и дары, но продолжал поддерживать Хань Синя и других перебежчиков-мятежников. Фактически война продолжалась. Хань Синь и его сторонники опустошали северные области Китая. В 197 г. на сторону Хань Синя перешел Чэнь Си – начальник войск уделов Чжао и Дай. Он заключил с хуннами союзный договор. Но вскоре императрица Люй Хоу сумела заманить Хань Синя в столицу, где ему отрубили голову¹⁸⁷.

Китайское войско под предводительством Фань Куая после двухлетней войны подавило мятеж, но не решилось выступить за границу, так как возник новый мятеж в княжестве Янь (область Хэбэй). Вождь повстанцев Лу Гуан перешел к хуннам, и набеги распространились уже на восточные области Китая. В китайских войнах измены военачальников стали частым явлением. Измученный неудачами Гаоцзу умер в 195 г. За малолетством наследника регентшей стала императрица-мать Люй Хоу, при которой междоусобица усилилась¹⁸⁸. В 192 г. Модэ сделал императрице предложение вступить с ним в брак. По его понятиям, это означало, что китайская империя должна пойти в приданое за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай. Императрица так разгневалась, что сначала хотела казнить послов и возобновить войну, но ее уговорили не обижаться на «дикаря», и Модэ был послан вежливый ответ, где отказ мотивировался престарелостью невесты. Вопреки опасениям китайских министров хуннский владыка удовлетворился ответом и не обрушил на истощенный и обессиленный смутами Китай свои грозные войска. Ужас, наведенный хуннами в минувшую войну, еще не прошел. В песнях пели: «Под городом Пьхин-чен подлинно было горько; семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука»¹⁸⁹. С тех пор прошло восемь беспокойных лет, и силы юной империи были недостаточны для отражения внешнего врага, и все-таки Модэ, зная это, не начал войну. Но причиной было отнюдь не его миролюбие. На западной границе не прекращалась упорная война с юэцзями (ее подробности в имеющихся источниках не отражены). Насколько легко дались Модэ победы над дунху и саяно-алтайскими племенами, настолько тяжелой оказалась борьба с западными кочевниками. Здесь решались судьбы Азии; поединок между юэцзями и хуннами на 2 тысячи лет определил преобладание монгольского элемента в великой евразийской степи, что имело огромное значение для этно- и расогенеза.

Модэ, не желая распылять силы, оставил Китай в покое. Этим он дал возможность ханьской династии воспрянуть и укрепиться. Правительство императрицы-регентши рас-

¹⁸⁷ Сыма Цянь. Избранное. С. 280.

¹⁸⁸ Императрица Люй Хоу была весьма энергична и властолюбива. Еще при жизни мужа она имела огромное влияние на политику. Преемник Гаоцзу (Лю Бана) Хуэй-ди был в руках императрицы и ее родственников – Люй Чана и Люй Лу. Оба они получили титулы ванов и в 184 г., убив наследника престола, хотели утвердить свою династию. Но программа династии Хань успела приобрести немало сторонников, никто в Китае не хотел возвращения порядков Цинь Ши-хуанди. В 180 г. умерла императрица, а в 179 г. ее преемник Вэнь-ди истребил ванов Люй, их семьи и их сторонников. Но и это не привело к прекращению борьбы. В 177 г. вспыхнуло восстание Син Гюя, а в 154 г. восстали князья У, Чу, Чжао и др. Но ханьская династия все-таки провела свою политическую линию покровительства крестьянам и ученым в ущерб аристократии. Система ограничения императорской власти ванами и привилегии ванов были отменены, и это дало плоды. При Вэнь-ди (179–156 гг.) и Цзин-ди (156–140 гг.) Китай разбогател и превратился в мировую державу.

¹⁸⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 53.

правилось с фрондирующими пограничными воеводами, большая часть которых погибла в борьбе, а наиболее упорные бежали в северо-западную Корею. Насколько для хуннов был важен мир на востоке, видно из следующего факта. В 177 г. один из пограничных хуннских князей напал на Китай. Император Вэнь-ди мобилизовал конницу и колесницы (85 тысяч) для отражения врага, но хунны не приняли боя и отступили. Вэнь-ди собирался перенести войну в степь, однако восстание пограничного воеводы Син Гюя¹⁹⁰ заставило его отказаться от немедленного выступления. В это время от хуннов явилось посольство с извинениями и сообщило, что провинившийся князь был убран с границы и послан на запад. Там он искупил свою вину победой над юэчжами. Китайский двор, учитывая силу хуннов, принял извинения и несколько позднее восстановил с ними мирные отношения. Согласно договору, хуннская держава была признана равной с китайской империей, и государи именовали друг друга братьями. Это был беспрецедентный успех для хуннов: до сих пор ни один кочевой князь не мечтал равняться с китайским императором. Из письма хуннского шаньюя мы узнаем, что в 177 г. хуннским войскам, стянутым со всей страны, удалось разбить юэчжей. Результаты победы были весьма ощутимы: хунны захватили все княжества Восточного Туркестана, Усунь и земли кянов.

Кочевые тибетцы-кяны

На западной границе Китая, по соседству с уделом Цинь, обитали уцелевшие от истребительных войн жуны (предки тангутов) и кяны – тибетцы. Цинь Ши-хуанди, закончив завоевание Восточного Китая, расправился с жунами. Его полководец Мэнь Тянь в 225 г. «прогнал жунов»¹⁹¹, очевидно, в горные степи Цайдама, ибо в дальнейшем независимые от Китая тангуты жили именно там. Избавившись от старинных врагов – жунов, китайцы столкнулись с кочевыми тибетцами-кянами, обитавшими в верховьях Желтой реки.

В то время это был немногочисленный и бедный народ, не рисковавший нападать на великую империю. Падение династии Цинь лишило китайцев только что добытой гегемонии в этом районе, и хунны, подчинив себе тибетцев, охватили китайскую границу с запада. Как для Хунну, так и для Китая обладание горным районом верховьев Желтой реки имело лишь стратегическое значение, но кяны с этого времени вступили на путь интенсивного развития, причем они стали союзниками хуннов¹⁹², как и их соседи – усунь.

Усунь

Вопрос об усунях весьма сложен. Древняя усуньская земля, по сведениям китайского путешественника Чжан Цяня, лежала между Дуньхуаном и Циньяньшанем, но здесь же размещались и юэчжи. Сиратори удивлялся¹⁹³, как два самоуправляющихся народа живут смешанно на одной территории. Даже если распространить их территорию на запад до Лобнора и на северо-восток до нижнего течения Эдзин-Гола¹⁹⁴, то пустынная земля не могла прокормить два многочисленных народа¹⁹⁵. Но, видимо, эти народы владели указанной территорией по очереди. Подтверждением предлагаемой точки зрения является текст из «Шицзи», который гласит, что в области Гуачжоу – западная часть современной провинции Ганьсу – до

¹⁹⁰ Там же. С. 54.

¹⁹¹ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

¹⁹² Считаю необходимым отметить, что этот факт не был замечен Мак-Говерном, который считал, что Тибет был «равно свободен от китайского и хуннского контроля».

¹⁹³ Shiratori K. Über den Wu-sun Stamm in Centralasien.

¹⁹⁴ См.: Richthofen F. China. Berlin, 1877. S. 49, 447.

¹⁹⁵ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 99.

Дуньхуана «в период Циньской и Ханьской династий обитал народ усунь, потом юэчжи и, наконец, прогнавшие их хунны»¹⁹⁶. Чередование народов здесь очевидно. В. Успенский предлагает гипотезу, согласно которой древние обитатели этого района были предки тибетцев – сижуну, и кочевые усунь вытеснили их в горы в эпоху Чжаньго¹⁹⁷. Успенский расходится с Бичуриным, утверждавшим, что в это время кяны (т.е. тибетцы) занимали весь нынешний Хухунор¹⁹⁸, а это, по-видимому, соответствует действительности. Разногласие возникло из-за того, что Успенский считал жунов тибетцами, тогда как на самом деле это был особый народ, а усунь произошли от жунов¹⁹⁹. Таким образом, отпадает необходимость в миграционной гипотезе и подтверждается основательность термина «Шицзи» – «древняя усуньская земля» – применительно к предгорьям Наньшаня.

В конце III века усунь бежали из долины реки Данхэ. По-видимому, виновниками этого были юэчжи²⁰⁰. По мнению Грумм-Гржимайло²⁰¹, усунь бежали в Западную Хулху. Там они вступили в бой с воинами Модэ-шаньюя, причем государь их был убит²⁰². Хунны отнеслись милостиво к побежденным усуням. Они не были ни перебиты, ни разогнаны. Сына убитого владетеля шаньюя Модэ взял в ставку и воспитал, а затем вручил ему управление его народом с титулом гуньмо²⁰³. Усуням была поручена охрана «границы при Западной стене»²⁰⁴. Грумм-Гржимайло считает «Западной стеной» укрепленное ущелье Гао-кюйесай в северо-западном углу Ордоса, где в это время не было надобности в границе, так как там жили верноподданные Модэ племена лэуфань и баянь. Вероятнее всего, что здесь подразумевалась западная граница Хунну, где обитали неприятели усуней – юэчжи. Это объясняет факт (породивший несколько гипотез)²⁰⁵ появления усуней в Западной Джунгарии и Семиречье и согласуется с версией из биографии Чжан Цяня, где говорится, что молодой гуньмо, получив разрешение шаньюя отомстить юэчжам за поражение, вторгся в Или и прогнал их на запад. Итак, в эпоху Модэ усунь выступали как вассалы хунну²⁰⁶.

Устройство державы Хунну

На высших ступенях первобытно-общинного строя родовые и племенные союзы неоднократно создавали весьма высокие формы общественной организации. Они отличались от классовых обществ, по существу являясь плодом деятельности всего общества, а не его отдельной части. «Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой

¹⁹⁶ Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, из «Записки ИРГО по Отделению этнографии». Т. VI. СПб., 1880 (отдельный оттиск). С. 51.

¹⁹⁷ Там же. С. 52.

¹⁹⁸ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 5.

¹⁹⁹ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

²⁰⁰ Lévi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

²⁰¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 100.

²⁰² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 100.

²⁰⁵ Там же. С. 100–101; Vernadsky G.V. Ancient Russia. New Haven, 1952. – Вернадский сопоставляет этноним усунь с этнонимами: асианы-асии-асы-ясы (осы)-аланы и считает усуней аланским племенем, покоренным юэчжами.

²⁰⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 101. – Он не доверяет последнему сведению, опираясь на допущенную автором путаницу: что отец гуньмо был убит юэчжами, а не хуннами. По моему мнению, эта ошибка не важна и не меняет сути дела: усунь были врагами юэчжей и подданными хуннов. Ко времени путешествия Чжан Цяня гуньмо был уже стар и имел десять сыновей и много внуков (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191). Так как он родился около 208 г. (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155), то в 139 г. ему было 70 лет, возрастные данные совпадают. Кроме того, к 139 г. усунь уже были привычными обитателями Семиречья, смешанными с саками и оставшимися на месте юэчжами, но сведение это дошло до Китая лишь через Чжан Цяня. Язык усуней неизвестен. Грумм-Гржимайло причисляет их к тюркам, а Мак-Говерн – к иранцам, причем оба отмечают отсутствие доказательств.

пользовались старейшины рода... но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию»²⁰⁷.

Хунны управлялись своими родовыми старейшинами, опиравшимися не на войско, а на народное ополчение. Шаньюй был просто главным среди прочих и не имел никакой реальной власти, кроме личного авторитета. Когда же его деятельность не вызывала уважения соплеменников, а следовательно, и их поддержки, ведение шаньюем крупных войн, естественно, было почти невыносимо. Роль личности в ходе исторических событий не всегда одинакова, но при отсутствии аппарата власти способности вождя подчас решают исход исторических событий, определяемых сочетаниями случайностей²⁰⁸. Именно этим объясняется, что хунны, а не юэцжи и не дунху оказались ведущим племенем в степной Азии, хотя общий ход событий не был бы нарушен в случае поражения хуннов.

К. Маркс отмечает: «...общинная собственность... может... проявляться либо таким образом, что мелкие общины прозябают независимо одна возле другой... либо таким образом, что единство может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую выработаться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии»²⁰⁹. Но это относится не только к земледельческим, оседлым народам. Кочевое пастушеское хозяйство хуннов в I тысячелетии до н.э. было значительно более высоко организовано, чем хозяйство их оседлых соседей. «...У туранцев главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие... Это впервые сделало возможным регулярный обмен»²¹⁰. Развитие экономики повлекло за собой усложнение форм общественного бытия. Аилы, разобщенные в условиях полукочевого отгонного скотоводства, при переходе к круглогодичным перекочевкам стали образовывать спаянные группы. «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников... караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»²¹¹. Возникла потребность в организации этих мелких общин для обороны от врагов и для поддержания порядка внутри племени. Осуществить такую организацию могли только отдельные члены общин, облеченные доверием. Этот зародыш государственной власти оказывается более древним, чем институт государства, основанный на насилии одного класса над другим. Указанное отмечено еще Энгельсом, равно как и различие власти в доклассовом и классовом обществах: «В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возложить на отдельных членов, хотя бы и под общим контролем: разрешение споров и подавление правонарушений со стороны отдельных лиц, надзор за орошением... некоторые религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена... Они облечены... известными полномочиями и представляют зародыш государственной власти... Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление общественной... функ-

²⁰⁷ Ленин В.И. О государстве // Сочинения, 4-е изд. Т. 29. С. 437.

²⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 264.

²⁰⁹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. С. 7.

²¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 165.

²¹¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 24.

ции и что политическое господство сохранялось надолго лишь в том случае, когда оно эту общественную... функцию выполняло»²¹².

Высказывания основоположников марксизма о характере общества на стадии родового и племенного строя целиком применимы к хуннам III века до н.э. В 209 г. до н.э. хунны консолидировали свои 24 рода, а последующие события поставили конфедерацию 24 хуннских родов на более высокую ступень общественного развития: союз превратился в «державу».

Политическая система, социальный строй и культура хуннов эпохи Модэ и его преемников значительно отличались от их предшествующего образа жизни. Поэтому мы вправе предполагать, что развитие хуннского общества прошло большой путь, прежде чем приняло ту форму, в которой хуннов застаёт история. Вместе с тем надо помнить, что создание Модэ хуннской державы запоздало по сравнению с развитием хуннского народа и общества. Модэ лишь усовершенствовал и немного реформировал существовавший строй.

Обычно принято рассматривать кочевые державы как племенные союзы или как ордыскопища людей, подчиненных военной дисциплине. В отношении хуннов и то и другое неверно. Хунны были единым племенем, разделенным на роды; это отличало их от племенного союза. Они имели свою внутреннюю родовую организацию, что не позволяет считать их ордой. Политическая система хуннов сложна. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, исследуем с предельным вниманием источник и, разобрав все его детали, попробуем объяснить своеобразную систему хуннского общества.

Шаньюй. Во главе хуннской державы стоял шаньюй, что в переводе означает «величайший»²¹³. Само название показывает, что это не царь, противопоставленный подданным, а первый между равными прочими старейшинами, которых было двадцать четыре. Власть шаньюя была велика, но отнюдь не абсолютна. Ее ограничивала родовая аристократия – старейшины, из коих каждый имеет вооруженную дружину численностью от 2 до 10 тысяч всадников²¹⁴. Первоначально шаньюй был как будто выборным (возможно, поэтому китайцы затруднялись определить порядок наследования до Модэ), и впоследствии следы выборности сохранялись как в формуле возведения на престол («поставлен»), так и в некоторых, хотя редких, фактах избрания (например, в 102 г. «по малолетству сына его хунны шаньюем поставили младшего дядю его...»²¹⁵; подобные же случаи были в 85 и 60 гг., когда созывались собрания князей для выбора нового шаньюя²¹⁶). Но институт избрания имел лишь условное значение. Престолонаследование стало обычаем очень поздно. Главной формой передачи власти было завещание, хотя чаще всего шаньюй передавал престол сыну. Думается, что здесь мы наблюдаем постепенную трансформацию обычая, заключавшегося в том, что выборы перестали быть свободными и постепенно превращались в простое санкционирование воли покойного шаньюя. Кроме военных и дипломатических функций, на шаньюе лежали еще и культовые обязанности: храм для ежегодных жертвоприношений находился при ставке шаньюя, и сам он дважды в день совершал официальные поклонения солнцу и луне.

Знатные роды. Знатных родов у хуннов в эпоху Модэ было три: Хуянь, Лань и Сюйбу²¹⁷. Хуянь – тюркское слово, означает «заяц»; сюйбу также тюркское слово – «край»;

²¹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1938. С. 185–186.

²¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 46.

²¹⁴ Цифра 10 тысяч условная.

²¹⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 71.

²¹⁶ Там же. С. 84.

²¹⁷ Там же. С. 49.

лань – слово китайское и значит «орхидея» – национальный цветок китайцев в древности²¹⁸. В сочетании этих родов можно различить след происхождения хуннов: от Шун Вэя идут Лань, а Хуань и Сюйбу являются потомками древних ху. Китайцы называли главу рода Хуань не князем (гун), а царем (ван)²¹⁹, что ставит представителей этого рода выше родственников шаньюя. Род, к которому принадлежали шаньюи, назывался Си Люань-ди²²⁰. Власть делили все указанные фамилии, так как жен шаньюй мог брать только из названных родов, и высшие чины в государстве были наследственными, т.е. принадлежали исключительно знати, например, государственный судья был всегда из рода Сюйбу²²¹. Наряду с этими знатными родами было много простых, но управлявшихся собственными князьями. Называть их старейшинами нельзя, так как они не были выборны, а получали власть по наследству. Иногда они пытались играть самостоятельную роль, но правящая олигархия всегда подавляла сепаратистские тенденции и фронду. Равным образом она ограничивала власть шаньюев, так как каждый из членов знатного рода имел столько защитников, что его жизнь была практически в безопасности от произвола центральной власти, и он мог делать все, что не противоречило интересам его рода.

Система чинов. Аппарат управления у хуннов был чрезвычайно громоздок и сложен. Можно даже выделить несколько классов чиновников или, вернее, вельмож, разделявшихся на восточных и западных. Понятия «восточный» и «западный» значили также «старший» и «младший». Первый класс – чжуки-князь (слово «чжуки» означает «мудрый»). Восточным чжуки-князем должен был быть наследник престола, но это правило часто нарушалось. Второй класс – лули-князь; третий – великий предводитель; четвертый – великий дуюй; пятый – великий данху. Эти высшие чины всегда были членами шаньюева рода. Все они не имели родовых потомственных уделов, но получали их вместе с занимаемой должностью. При повышении менялся удел соответственно степени родства с шаньюем. Принцы крови занимали свои посты исключительно по признаку аристократизма. Признак этот далеко не всегда совпадал с талантом и пригодностью. Поэтому наряду с аристократией крови существовала аристократия таланта, служилая знать (не родственники шаньюя). Название их было «гудухэу», они были «помощниками» высших вельмож и выполняли всю работу по управлению. Подобно высшим вельможам, они были связаны не с отдельными родами, а с центральной системой управления. Все вельможи имели личные дружины: высшие – по 10 тысяч человек, а низшие – по несколько тысяч. Кроме 24 вельмож, была родовая знать: князья, связанные с родами, своеобразные начальники кланов. Таковы были Хучжюй и Хуньше – князья, кочевавшие в предгорьях Алашаня; Сижу, Гуси – на восточной границе и другие. В эпоху Модэ значение их было ничтожно, но позднее, при упадке центральной власти, оно выросло, и при дальнейшем изложении мы столкнемся с ним.

Итак, мы установили три категории хуннской аристократии: принцы крови, служилая аристократия и родовая знать. С такой мощной силой шаньюи были вынуждены считаться, так как обходиться без нее они не могли. Вельможи и старейшины опирались не только на традиции, но и на свои дружины, и часто шаньюи ничего не могли поделать с неугодными им князьями. Это, конечно, отчасти связывало руки правительству, так как ограничивало власть шаньюев и мешало им превратиться в деспотов. Из приведенных материалов видно,

²¹⁸ См.: Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 29–40.

²¹⁹ Оттенки значения термина «ван» менялись. Вначале – это суверенный правитель, иногда очень мелкого владения. При Хань этот титул получали зависимые от императора князья.

²²⁰ S.S.M.De Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Teil I. «Die Hunnen der vorchristlichen Zeit». Berlin; Leipzig, 1921. S. 57; Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altaischen Jahrbücher. Bd. XXIV. Heft 1–2. Wiesbaden, 1952. S. 53.

²²¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49, прим.

что хуннская держава по существу была олигархией, возникшей в условиях патриархального строя.

Законы. Аристократическое общество хуннов имело свою собственную систему обычного права, причем китайцы отмечают, что «законы их легки и удобоисполнимы»²²². Важные преступления, в том числе обнажение оружия, карались смертью; кража наказывалась конфискацией не только имущества, но даже семейства вора; за мелкие преступления делали порезы на лице. Суд протекал не более 10 дней, и число одновременно содержащихся под стражей не превышало нескольких десятков человек. Наряду с обычным правом со времен Модэ возникло государственное право, каравшее смертью нарушение воинской дисциплины и уклонение от воинской повинности. Эти чрезвычайные законы весьма способствовали консолидации хуннов и превращению их в сильнейшее государства Азии. В гражданском праве мы наблюдаем общую многим кочевникам систему владения угодьями – «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде»²²³. Но на основании имеющегося текста мы не вправе сделать окончательный вывод о том, кто владел полосой земли – род, возглавляемый князем, или отдельная семья. За второе предположение говорит аналогичная формулировка, примененная к тюркам VI–VII веков²²⁴ и поясняющаяся текстом: «В сей стране (куда тюрков переселили. – Л.Г.)... паствы обширны, почва наилучшая; почему тукюесцы со спором делились»²²⁵. Однако не исключена возможность, что в хуннское время каждый из 24 родов владел своей полосой земли; это предположение находит некоторое подтверждение. Так, до середины I века н.э. во всех внутренних войнах роды выступают как целое, что может служить косвенным доводом, подтверждающим родовое владение пастбищными угодьями. Обладание горными лесами было, по-видимому, совместным, так как об удержании лесистых хребтов на границе с Китаем заботились сами шаньюи, а пользовались ими «низшие князья», т.е. их родовичи²²⁶. Владение же пустыми и неудобными землями принадлежало всему хуннскому народу, «земля есть основание государства»²²⁷, – сказал Модэ, и это выдерживалось на протяжении всей дальнейшей истории Хунну. Рабство хунны знали, но у них не было долгового закабаления, столь характерного для Ближнего Востока. В неволю попадали главным образом пленники и пленницы, использовавшиеся, по-видимому, на хозяйственных работах²²⁸. Никаких признаков работорговли за всю историю хуннов мы не находим, хотя рабы очень ценились хуннами, и набеги последних на Китай всегда сопровождались угоном людей в степи.

Воины. Реформы Модэ превратили патриархальное племя хуннов в военную державу Хунну. Каждый хунн стал воином, имел начальника и был обязан строго подчиняться ему. Однако старая родовая система не была нарушена, и во главе боевых подразделений стояли не выходцы из низов, как случилось позднее у монголов при Чингисхане, а принцы крови и родовые старейшины. Разделение власти между шаньюями и знатью ограничивало произ-

²²² Там же. С. 58.

²²³ Там же. С. 49.

²²⁴ Там же. С. 230.

²²⁵ Там же. С. 262; см. также: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 26. – «Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе... – быть членом племени, – делает завоеванное, покоренное, чужое племя лишенным собственности».

²²⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 99.

²²⁷ Там же. С. 47.

²²⁸ См.: Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 324; Deguignes J. Histoire des Huns... Vol. I. Part 2. P. 25; Цзи Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань // Реферативный сборник. 1956. № 15. С. 96.

вол и тех и других. Такие реформы Модэ, как введение поголовной воинской обязанности, безусловного подчинения начальникам и создание системы чинов, а главное – взгляд на территорию как на основу государства, следует понимать как консолидацию племени, которая предотвратила разложение родового строя, законсервировала его на много веков.

Рядовой хунн, родившись воином, должен был быть только им и никем иным. Но, хотя честолюбие при этом страдало, он получал надежные гарантии того, что его положение не ухудшится, так как род не мог его оставить на произвол судьбы. Богатеть он мог за счет добычи, которая была его неотъемлемой собственностью. Жизнь рядового хунна в мирное время состояла из перекочевок (2–4 раза в год), военных упражнений и отдыха во время весеннего и осеннего приволья. Не случайно китайские министры отмечали высказывания пограничных рабов, что у хуннов воинам «весело жить». Поэтому китайцы нередко стремились перебежать к ним.

Войско. Общую численность хуннского войска китайцы исчисляли в 300 тысяч человек. Кажется, это несколько завышенная цифра, так как, если даже принять, что все мужчины были в войске (а нам известно, что боеспособные мужчины составляли 20% населения), то всего на территории Монголии получится 1,5 млн человек, т.е. вдвое больше, чем сейчас. Скорее всего здесь одно из обычных преувеличений старых китайских хроник.

Основным оружием легковооруженного хуннского всадника был лук. Этот всадник не может выдержать рукопашной схватки ни с пехотинцем, ни с тяжеловооруженным всадником, но превосходит их в мобильности.

Тактика хуннов состояла в изматывании противника. Например, под городом Пинчэн хунны окружили авангард китайского войска. Хунны численно превосходили китайцев. Китайцы были истомлены морозом, непривычным для жителей юга, и голодны, так как были отрезаны от своих обозов. И несмотря на это, хунны не отважились на атаку. Однако тут дело не в трусости или чрезмерной осторожности. Рукопашная схватка была хуннам не нужна. Неустанно тревожа блокированного противника, они стремились добиться полного утомления врага, такого утомления, при котором оружие само выпадает из рук и ратник думает не о сопротивлении, а лишь о том, чтобы опустить голову и заснуть.

Будучи нестойкими в бою, хунны восполняли этот недостаток искусным маневрированием. Притворным отступлением они умели заманивать в засаду и окружали самонадеянного противника. Но если враг решительно переходил в наступление, хуннские всадники рассыпались, «подобно стае птиц», для того чтобы снова собраться и снова вступить в бой. Отогнать их было легко, разбить – трудно, уничтожить – невозможно.

Так как военная служба была долгом каждого хунна, за нее не полагалось никакого вознаграждения. Убив врага, воин получал «кубок вина и право на всю захваченную им добычу». Надо думать, добыча, захваченная без боя, поступала в дележ (дуван) с отчислением в пользу шаньюя, ибо иначе трудно объяснить приведенную цитату. Война приносила хуннам немалый доход и была сравнительно безопасна, так как задачей хуннского воина было застрелить врага из лука с изрядного расстояния или, измучив его до полусмерти, связать и привести домой как раба.

Хунны – народ кочевой; они в изобилии имели продукты скотоводства, но весьма нуждались в продуктах земледелия и тканях. При меновой торговле китайские и согдийские купцы надували неискушенных кочевников. Но зато потерянное в торговле возмещалось при удачном налете, и «справедливость» торжествовала. Военные успехи хуннов обеспечили экономическое развитие кочевого скотоводческого хозяйства. Племенная консолидация способствовала уменьшению внутренних столкновений и постоянных грабежей, связанных с существованием независимых племен.

Доходы. Для содержания шаньюев и вельмож требовались средства, которые не взыскивались с народа. Патриархальному обществу чуждо понятие налога; свободный воин не согласен никому ничего платить, так как в факте уплаты он усматривает ущемление свободы. Эти средства поступали от несвободных, т.е. подчиненных племен в виде дани и от врагов в виде военной добычи. Покоренные дунху уплачивали дань воловьими и лошадиными шкурами и овчинами²²⁹. Большие подати платили богатые земледельческие районы оазисов Восточного Туркестана²³⁰. Оттуда же, по-видимому, хунны получали железное оружие, так как его изготовлением славились тангуты, обитавшие около озера Лобнор, в княжествах Жокянь и Лэулань (Шаньшань)²³¹. Меха поступали, вероятно, с северной границы – от кипчаков, динлинов и хакасов. Но наряду с покоренными отсталыми племенами важным источником дохода шаньюев был Китай. Прямую дань китайцы категорически отказывались платить, считая это для себя унижительным. Вместе с тем они посылали хуннам подарки, что было замаскированной формой дани. Так, например, когда Модэ в 176 г. послал с посольством в Китай скромный подарок: одного верблюда, двух лошадей и две конские четверки, он получил взамен с ответным посольством богатейшие дары: вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, золотом оправленный пояс и носороговую пряжку к нему, десять кусков вышитых шелковых тканей темно-малинового и зеленого цвета²³².

Общественный строй хуннов

На высшей ступени варварства старейшины резко отличаются от военных вождей²³³. Так было у ирокезов, где оба института уживались, не мешая друг другу; у германцев, где военные вожди, герцоги, за время Великого переселения народов совершенно вытеснили родовую знать – конунгов. Борьбу этих же начал мы наблюдаем в Спарте. Там военные вожди-цари были подчинены совету старейшин – герусии, но и те и другие подчинялись народному собранию. В Афинах мы видим полное торжество народного собрания над старейшинами-архонтами, а базилевсы – цари-военачальники – были вовсе упразднены. Таким образом, наблюдаются разнообразные формы совмещения родового строя с существованием сильной военной державы. Как же решили этот вопрос хунны? В эпоху Модэ хуннский род был патриархальным, т.е. дети принадлежали к роду отца, а не матери. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который обязан был о ней заботиться, как о своей любимой жене²³⁴. Круговая порука рода подразумевалась как обязательное условие. Это видно из того, что за преступление, совершенное одним членом семьи, несла ответственность вся семья²³⁵. Эти черточки показывают, что род был крепок и отнюдь не разлагался. С отцовским родом всегда бывает связана экзогамия, и у хуннов она налицо, так как жен полагалось брать исключительно из чужого рода, что видно на примере брачного права шаньюев.

Чтобы разобрать вопрос о том, кем был по существу родовой князь, мы должны обратиться к сравнительной этнографии. Форма общежития в виде большой семьи, управляемой патриархом, сохранялась до XIX века у южных славян (задруга). Управлял ею домачин,

²²⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 144.

²³⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 170.

²³¹ Там же. С. 172.

²³² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 55–56.

²³³ Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 148.

²³⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

²³⁵ Там же. С. 50.

который «отноудь не обязательно должен быть старейшим»²³⁶. В римской патриархальной семье понятие *familia* означало всех принадлежащих одному человеку рабов²³⁷, т.е. все имущество. Сходной формой была семейная община еврейских патриархов, например Авраама, описанная в книге «Бытие». Все эти формы не являются залогом хуннского рода, значительно более развитого, но могут быть рассматриваемы как исходные формы геронтократии. Хуннский родовой князь был представителем интересов рода и пользовался полной его поддержкой. Такую систему позднее можно было обнаружить в Монголии, но лишь в тех родах, которых не коснулись военные реформы Чингисхана, порвавшие родовые связи и заменившие их военной субординацией. Отсюда становится также понятно, каким образом шаньюев род пользовался непререкаемой властью в огромной державе. Эта власть была основана не на узурпации прав общины, а на привычном авторитете родового старшинства. По отношению к покоренным народам шаньюй был владыкой, более или менее суровым, а по отношению к своему народу – отцом, более или менее добрым.

Итак, установив наличие родового строя у хуннов, мы должны определить в нем место военных вождей. Отличительное их качество – несвязанность с системой рода; выбирались они независимо от происхождения и исключительно по способностям. У хуннов они назывались гудухэу. Они были низшим командным составом, всецело подчиненным родовой знати. А.Н. Бернштам в своей книге «Очерки истории гуннов» предположил, что шаньюи узурпировали право рода²³⁸, но это мнение основано на невнимательном чтении источника. Шаньюи и вся высшая знать сами были членами рода, они представляли его, как глава семьи представляет собой всю семью и говорит от ее лица. Строй, установленный Модэ и его преемниками, консервировал систему родовых отношений и может быть определен как геронтократия – власть старейших в роде. Разумеется, при развитой системе рода личный возраст значения не имел, так как в родовых системах ведется сложный счет старшинства, при котором новорожденный ребенок может оказаться «старше» глубоких стариков. Захватив всю власть в свои руки, родовая знать заменила народное собрание съездами родовых князей. Народное собрание нигде не встречается в истории Хунну, тогда как съезды родовых князей и вельмож собирались регулярно дважды в год²³⁹. Консолидация знатных родов, очевидно, была на столь высокой ступени, что мы вправе определить хуннскую державу как родовую империю. Однако создать такую сложную и оригинальную систему было нелегко; необходимо было не только высокое происхождение ее основателя, но и большой военный талант его. Именно это сочетание мы видим у Модэ, который спас своих стесненных врагами сородичей, увеличив силу привычного уважения к старшим военной дисциплиной. Как мы видели выше, в начале своего правления он принужден был переступить через трупы отца и брата, но сочувствие соплеменников было на его стороне. Когда же он столкнулся с нарушением дисциплины и противодействием отдельных представителей своего народа, то тут покатились головы нерадивых. Урок был, видимо, дан основательный, потому что после этого ни о каких нарушениях дисциплины не упоминается.

Год 209 до н.э. был для всего хуннского народа роковым: решалась его судьба. Если бы не ум и энергия Модэ, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях, как кельты, или в военном наемничестве, как германцы и самниты, или в бессистемных грабежах и истребительных войнах с соседями, как скандинавы и ирокезы. В любом случае они не вышли бы из ряда полудиких кочевых племен, смыслом деятельности которых было бы разрушение и самоистребление. Но общий ход исторического развития кочевых племен и в этом

²³⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи... С. 59.

²³⁷ Там же. С. 58.

²³⁸ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 54.

²³⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49.

случае не был бы нарушен. Место исчезнувших хуннов заняли бы либо восточные монголы-дунху, либо южные тибетцы-кяны, либо западные арийцы-юэчжи, либо северные угры, предки ненцев. Изменились бы только детали хода событий, направление культурного развития, этнический состав. Однако от этих второстепенных моментов зависела жизнь всех хуннов. Поэтому для них реформы Модэ имели огромное значение. Важны они и для историка, восстанавливающего картину реального прошлого, а не только общие закономерности развития человечества.

Разумеется, Модэ создал державу не из ничего. Консолидация кочевых племен была предрешена всем историческим процессом развития скотоводческого хозяйства. Но деятельность и способности Модэ не могут быть оставлены без внимания. За его свистящей стрелой устремились уже не охотники до чужого добра, а воины, верящие в своего вождя и подчиненные сознанию долга. Модэ умер в 174 г., достигнув такого величия, о котором в начале жизни он и не помышлял. Его дело просуществовало 300 лет, хотя ни один из его потомков не мог сравниться с ним по таланту.

VI. Господство над народами

Западная граница

Сын Модэ, Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя, получил в наследство великую державу и несколько сложнейших задач. Задачи эти нужно было решить незамедлительно. Первой и главной стала защита западной границы. Юэчжи были выброшены с захваченной ими территории, но еще крепко держались в своих родных степях к северу от Тяньшаня. Небольшая часть их, отколовшись от основной массы народа, осталась в Наньшане под названием «малых юэчжей», но большая часть продолжала упорно сопротивляться. Наконец правитель юэчжей Кидолу²⁴⁰ пал в борьбе с хуннами. Он был убит, труп его достался врагам, а из его черепа Лаошань-шаньюй сделал кубок. Невозможно определить точную дату окончательного поражения юэчжей, но произошло оно в промежуток между 174 и 165 гг. до н.э. В 165 г. наследник Кидолу с остатками своего народа перешел Сырдарью²⁴¹ и на берегах Амударьи столкнулся с населением Греко-Бактрийского царства – осколка империи Александра Македонского. За 150 лет мирной жизни потомки завоевателей мира «среброштитных фалангитов и неукротимых пельтастов» потеряли свою боевую доблесть. Так, в военном отношении их крайне низко оценивали китайцы: «народ слаб и боится войны»²⁴². Юэчжи без особого труда овладели Бактрией²⁴³ и больше не помышляли о возобновлении войны с хуннами, от которой им пришлось горько.

Территорию, оставленную юэчжами, – Семиречье – заняли усунь, перемешавшиеся с саками и остатками юэчжей²⁴⁴. Усилившийся усуньский властитель счел возможным «после смерти шаньюя»²⁴⁵ отказаться от поездок в Хунну, т.е. фактически отделиться. Попытка хуннов восстановить свою власть над усунями не имела успеха. Когда же это произошло? Это могло быть только после победы над юэчжами, которых усунь громили совместно с хуннами, т.е. после 165 г. Значит, под умершим шаньюем подразумевался Лаошань. Он умер в 161 г., и, следовательно, отложение усуней должно было произойти в пятидесятых годах II века до н.э., примерно между 158 и 154 гг., когда хунны вели войну в Китае и не имели достаточных сил для борьбы на западе.

У усуней мы не находим такого общественного строя, который составлял силу хуннов. Это видно из следующего. У усуней на 120 тысяч кибиток приходилось 630 тысяч человек, т.е. на одну кибитку – немногим более пяти душ. Это не род, а нормальная парная семья. Жена считалась собственностью мужа, который мог передать ее кому угодно; одну китайскую царевну усуньский владетель подарил своему внуку; другой владетель передал жену своему двоюродному брату. У усуней было явно выражено имущественное неравенство: так, в источнике упоминаются богатые владельцы четырехтысячных табунов лошадей.

---

²⁴⁰ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 266.

²⁴¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 100; Lévi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

²⁴² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 184.

²⁴³ В 160 г. до н.э. Согдиана отпала от Греко-Бактрии, надо думать, при помощи юэчжей. Сама Бактрия пала в 129 г. до н.э. (см.: Saint-Martin V. Fragment d'une histoire des Arsacides. Vol. II. P. 68). Следовательно, борьба за Бактрию продолжалась 30 лет.

²⁴⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191.

²⁴⁵ Там же. С. 155.

Политическая система усуней была значительно проще хуннской. Во главе народа стоял владетель, носивший титул гуньмо. По китайским источникам, у усуней было всего 16 чиновников, а войска – 188 800 человек. Это была грозная сила. Однако усунь в то время жили в согласии с хуннами. Их лояльность, очевидно, была вызвана враждебными отношениями с западными соседями.

С запада к Усуни примыкало владение Кангюй, расположенное в Голодной степи. Оно было вдвое слабее Усуни и служило буфером между хуннами и юэчжами. Господство хуннов над Кангюем было, по-видимому, номинальным, но оно обеспечивало западную границу Хуннской империи и развязывало хуннам руки на востоке. Лежавшая южнее Усуни и Кангюя Согдиана хотя и не подчинялась хуннам, но вследствие раздробленности (она делилась на 70 самостоятельных владений) не могла быть опасна. Итак, мы видим, что, разгромив юэчжей, Лаошань-шаньюй полностью обезопасил западную границу и захватил гегемонию над княжествами «Западного края» (тогдашнее китайское название Синьцзяна – Сиюй), экономические возможности которых должны были играть немаловажную роль в формирующемся хозяйстве новорожденной империи.

Внутренняя политика

«Основать империю, сидя на коне, можно, но управлять ею с коня нельзя», – сказал однажды Елюй-Чуцай – гуманный государственный деятель эпохи Чингисхана. Это понимал еще основатель Хуннской империи Модэ-шаньюй. К концу своего правления он стал широко пользоваться услугами китайских перебежчиков, составлявших для него дипломатические послания к китайскому двору. Лаошань-шаньюй шел по отцовскому пути, и когда евнух Юе, насильно посланный к нему в составе посольства из Китая, захотел перейти на его сторону, то был принят и обласкан. «Юе научил шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество»²⁴⁶. Это мероприятие произвело огромный переворот во внутренних делах хуннского общества. Налоги, поступавшие шаньюю и его приближенным (а все они были его родовичи), выделяли шаньюев род из числа прочих и давали в его руки такие возможности, о которых сам Модэ не мог мечтать. Прямым следствием этого было принятие шаньюем титула «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною, хуннский Великий шаньюй...»²⁴⁷. Тут мы уже видим, что право на власть определяется «милостью божией», причем родовичи обязаны повиноваться, а не сопротивляться. Новые prerogatives шаньюя столь противоречили старому порядку, что, казалось бы, народные массы должны были возмутиться и воспротивиться, но этого не произошло. Наоборот, власть шаньюев пользовалась непререкаемым авторитетом. Дело в том, что недаром уступили хунны свою древнюю свободу. Они получали за нее такую цену, которая, видимо, удовлетворяла их. Доходы от добычи и дань с покоренных племен не целиком попадали в казну шаньюя. Значительная часть их оставалась в руках воинов, и многие хуннские женщины сменили одежды из овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром на столе у хуннов появились вино, хлеб и китайские лакомства. Источники подчеркивают, что в хуннском обществе наступила эпоха изобилия и роскоши, но вместе с тем и упадка нравов.

Проницательный Юе, искренне преданный новому господину, указывал на опасность, возникавшую от этих перемен. «Численность хуннов, – говорил он Лаошань-шаньюю, – не может сравниться с населенностью одной китайской области»²⁴⁸, но они сильны потому, что

²⁴⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 58.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Около 170 г. до н.э. хуннская армия исчислялась в 60 тысяч всадников и, вероятно, состояла не только из хуннов, но и

имеют одеяние и пищу отличные и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи, любишь китайские вещи. Если Китай употребит только одну десятую своих вещей (на подкуп. – Л.Г.), то до единого хунны будут на стороне Дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им»²⁴⁹.

Программа Юе была невыполнима. Не столько шаньюй был причиной упадка нравов, сколько изменение экономики и быта. «Сила вещей» влекла хуннов по пути увеличения потребностей, а следовательно, и изменения быта. Но для того, чтобы последствия этого процесса четко сказались, нужно было немало времени: два, а то и три поколения (50–75 лет), а пока все, казалось, обстояло благополучно. Так как большая часть продуктов, столь приятных хуннам, шла из Китая, то вполне естественно возникло стремление увеличить приток их. При Модэ и Лаошане они попадали к хуннам в небольшом количестве в виде «подарков» шаньюю, который делился ими со своими подданными. Чтобы избежать этого необходимого дележа, шаньюй решил наладить меновую торговлю с Китаем, но встретил резкое противодействие китайского правительства.

Дом Хань установил внутри Китая систему налогового обложения, которая должна была выкачать из населения как можно больше продуктов, чтобы на эти средства содержать армию солдат и чиновников. Понятно, что сосредоточение внешней торговли в руках двора было необходимо, так как оно давало ему нужные доходы. От этой системы страдало в первую очередь китайское податное население, а во вторую – хунны, получавшие значительно меньше тканей и хлеба, чем им было нужно. И тем и другим хотелось наладить прямой обмен, но тогда доходы ушли бы из казны китайского правительства, которому пришлось бы конкурировать с собственными подданными. Это противоречие не могло разрешиться без войны, и она не заставила себя ждать.

Война с Китаем за свободу торговли

Покончив с юэчжами и развязав себе тем самым руки, Лаошань-шаньюй пошел на Китай. В 166 г. он с 140 тысячами конницы вторгся в Северо-Западный Китай, «захватил великое множество народа, скота и имущества» и сжег летний дворец императора. Конные разъезды хуннов шныряли в сорока верстах от столицы Чанани. Император объявил мобилизацию и собрал тысячу колесниц, 100 тысяч конницы²⁵⁰ и три вспомогательных корпуса, но пока войска готовились к выступлению, хунны ушли со всей добычей, не потеряв ни одного человека²⁵¹. После этого хунны в течение четырех лет производили набеги и разорили все пограничные области (особенно пострадал Ляодун). Основной удар был нанесен с запада, из недавно завоеванных хуннами земель, и через области, населенные некитайцами. Военные действия развернулись в Бэйди (восточнее Ганьсу) – стране икюйских жунов, покоренных лишь в III веке до н.э.²⁵². Напрашивается мысль, что только благодаря помощи местного населения сошло хуннам с рук вторжение в центр Китая. Сам по себе поход мало что дал,

из представителей других народов. См.: Haloun G. Zur Üetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937. S. 306, note I; ср. также: Byzantion. Vol. XVII, 1945. S. 224–225. Так как в армию шло взрослое мужское население, составлявшее нормально 20% от общего количества, то можно ориентировочно определить численность хуннского народа в 300 тысяч или менее, но не более.

²⁴⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 57–58.

²⁵⁰ Цифры на совести Сыма Цяня.

²⁵¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 59.

²⁵² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 13.

но он оттянул китайскую конницу на запад, а в это время хунны из Иньшаня разграбили всю восточную границу. Наконец в 162 г. император Вэнь-ди обратился к Лаошань-шаньюю с просьбой о заключении мира; шаньюю с ответом послал данху (невысокий чин), что само по себе выражало пренебрежение. Данху привез китайскому императору в подарок двух лошадей, о качестве которых китайский летописец не упоминает. Несмотря на это, Вэнь-ди счел за благо не обижаться, принял дар и заключил мир. Для Китая этот мир был тяжелым и позорным. Китай и Хунну признавались двумя равными государствами, причем Китай «из сочувствия» к холодному климату в стране своего соседа обязывался ежегодно отправлять на север, к хуннскому шаньюю, «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей»²⁵³. Это была завуалированная дань. Согласно договору, старые перебежчики не возвращались, но новые переходы возбранялись под страхом смертной казни. Договор показал несомненный политический перевес Хунну над Китаем, но о свободной торговле в нем не говорится ни слова.

Лаошань-шаньюю умер в 161 г., оставив своему сыну Гюньчюню неразрешенную проблему торговли с Китаем. Гюньчюнь четыре года сохранял мир, но, ничего не добившись, в 158 г. возобновил войну. Два хуннских отряда, по 30 тысяч каждый (?!), ворвались в Китай с севера и с запада и, произведя грабежи, ушли. Пограничная огневая сигнализация своевременно известила о начале набега, но быстро мобилизовать армию китайское правительство не сумело, и, когда его войска подошли к границе, хунны были уже далеко в степи. Следующие годы сулили хуннам успехи. В 157 г. Вэнь-ди умер, и в 156 г. на престол вступил Цзин-ди. Междоусобица сопровождалась острой борьбой кланов. Побежденных ожидала расправа, и они, восстав, обратились за помощью к хуннам. Однако новое правительство справилось с внутренними затруднениями. В 154 г. восстание было подавлено, так как хунны его не поддерживали. За это они получили то, к чему стремились: по договору 152 г. были открыты пограничные рынки для свободного обмена и, сверх того, шаньюю была отправлена в жены китайская царица с большой данью. 152 год был кульминационным пунктом хуннского могущества.

Восточная граница

На востоке и северо-востоке хуннские шаньюи были полными хозяевами. Дунху покорились, оказав незначительное сопротивление в 209 г., и с тех пор осколки некогда могущественной орды стали верноподданными новых хозяев. Самое название «дунху» исчезло; потомки их стали называться ухуани. Они обитали в степях Южной Маньчжурии по соседству с китайской границей. К северу от ухуаней, в Западной Маньчжурии и Барге, жили родственные им сяньби, а в Восточном Забайкалье, на берегах Аргуни, – косоплеты-тоба. Все это были монгольские племена.

Многообразие племенных названий не должно вводить в заблуждение читателя. В Евразии целые народы часто меняли имена, называясь то по имени государя, то по месту жительства, то по кличке. Родовой строй, составлявший опору хуннской державы, был менее развит к востоку от Хингана. Ухуани жили стойбищами (аилами), т.е. отдельными семьями, но стойбища в целях безопасности объединялись в общины от 100 до 1000 юрт²⁵⁴. Они управлялись выборными старейшинами, причем имя старейшины становилось названием общины. Для того чтобы стать старейшиной, нужно было быть «храбрым, сильным

²⁵³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 60.

²⁵⁴ Для определения общины ухуаней взят термин «бу аймак» – территориальная группа, а не «син» – род (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 142).

и умным»²⁵⁵. Здесь мы наблюдаем иной путь развития, нежели у хуннов. У древних монголов слагались не роды и племена, а орды. Орда была высшей формой военной демократии. Слово «орда» означает некоторое количество совместно живущих людей, определенным образом организованных. Орда может состоять из самых разнородных элементов по крови, языку, религии, нравам, но организация для орды – необходимое условие. Во главе орды стоял хан (сяньбийское слово²⁵⁶), причем, как правило, ханы выбирались или утверждались на курултае – общем собрании полноправных членов орды. Вместо родового, аристократического принципа хуннов у древних монголов господствовал демократический принцип. Разумеется, орда не могла быть столь устойчива, как родовая держава. Она быстро процветала при энергичных вождях и гибла при бездарных. Но благодаря демократическому принципу потенция ее значительно больше. Орда как государственная система оказалась в конце концов наиболее жизнеспособной формой политической жизни кочевников. Однако во II веке до н.э. сложение монгольских орд только намечалось, и хунны могли беспрепятственно командовать разобщенными общинами древних монголов. Они брали с них дань овчинами, а у тех, кто уклонялся от нее, отнимали жен и детей. Чтобы завершить характеристику древних монголов, отметим некоторые этнографические особенности их. Ухуани и сяньби не знали, что такое домашние слуги: «от старейшины до последнего пастуха каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе»²⁵⁷, демократический принцип проводился даже в семейной жизни. Женщина пользовалась уважением: ее нельзя было ударить; девушка выходила замуж по любви и сама была хозяйка приданого; все дела, кроме военных, разрешались женщинами. Религия отличалась от хуннской отсутствием человеческих жертвоприношений. Законы также были мягче: смерть полагалась лишь заслушание на войне, а при воровстве и убийстве разрешалось откупаться скотом. Нередко практиковалось изгнание преступников; изгнанных никто не имел права принимать. Короче говоря, мы наблюдаем жизнь гуманного, но весьма примитивного народа с большими возможностями, еще не претворенными в действительность, с высокой моралью, но низким уровнем культуры. Китайцы очень мало считались с этим народом.

Лесные племена Маньчжурии и Приамурья в то время не были известны китайцам, и о них никаких сведений не сохранилось. По-видимому, на лесные массивы власть хуннов не простиралась.

Северная граница

В 205–204 гг. до н.э. забайкальские и прибайкальские степи входили в державу Хунну²⁵⁸. Модэ подчинил несколько племен, обитавших в Южной Сибири. Эти племена уже пережили бронзовый век и начали осваивать железо (тагарская культура в ее третьей и последней стадии)²⁵⁹. Занятием их было земледелие и оседлое скотоводство. Судя по большому количеству оружия, находимого в курганах, они были народом воинственным. Комплексные захоронения показывают, что социальной основой их строя был род, так же как у их соседей хуннов, но следов высокой организации и зачатков государственности не обнаружено. Искусство их стилистически связано с искусством Алтая и Скифии, так что мы вправе причислить их к западному культурному комплексу, но их нельзя рассматривать как носителей периферийной провинциальной культуры. «Мощный минусинский культурный очаг

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. С. 167.

²⁵⁷ Там же. С. 143.

²⁵⁸ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 120.

²⁵⁹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 184–303; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 124.

оказывал влияние в широкой подтаежной области Западной Сибири и, по-видимому, даже в Восточной Европе (ананьинская культура)»²⁶⁰. Археология констатирует факт, но бессильна его раскрыть. Обратимся к палеоантропологии, делающей следующие выводы:

1. «Основным типом населения был долихокранный, европеоидный, филогенетически связанный с протоевропейским». Потомки динлинов.

2. «Кроме того, отмечается брахикранный европеоидный тип неясного происхождения», может быть, ди.

3. «В общем небольшом проценте примешивается также брахикранный монголоидный тип, относящийся к сибирской ветви азиатского ствола». Известны всего два черепа; примесь может быть случайной.

4. «Возможно сохранение следов проникших в Минусинский край в карасукское время представителей дальневосточной расы»²⁶¹.

Итак, за исключением двух случаев (два монгольских черепа), все население Минусинской котловины состоит из тех же компонентов, что и тысячу лет назад, но разница, и весьма существенная, в том, что они уже успели слиться в единую народность, породившую самобытную культуру. Бронзовые изделия тагарской эпохи поражают изяществом отделки и богатством сюжетов с преобладанием зоологической тематики.

К сожалению, абсолютно неизвестны те формы жизни, которые установились у динлинов в связи с хуннским завоеванием, но ясно, что культурный обмен между ними и хуннами протекал интенсивно. В результате его возникла новая культура – таштыкская, в которой удельный вес азиатского компонента резко увеличился²⁶². Связанные с ней вопросы будут разобраны ниже.

Общественно-экономическая жизнь в державе Хунну

Сходство обнаруженных археологами на территории от Иньшаня до Саяно-Алтая древностей, датируемых V–III веками до н.э., показывает нам тогдашние границы распространения хуннов²⁶³.

Археологически эта культура характеризуется преобладанием бронзы, «звериным стилем» в искусстве и так называемыми плиточными могилами²⁶⁴. В конце этого периода в могилах начинает попадаться железо, с которым хуннов познакомили западные жуны²⁶⁵. Наряду с охотой и скотоводством занятием хуннов было примитивное земледелие, на что указывают находки зернотерок как в Северной Монголии, так и в районе Великой китайской стены²⁶⁶.

Хунны этого времени весьма отдаленно напоминают своих предков, описанных выше. Теперь это совсем другой народ. За 800 лет на окраине Сибири произошло то смешение, в результате которого возник антропологический тип хуннов, названный Г.Ф.Дебецем «палеосибирским». Археология констатирует у хуннов развитие меднолитейного мастерства, что

²⁶⁰ Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 124.

²⁶¹ Там же. С. 134.

²⁶² Там же.

²⁶³ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 317; см. также: Ростовцев М. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; Salmony A. Sino-Siberian art. P., 1933; Inner Mongolia and region of the Great Wall // Archaeologia Orientalis. D-séries. Vol. I. Tokio-Kioto, 1935; Janse O. L'empire des steppes. Pevue des arts asiatiques. Vol. IX, 1935.

²⁶⁴ Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. Вып. VIII; Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. 1941.

²⁶⁵ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.

²⁶⁶ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 318; Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы // Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.

предполагает наличие литейщиков-специалистов²⁶⁷. Накопление богатств шло у хуннов, очевидно, не только в виде собирания сокровищ. Так, Дегинь на основании изучения Сыма Цяня отметил, что «пленные составляли главное богатство хуннов, они их использовали как домашний скот»²⁶⁸.

Выше мы уже видели, что у предшественников хуннов – глазковцев было развито патриархальное рабство. Рабы выполняли тяжелые работы в домашнем хозяйстве, собирали дрова, носили воду. Они не допускались до ведущих отраслей хозяйства: облавной охоты, пастьбы скота, войны; они не определяли способа производства. Наличие их не разрушало патриархального родового строя.

Хозяйство хуннов покоилось на использовании особенностей лесостепного ландшафта. Им были необходимы не только зеленые степи, но и покрытые лесом горы. Лесом с гор они пользовались для изготовления юрт и телег²⁶⁹, а также стрел, причем ценился горный лес, где живут орлы, «перья которых употребляются на опушку стрел»²⁷⁰. Перелески укрывали скот во время буранов и доставляли пастухам дрова для костров в то время, когда кизяк был присыпан снегом. Именно невозможность обойтись без горного леса заставляла хуннов вступать в борьбу с китайцами за обладание склонами Иньшаня и Цилиньшаня (в Ганьсу) и с юэжжами за Монгольский Алтай и Тяньшань.

Обычно, сравнивая между собой древние культуры, уровень развития их измеряют наличием материальных остатков: сооружений, письменности, произведений искусства и т.п. Методика эта порочна, так как учитываются лишь уцелевшие памятники, т.е. каменные сооружения и металлические вещи. Вследствие того, что сохранность памятников в странах с сухим климатом неизмеримо выше, чем в странах влажных, возникает первая ошибка. Затем, если учесть, что люди строят дома для того, чтобы в них жить, а не для того, чтобы их тысячу лет спустя выкопал археолог, надо признать, что деревянные постройки подчас не хуже каменных, и говорить о низком уровне культуры на том основании, что не обнаружено каменных строений, – вторая ошибка. Равным образом не могут быть установлены красота и ценность одежды, так как сохраняются лишь металлические детали, которые не для всех народов характерны. Допустим, что у какого-нибудь народа искусство проявляло себя в вышивках и достигло большой высоты, а у другого – в изготовлении каменных амулетов, очень грубых и заимствованных у первого. Получится, что в первом случае искусства не было вовсе, а во втором обнаружится оригинальный стиль. То же самое с письменностью: есть народы, у которых имеются огромные библиотеки переводов, пересказов, компиляций и очень мало оригинальных произведений, например у монголов, маньчжуров. В то же время «Илиада» и «Калевала» были устным творчеством еще неграмотных народов.

Короче говоря, сравнение древних культур не только возможно, но и необходимо, а для этого должны быть в первую очередь учтены и выявлены оригинальные черты развития изучаемых народов и их потребности, и разная сохранность материальных остатков не должна мешать этому.

Основным достижением хуннов было освоение степных пространств Монголии. Ранее Великая степь, как море, разделяла обитаемые лесостепные полосы: южносибирскую и северокаитайскую. Обитатели обеих полос – земледельцы, оседлые скотоводы и лесные охотники – не имели возможностей для передвижения по степи, и степные травы пропадали попусту. Хунны развели достаточное количество лошадей и подъяремных быков, создали кибитку – дом на колесах – и первые занялись кочевым скотоводством и вместе с тем применили

²⁶⁷ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 323.

²⁶⁸ Там же. С. 324.

²⁶⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 99.

²⁷⁰ Там же. С. 98.

облавленную охоту, которая неизмеримо продуктивнее индивидуальной; они уже в III веке до н.э. знали соколиную охоту.

Жилище их – кибитка на колесах – было удобно: во-первых, шатер значительно лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзающие стены земляного или каменного дома, и, меняя стоянку, всегда можно найти место, обеспеченное топливом; во-вторых, в жилище на колесах жить более безопасно, так как со всем имуществом можно уехать от врага, что хунны и делали.

Кожаная одежда их была прочна, легка и удобна. Их питание состояло из мяса и молока, имевшихся в изобилии, так как стада были огромны. Отсутствие изнурительного труда и постоянное занятие охотой способствовали физическому развитию, частые военные походы закаляли мужество и волю.

К тому же эти походы играли большую роль в экономике хуннов. На ранних ступенях исторического развития возникала примитивная система приобретения недостающего продукта путем систематического захвата запасов у соседей. В этой стадии война была опасным, но доходным промыслом, и добыча становилась народным достоянием. Подобно многим народам, хунны прошли эту стадию, но уже при первых шаньюях основным источником их доходов стало обложение покоренных данью.

Таким образом, мы должны признать, что хунны на заре своего существования были не лучше и не хуже, чем, скажем, франки, готы, арабы, славяне и древние греки.

Обращение с пленными и перебежчиками было весьма гуманным, поэтому китайцы опасались не столько набегов хуннов, сколько постоянных переходов к ним в степь своего населения.

Участие женщин в политике показывает, что они отнюдь не были принижены, как это наблюдалось в Китае, Индии, Иране.

Самым сильным аргументом против утверждения, что хунны имели собственную развивающуюся культуру, служит указание на отсутствие у них письменности, основанное на том, что она до сих пор не обнаружена. Предположение, что хунны имели письменность, не дошедшую до нас, так как найти древние записи на коже, бересте или бумаге не всегда возможно, отвергалось как несовместимое с уже составленным мнением. Однако и это предвзятое мнение разбивается накоплением новых сведений. Так, в «Истории Троецарствия» сообщается об обмене посольствами между Китаем и Фуаном, древнейшим царством в Камбодже. Китайское посольство посетило Камбоджу между 245 и 250 гг., и, вернувшись, участник его, Кань Тай, сообщая сведения о царстве Фуан, заявил: «Они имеют книги и хранят их в архивах. Их письменность напоминает письменность хуннов»²⁷¹. Фуанцы употребляли индийский шрифт. Это сообщение чрезвычайно интересно. Китайский дипломат говорит о хуннской письменности в придаточном предложении как о вещи абсолютно известной и нужной лишь для сравнения и пояснения. Еще важнее то, что он подчеркивает индийское происхождение хуннской письменности, следовательно, держава Хунну имела культурные связи с Западом. Может быть, потому китайцы эпохи Хань и считали хуннов диким народом, ибо признавали единственным источником культуры только свою страну. К сожалению, фольклор²⁷² и прочие проявления хуннской духовной культуры безвозвратно утеряны, но уровень их культуры, в частности искусства, может быть установлен при расширении археологических работ в Монголии и Ордосе; современное же хуннам саяно-алтайское искусство великолепно.

---

²⁷¹ Hall D.G.E. A history of South-East Asia. L., 1955. P. 25–26.

²⁷² Имеется лишь краткое упоминание в «Цянь Ханьшу», что хунны, потеряв хребты Яньчжышань и Циляншань, отразили это печальное событие в стихах (См.: Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из восточной Монголии // Советская этнография. 1959. № 1. С. 5).

Религия хуннов

Когда заходит речь о религии, то ставятся два вопроса: во что веруешь и как веруешь? Хунны ежегодно весной приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам». Ежедневно шаньюй дважды совершал поклонение: утром – восходящему солнцу, вечером – луне. Мероприятия начинались, «смотря по положению звезд и луны»²⁷³.

Если вдобавок учесть титул шаньюя – «рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною», то будет ясно, что одним из объектов поклонения был космос; поскольку хунны имели идола, изображающего его, космос был уже персонифицирован. Подобное космическое божество было известно в греческой мифологии (Уран, отец Сатурна), в индийской (древнейший из богов – Варуна), в древнескандинавской (Один). Исходя из этого, лучше всего допустить, что пышный культ персонифицированного космоса был заимствован хуннами у западных соседей, юэчжей или динлинов, так как восточноазиатские монголоиды не имели такого культа, а были полиспиритуалистами. Полиспиритуализм на Востоке всегда точно разграничивал духов предков и духов природы. Считалось, что тех и других можно вызвать или отогнать, рассердить или задобрить. Духи эти, с точки зрения китайца или тибетца, были отнюдь не божества, а живые существа, только имеющие природу, отличную от людей: они сильны, но не всесильны, не добры и не злы по природе, но могут быть часто вредны и иногда полезны. Короче говоря, общение с духами трудно даже назвать религией. Хунны также верили в духов. Верили они и в загробное существование, причем примитивное сознание кочевника рисовало его продолжением жизни. Отсюда пышные похороны в двойном гробу; чтобы покойнику не было холодно – облачение из парчи и драгоценных мехов; для службы ему в загробном мире – несколько сот соумирающих друзей и наложниц. Но этот жестокий обычай «сопровождения» шаньюя или вельможи в загробный мир не исчерпывал всех случаев человеческого жертвоприношения. «В жертву воинам»²⁷⁴, очевидно, прадедам, приносились храбрые пленники, и духи требовали жертву через уста волхвов. Отсюда видно, что человеческие жертвоприношения были связаны с сибирской струей хуннской религии, с очень древним китайским шаманизмом и, возможно, тибетской религией бон. Эта религиозная система не предполагает существования единого бога, а ограничивается почитанием демонов, существ ограниченных и злобных. С этой системой вели борьбу как конфуцианцы, почитавшие предков, так и буддисты, а позднее – христиане и мусульмане, но, несмотря на это, она удержалась до XX века в Тибете и в несколько измененных формах у тунгусов в Восточной Сибири. Любопытно, что там она вначале также была связана с человеческими жертвоприношениями, которые потом прекратились»²⁷⁵.

На первый взгляд кажется странным, что демонология и космический культ, столь различные по происхождению и содержанию, уживались вместе, но это становится понятным, если учесть, что сферы их в мирозерцании хуннов были четко разграничены; они просто не мешали друг другу. Космическое божество было так огромно, что не замечало демонов, а демоны делали свои дела, не касаясь мироздания; такое мировоззрение еще не так давно бытовало среди сибирских народов и даже в Поволжье, где марийцы не могли понять, почему русский бог не уживался с Кереметью, и приносили одному свечи, а другому – жертву. Интересно другое: хунны вбирали в себя культурные представления Востока и Запада и сочетали их в оригинальных формах. Больше того, хунны воспринимали даже

²⁷³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 49–50.

²⁷⁴ Там же. С. 76.

²⁷⁵ Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура (рукопись). Гл. VII.

концепции далекой Индии. Золотой идол, отбитый у них китайцами, многими учеными считается буддийским образом из оазисов Западного края²⁷⁶.

Разумеется, нет оснований думать, что среди хуннов были буддисты, но важно, что они о буддизме знали и интересовались им. Это указывает на широкий кругозор, несовместимый с низким уровнем культурного развития; можно ли при этом считать их дикарями? А если прибавить стройную систему администрации и гуманные формы быта, привлекавшие даже просвещенных китайцев, то вопрос о «дикости» хуннов III–I веков до н.э. должен отпасть.

---

²⁷⁶ McGovern W. The early empires... 139; Chavannes Ed. *Memoires historiques de Sse-ma Ts'ien*. Vol. LXVII. P., 1899; Franke H. *Geschichte des chinesischen Reiches*. Bd. I. Berlin, 1930. S. 343; Дэн Чжи-чэн. История Китая на протяжении двух тысяч лет. Шанхай, 1954 // Реферативный сборник. 1956. № 13. С. 152.

VII. Взлет дракона

Возобновление хунно-китайской войны

Китай процветал. Режим династии Хань выгодно отличался от режима ее предшественницы Цинь. Прекращение внутренних распрей, отказ от грандиозных сооружений вроде Великой стены положительно повлияли на развитие земледелия и ремесел, на распространение торговли и на рост народонаселения. Несмотря на хуннские и тангутские набеги, богатство страны росло не по дням, а по часам, и возможности Китая казались неисчерпаемыми. Китайцы были предприимчивым и отважным народом, уверенным, что будущее принадлежит им. У-ди, вступивший на престол в 140 г. до н.э., понял потребности своей страны. Враги окружали ее, и главными из них были хунны. Император У-ди не осмелился сразу порвать унижительный мирный договор, признававший Хунну и Китай равными империями, а фактически ущемлявший интересы Китая; он даже подтвердил договор о свободной торговле, несмотря на ее убыточность. Но он немедленно начал готовиться к войне. Во второй год царствования он послал своего приближенного Чжан Цяня с заданием отыскать юэчжей и убедить их напасть на Хунну одновременно с китайскими войсками. Однако У-ди выступил, не дождавшись Чжан Цяня.

Другой лазутчик – Нйе И, родом из города Май, по приказу императора будто бы тайно доставлял хуннам китайские вещи и, вкравшись в доверие к шаньюю, предложил ему разграбить свой родной город. Шаньюю, соблазнившись богатствами Май, поверил лазутчику и с войском в 100 тысяч копий вступил в 133 г. в пределы Китая.

Этого и ждали китайцы: 300 тысяч солдат, готовых к бою, были спрятаны в окрестностях Май, чтобы, лишь только хунны возьмут город и захватят добычу, окружить и истребить их.

Хунны шли форсированным маршем, стремясь не дать опомниться противнику. Вдруг еще за 100 ли (около 40 км) от Май они увидели в поле множество скота; пастухов не было. Очевидно, местные жители, узнав от китайских солдат, скрытых в засаде, об ожидаемом приближении хуннов, бросили свое имущество и спрятались, чтобы сохранить свободу и жизнь. Но шаньюю знал, что никто не мог предупредить пастухов о его появлении, так как никто из китайцев не в силах был обогнать скачущих хуннов. Поэтому отсутствие жителей заставило его насторожиться.

Иногда ход событий меняется из-за пустяков. Один китайский командир (юйшы), проезжавший по границе, захотел отстоять укрепленный пост. Хуннские всадники окружили его, и бедный юйшы вынужден был забраться на дозорную башню. За ним полез хунн с копьем, чтобы заколоть несчастного для забавы товарищей, стоявших кругом²⁷⁷. Китаец испугался, спустился вниз и сдался хуннам, которые, торжествуя, притащили его в ставку и как первую добычу преподнесли шаньюю. Шаньюю, уже настороженный, строго допросил пленника, и тот, спасая жизнь, рассказал ему про засаду. Шаньюю немедленно скоординировал отступление и, выйдя за границу, сказал: «Я обязан своим спасением Небу, оно послало мне этого юйшы». В благодарность за спасение он освободил своего единственного пленника, но, зная, что на родине тому грозит смерть, оставил его при себе и дал ему титул «небесный князь».

---

²⁷⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 62

Китайские полководцы ожидали вступления хуннов в город Май и потому не двигались с места. Разгневанный У-ди решил предать суду главного полководца Ван Кая, но тот опередил палачей своего государя, покончив жизнь самоубийством. Китаю предстояла тяжелая и упорная война. Несмотря на самоубийство полководца, китайская армия могла вторгнуться в хуннские земли, но не сделала этого. Как же объяснить такой странный, но спасительный для хуннов оборот событий? В 131 г. до н.э. Хуанхэ, прорвав дамбу у селения Хуцзэ (провинция Шаньдун), изменила свое русло. В стихотворении, посвященном этому событию, есть такая строфа²⁷⁸:

О, сколь немилосерден был Хопэй²⁷⁹.
В волнах погибли тысячи людей.
Сожрав Санфу²⁸⁰, наполнил он Хуай
И не вернулся в свой родимый край.

Для ликвидации огромной бреши император послал 100 тысяч человек²⁸¹. Очевидно, в их числе были и солдаты, ожидающие врага на границе. Хунны получили передышку.

Потери хуннов

После описанного события о мире не могло быть и речи, но первые четыре года ни та, ни другая сторона не предпринимала крупных операций. Летучие отряды хуннов производили грабежи в разных областях Северного Китая, китайцы ограничивались обороной. Но особенно интересно, что рынки, расположенные в степи за границами Китая, торговали весьма интенсивно, и хунны отнюдь не посягали на китайских купцов, продававших им шелка и лакомства. Опасность угрожала купцам с другой стороны. В 129 г. китайский двор решил положить конец утечке национальных средств к врагам и запретить свободную торговлю. Для этого были направлены четыре девятитысячных конных корпуса. Вот тут-то хунны показали себя.

Талантливый китайский полководец Вэй Цин ухитрился застать врагов врасплох и захватил в Лунчэне 700 пленных. Кто были эти пленные – хунны или китайские купцы – хроника не сообщает. Следующий полководец, ничего не добившись, ушел обратно без потерь. Третий потерял 7 тысяч из 10 и отступил с остатками своих разбитых войск, а четвертый даже сам попал в плен к хуннам, но впоследствии бежал и возвратился на родину. Два последних полководца были преданы суду, но это не поправило дела на фронте.

Окрыленные успехами, хунны усилили набеги, а в следующем, 128 г. их двадцатитысячное войско вторглось в Ляоси, уничтожило стоявшие там войска, затем, перейдя в Яймынь к западу от Пекина, разгромило эту область и ушло, уведя 3 тысячи пленных. В ответ на этот набег против хуннов снова выступил Вэй Цин с 30 тысячами всадников, которым удалось захватить несколько тысяч пленных.

Вэй Цин ворвался в Ордос и покорил обитавшие там племена лэуфань и баянь, захватив пленных и множество скота. Для усиления Ордоса китайцы восстановили старые крепости по берегам Желтой реки и построили новую крепость Шофан. В ответ на это хунны захватили область Цзаоян – восточный участок Великой стены.

²⁷⁸ Li H. Die Geschichte des Wasserbaues in China // Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie. Bd. I. Berlin, 1931–1932. S. 59–73.

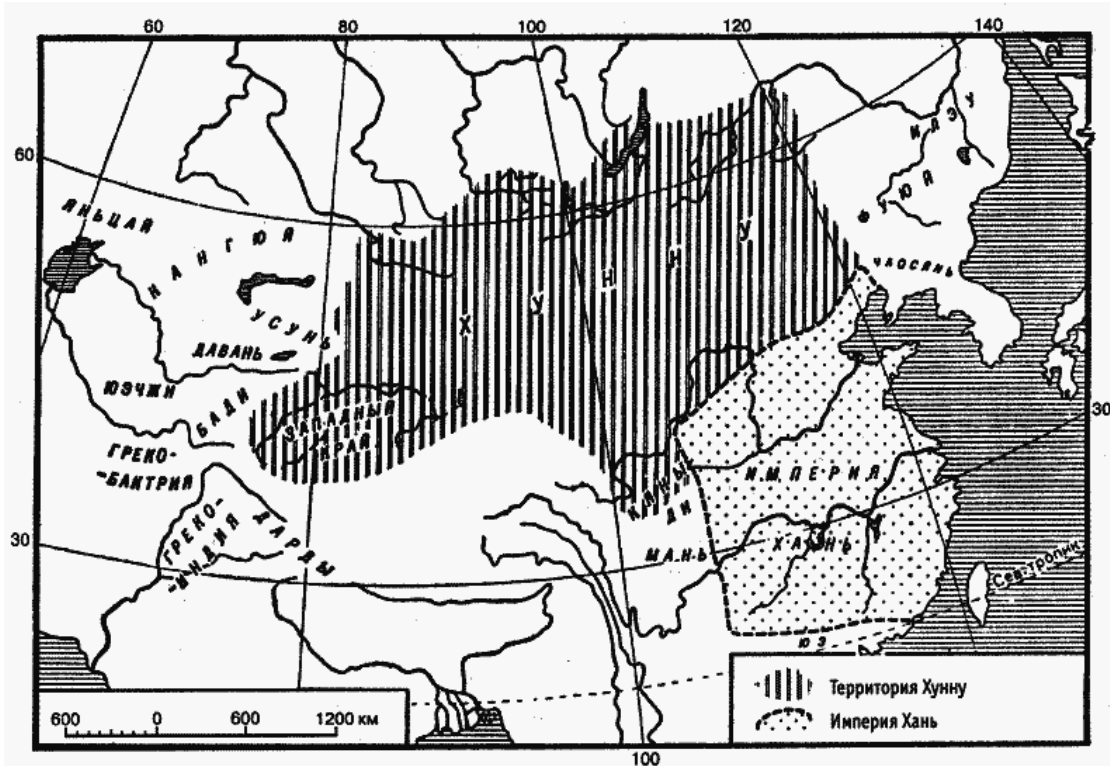
²⁷⁹ Бог рек.

²⁸⁰ Название реки.

²⁸¹ Из истории науки и техники Китая. М., 1955. С. 21.

Зимой 126 г. умер Гюньчень-шаньюй, внук Модэ. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, и выдержал шестилетнюю борьбу с противником, который был во много раз сильнее. Потеря Ордоса не была для хуннов тяжелой, так как его населяли тангуты, чуждые хуннам. Зато собственно хуннские земли в Иньшане даже расширились, торговля продолжалась, а китайские пограничные области были разорены, и китайские войска оказались в бою слабее хуннских. Но У-ди был человек упорный и продолжал войну.

Смерть Гюньчень-шаньюя вызвала междоусобицу. Его брат, восточный лули-князь Ичисей, «сам объявил себя шаньюем» и разбил сына Гюньчень-шаньюя Юйби «в сражении»²⁸². Юйби бежал в Китай, где был принят и обласкан, но вскоре умер. Распря князей закончилась в несколько дней и отрицательных последствий для Хунну не имела. Ичисей с удвоенной энергией продолжал войну с Китаем. Летом и осенью 126 г. были разграблены северо-восточные области Китая (современные провинции Хэбэй, Ляоси и Ляодун), так как именно здесь хунны имели опору в лесистых отрогах Иньшаня. И на западе было неспокойно. В 125 г. западный чжуки-князь ворвался в Ордос, разрушил Шофан и увел много «пленных из чиновников и народа».

Срединная Азия около 135 г. до н.э. (по данным путешественника Чжан Цяна)

Тогда У-ди применил новую тактику ведения войны, которая хотя и была осуждена и раскритикована впоследствии, но все-таки принесла плоды. Для борьбы с конным противником стали создаваться конные легковооруженные отряды, снабженные провиантом. Этим отрядам надлежало перенести войну в хуннские степи. Подготовка таких отрядов была делом трудным и дорогим. Кроме того, они не годились для обороны и не спасали страну от ответных набегов озлобленного противника, но придумать что-либо лучшее было невозможно²⁸³.

²⁸² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 64.

²⁸³ Там же. С. 107.

Предводителем конной наступательной армии был назначен тот же Вэй Цин. Весной 124 г. китайская армия численностью 100 тысяч²⁸⁴ человек выступила из Ордоса и, напав на западные кочевья хуннов, застала их врасплох. В ставке западного чжуки-князя шло веселье и пьянство, когда китайская конница, пройдя форсированным маршем 700 ли (около 300 км), ночью окружила ставку. Сам чжуки-князь спасся бегством, но в плен попали более 15 тысяч человек, в том числе десять низших князей.

Осенью того же года хунны отплатили за набег, ворвавшись в Дайгюнь (западный Хэбэй). Китайские пограничные войска были разбиты, и хунны увели с собой тысячу пленных.

В 123 г. Вэй Цин совершил еще два набега на восточные кочевья, но успехи были значительно меньше, а потери – больше. Один из его отрядов, блокированный хуннами, принужден был сдаться. Командир этого отряда Чжао Синь был из числа низших хуннских князей, убежавших в Китай во время последней распри. Ичисье-шаньюй, захватив его, не вспомнил старого зла, а, наоборот, женил его на своей сестре и советовался с ним по всем вопросам, связанным с Китаем. Чжао Синь посоветовал шаньюю отнести свою ставку на север, за пустыню Гоби, чтобы китайцы не могли застигнуть его врасплох; равно предполагалось заманивать китайские войска в глубь степей и потом, пользуясь их усталостью, уничтожить их. Шаньюй согласился с этим мнением и откочевал на север. Одновременно он пытался продолжить активные боевые действия, но набег 122 г. мало что дал.

Тем временем У-ди закончил реорганизацию армии, и весной 121 г. китайцы снова перешли в наступление. Полководец Хо Цюй-бин с десятитысячной конницей напал на западные кочевья хуннов, разгромил их, захватив много пленных и золотого идола, которому хунны приносили жертвы. Летом того же года Хо Цюй-бин напал на хуннские кочевья у подножий Тяньшаня; были захвачены 30 тысяч пленных, в том числе 70 низших князей и предводителей.

Потерпев полное поражение на западе, хунны усилили наступление на востоке. Они окружили брошенный против них китайский отряд (4 тысячи копий и сабель), половина которого полегла в бою. Только немедленная помощь других китайских войск спасла от истребления остатки разбитого отряда.

Борьба становилась все более ожесточенной. В 120 г. хунны опустошили области Юбэйпин и Динсян (в Шаньси) и увели много пленных. Пламя войны разгоралось с каждым днем.

Ичисье-шаньюй допустил крупную ошибку. Разгневанный неудачами на западной части фронта, он – справедливо или нет – возложил ответственность за них на князей родов Хючжуй и Хуньше и решил их казнить. Поняв безнадежность своего положения, Хуньше-князь предпочел измену смерти. Он убил колебавшегося Хючжуй-князя, увлек за собой свой и его народ и перешел на сторону Китая. Всего перешедших было 120 тысяч человек²⁸⁵. Предательство Хуньше-князя радикально изменило положение на фронте. Набеги хуннов на Северо-Западный Китай (Хэси) стали более редкими. Это позволило У-ди снять половину обученных ратников с северо-западной границы и заменить их бедными крестьянами из Гуандуна, которых превратили в военнопоселенцев²⁸⁶. Хорошо обученные войска понадобились предприимчивому императору для осуществления нового плана, который при удаче сулил скорое завершение затянувшейся войны.

²⁸⁴ Это, несомненно, преувеличение, надо понимать «очень много».

²⁸⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 66.

²⁸⁶ В связи с ростом крупного землевладения в Китае появилось множество обезземеленных крестьян. Ханьское правительство предоставляло им земли на границе с обязательным несением военной службы (см: Хэ Цзи-юань Краткий очерк истории Цинь Хань // Реферативный сборник. 1956. № 17. С. 162.

Борьба Вэй Цина с хуннами

У-ди решил поразить шаньюя в самое сердце. Для этого была собрана большая конная армия (100 тысяч?!) с полуторным числом заводных лошадей (140 тысяч) и обозами с продовольствием. В задачу этой армии входило перейти Гоби и захватить ставку шаньюя, как перед этим были захвачены ставки алашаньских князей.

Задачу эту нельзя назвать невыполнимой, так как хуннские кочевья передвигались в кибитках, запряженных волами, т.е. чрезвычайно медленно, и настичь такое кочевье коннице врага было нетрудно. К тому же главное богатство хуннов составляли овцы, а крупный рогатый скот и лошади были на втором месте. Уберечь же от неприятельской конницы отару овец невозможно. Следовательно, появившись в степях Халхи, китайцы надеялись вызвать хуннов на решительное сражение и сокрушить их одним ударом. Однако при неудаче не было никакой надежды спасти армию в таком удалении от границы. Поэтому экспедиция была тщательно продумана и подготовлена.

У-ди не считался с затратами на вооружение, обмундирование и продовольствие, вследствие чего «Серединное государство изнурилось»²⁸⁷, но ожидаемый результат должен был покрыть все издержки. В 119 г. китайская армия выступила в поход двумя отрядами под командованием Вэй Циня и Хо Цюй-бина, но сохранить тайну китайцам не удалось.

Пока китайские войска переходили песчаную пустыню Гоби, Ичисье-шаньюй отправил свою кочевую столицу далеко в тыл, а сам с отборным войском стал ожидать врага на северной окраине пустыни. Вэй Цин встретился с ним, произошел бой, который длился целый день, но не дал результатов. К вечеру поднялся сильный степной ветер, который нес густую пыль, слепящую глаза. Стрелять из лука в такую погоду было невозможно, так как ветер отклонял летящую стрелу. Хунны лишились преимущества, которое им давало их искусство в стрельбе, и китайцы этим немедленно воспользовались. Растянув фланги, они окружили хуннов и пошли врукопашную. Шаньюй не растерялся. Лично возглавив отборную дружину из нескольких сот удалцов, он прорвал китайские цепи и, пользуясь темнотой наступающей ночи, оторвался от противника.

Ветер и тьма скрыли расположение обеих ратей. Хуннские воины смешались с китайскими ратниками, и в глубоком мраке ночи происходили кровавые поединки. Большая часть хуннов последовала за шаньюем, но сразу собрать и реорганизовать армию ему не удалось. Число хуннских потерь Сыма Цянь определяет в 19 тысяч человек, но эта цифра, безусловно, неточная – где уж там было считать!

Вэй Цин попытался продолжить наступление и дошел до городка Чжао-Синь-чен, построенного для себя окитаившимся хунном, перебежчиком Чжао Синем. О захвате городка источник не сообщает, но отсюда началось отступление китайской армии. Потеря лошадьми достигла 100 тысяч, а потерю личного состава китайский историк не рискнул показать в своем официальном труде. Вэй Цин одержал победу, но победа была пирровой. Действовавший на востоке Хо Цюй-бин достиг нескольких больших результатов. Он разбил восточного чжуки-князя и, по-видимому, захватил его ставку, так как пленных было 70 тысяч человек. После этого хунны очистили Иньшань и отступили за песчаную пустыню, в Халху.

Ухуани вышли из подчинения хуннов и поселились вдоль китайской границы (в Маньчжурии). Китайское правительство немедленно перевело на вновь приобретенные земли 60 тысяч военнопоселенцев. Для орошения полей были проведены каналы; местных кочевников выселяли, чтобы отобрать у них лучшие земли. Оседлость в лице зависимого крестья-

---

²⁸⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

нина, солдата и чиновника надвигалась на вольного степняка и его родового старейшину. Границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби.

Успехи китайского оружия

Кампания 119 г. так обессилила обе стороны, что ни хунны, ни китайцы не могли продолжать войну. Ичисье-шаньюй сделал попытку начать мирные переговоры, но китайцы предложили ему стать их пограничным вассалом. Шаньюй счел это оскорблением и задержал посла. У-ди также задержал хуннское посольство и снова начал набор войска и лошадей, но они понадобились ему для другого дела. На западной границе Китая, около горного озера Кукунор, усилились тибетцы. Победа китайцев и захват ими предгорий Алашаня и Наньшаня были для тибетцев столь же неприятны, как и для хуннов. Китайцы же, учитывая всю важность одержанной победы, поспешили укрепить завоеванную территорию, «чтобы преградить хуннам путь к сообщению к кянами»²⁸⁸. Тибетцы немедленно начали войну, и в 117 г. У-ди отправил против них войска, собранные для того, чтобы покончить с хуннами. Хунны получили передышку на 12 лет и действительно успели оправиться.

В 112–111 гг. китайским войскам удалось отогнать тибетцев за Желтую реку и ее приток Хуаншуй, но в ответ на это примирились три больших тибетских рода, вступили в союз между собой и, связавшись с хуннами, перешли в контрнаступление. Китайцам понадобилась новая огромная армия, чтобы разбить их, но покорить горцев не удалось. Они отошли на запад и поселились около озера Кукунор, а новая граница легла по горному хребту одной из южных цепей Наньшаня²⁸⁹. Война закончилась в 107 г.

Так путем огромных усилий У-ди разделил северных и южных кочевников. Но это был успех исключительно стратегический: была приобретена страна без жителей, которую должны были постепенно занять китайские военнопоселенцы, однако это мероприятие осталось невыполненным.

В 114 г. умер Ичисье-шаньюй, и власть перешла к его сыну Увэю. Последний был, по-видимому, человек тихий и невоинственный. У У-ди были развязаны руки на севере, и он обратился на юг. На юге с Китаем граничили два княжества Юе, расположенные в Гуандуне и Индокитае. В 113 г. У-ди покорил их, а голову владетеля Юе в Индокитае вывесил в клетке перед северными воротами императорского дворца²⁹⁰. Менее удачны были походы в страны Суй и Кхун-мин (Бирма), где воинственное население в непроходимых джунглях остановило китайское продвижение.

Победа над Юе окрылила У-ди, и он послал две армии в Халху, но обе вернулись, даже не встретив хуннов.

В 110 г. император устроил смотр своей северной армии. В крепости Шофан было собрано 180 тысяч конницы. Эта демонстрация военной мощи должна была, по мнению У-ди, утешить шаньюя и заставить его признать себя вассалом Китая. Но шаньюй отказался даже обсуждать китайские предложения и отрубил голову церемониймейстеру, допустившему к нему в юрту китайского посла. Вместе с тем хунны не возобновляли войны; боевые лошади отдыхали, ратники занимались охотой на крупного зверя. Это было затишье перед бурей. Но и на этот раз не удалось У-ди двинуться против хуннов. Новые осложнения возникли на востоке и отвлекли его внимание от основной задачи. Возникли трения с северо-

---

²⁸⁸ Там же. С. 69.

²⁸⁹ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 18.

²⁹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 68.

корейским государством Чаосянь, которое не только принимало китайских политических эмигрантов, но даже переманивало их²⁹¹.

В 109 г. У-ди направил против Чаосяни войско и флот. Корейцы разбили китайцев на суше и на море и вступили в переговоры о почетном мире. Послом со стороны Кореи был наследник престола; он прибыл в китайский стан и был предательски убит. В следующем году война возобновилась. Усиленные подкреплениями²⁹², китайские войска обложили столицу Чаосяни с суши и моря, но генерал и адмирал ссорились и потому успеха не имели. Наконец китайцам удалось переманить на свою сторону некоторых корейских вельмож. С их помощью был предательски убит чаосяньский князь, и Чаосянь подчинилась Китаю. Война закончилась в 108 г. Но, несмотря на ее удачный конец, нельзя было думать о немедленном продолжении серьезной войны с хуннами, так как китайские войска и полководцы показали столь низкие боевые качества, что полководцев пришлось судить, а войска реорганизовать.

В 107 г. закончилась война китайцев с тибетцами, а в 105 г. умер «тихий» Увэй-шаньюй, передав престол молодому и воинственному сыну Ушилу.

Открытие Европы

История китайских географических открытий сложна и интересна. Мир открывался не только с запада, но и с востока, и имя путешественника Чжан Цяня должно стоять в одном ряду с именами Геродота и Страбона.

До возвышения династии Хань и в начале ее правления китайцам была известна весьма ограниченная территория: собственно Китай от Тибетского нагорья до Желтого моря, прилегающие степи и пустыня Гоби, джунгли к югу от реки Янцзы и Корея. Естественно, что китайцы в то время считали свою страну центром мира.

Толчок к открытию новых земель дала внешняя политика: в поисках союзников для борьбы с Хунну китайское правительство вспомнило о юэчжах, и к ним был послан чиновник Чжан Цянь. Он отправился с одним рабом по имени Тяньи и по выходе за границу немедленно был схвачен хуннами. Десять лет прожил Чжан Цянь у хуннов и, улучив время, бежал на запад в Давань (Фергану). Там он был хорошо принят, так как слава о богатстве и могуществе Китая докатилась до Средней Азии. Ему дали проводника, и он проехал через Согдиану во владение юэчжей. Его дипломатическая миссия не имела успеха, ибо юэчжи не собирались возобновлять войну с хуннами. На обратном пути Чжан Цянь был снова задержан хуннами, но бежал и вернулся в Китай в 120 г. до н.э.

Рассказы Чжан Цяня открыли китайцам новый неизвестный мир. Огромный интерес Китая к западным странам сравним лишь с тем, который возник в Европе после путешествия Колумба. Чжан Цянь рассказывал о горных скотоводах-усунях, о кочевом государстве Кантуй, расположенном в Голодной степи, о Яньцае²⁹³ – государстве на отлогих берегах большого северного моря (Каспий), и об Аньси – большом, многочисленном, оседлом государстве (Парфия). Понаслышке Чжан Цянь узнал о богатой западной стране Тяочжи, лежащей на берегу Западного моря (Месопотамия), и о чудесной стране Шеньду, или Инду (Индия).

Китайский император был в восхищении и щедро наградил путешественника. Богатства западных стран сулили огромные возможности для китайской торговли, а храбрость иноземцев была приятна императору, так как их можно было использовать против хуннов.

²⁹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 15.

²⁹² Войска пополнялись преступниками, которым смертная казнь заменялась военной службой (Gibert L. Dictionnaire historique et géographique de Mandchourie. Hongkong, 1934. P. 867).

²⁹³ Г.В. Вернадский производит название «Яньцай» от тохарского слова «ант» – равнина (Vernadsky G.W. Ancient Russia. New Haven, 1952. P. 82).

Был организован ряд посольств в Аньси (Парфию), Яньцай (Сарматия), в Тяочжи (Месопотамия), Шеньду (Индию) и даже в Лигань (Рим). Луций Анней Флор, историк II века н.э., упоминает в своей «Истории»²⁹⁴ о посольстве серов к Августу, которому даже приписано намерение покорить этот народ²⁹⁵. Крупные посольства, отправляемые в иностранные государства, состояли из нескольких сот, а малые – не меньше чем из 100 человек. Китайский двор в иной год отправлял более десяти, а в иной – от пяти до шести посольств. Посланники возвращались по прошествии многих лет²⁹⁶.

Путешествия были сопряжены с большими опасностями, так как хунны, тибетцы и южные мани грабили путешественников. Для обеспечения безопасности последних требовались военные экспедиции и постройка крепостей по караванным путям, что увеличивало расходы. Все-таки китайцам удалось организовать Наньлу – южный караванный путь, который шел мимо озера Кукунор, очевидно, долинами рек Бухаин-Гол и Данхэ, на Хотан и Яркенд²⁹⁷. Дальше южный путь на западе переходил через Цунлин и выходил к Большим Юэчжи (Бактрия) и Аньси (Парфия)²⁹⁸.

Что такое Цунлин? Переводчик текста карты Н.В.Кюнер дает буквальный перевод: «Луковые горы», и интерпретацию: «Памир»²⁹⁹. Однако в данном случае под Луковыми горами приходится понимать Алтайский хребет, так как северный путь от Кашгара (Сулэ) на Фергану тоже «переходит через Цунлин»³⁰⁰. Очевидно, южный путь шел от Кашгара на Ташкуртан и Гил-гит, а оттуда – на Сринагар и в современный Таджикистан³⁰¹, а северный – через невысокий перевал, от Кашгара в Ферганскую долину (Давань) и оттуда в Кангюй (современный Казахстан) и Яньцай (прикаспийские степи)³⁰².

Северный путь был проложен и освоен позднее южного, только после того, как разбитые хунны отступили за песчаные пустыни Шамо и китайское влияние утвердилось в Хами и Чеши (Турфанская котловина). До Кашгара он шел вдоль южного склона Тяньшаня, где гораздо больше оазисов, чем на юге. Постепенно южный путь оказался заброшенным и потерял былое значение тяжелой, но безопасной дороги. Попытка найти юго-восточный путь в Индию через Аннам и Бирму потерпела неудачу, так как китайцам не удалось подавить сопротивление бирманцев. Только позднее благодаря развитию мореходства китайцы стали попадать в Индию, обходя Малакку³⁰³.

Посольства на запад отправлялись в течение 150 лет и порядком надоели западным владетелям. Прокорм многочисленных караванов стал тяжелой повинностью, но и китайским послам нередко отказывали в пище. Те же, «томимые голодом, иногда ожесточались до того, что дело доходило до взаимных сшибок»³⁰⁴, но разобщенность Западного края выручала китайцев.

²⁹⁴ Луций Анней Флор. История. М., 1792. Т. II. С. 34; Т. IV. С. 12.

²⁹⁵ Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953. С. 427.

²⁹⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 158.

²⁹⁷ Там же. С. 166

²⁹⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. Прим. к карте 1.

²⁹⁹ Там же (это общепринято, но неверно).

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ См.: Томсон Дж. О. История древней географии. С. 259, рис. 15.

³⁰² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 166.

³⁰³ Штейн В.М. Из истории сношений между Китаем и Индией // Советское востоковедение. 1957. № 6. С. 65–73.

³⁰⁴ Там же. С. 159.

Западный край

Дипломатические путешествия, обогатив китайскую науку, дали возможность китайским ученым составить исторические карты Западного края. Они изданы в виде приложения к указателю третьего тома второго издания «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н.Я. Бичурина, но интерпретация этих карт А.Н. Бернштамом неудовлетворительна. Каждая из карт состоит из двух половин: восточной – от реки Эдзин-Гол и озера Кукунор (меридиан 100) до середины Тяньшаня и до Тарбагатай (меридиан 84) – и западной – от 84 до 68 меридиана (долгота Ташкента). На карте нанесены горы (рисунком) и реки (двойной линией), причем довольно точно. Допущена только курьезная ошибка в масштабе: юго-восточный угол нанесен крупно, а по мере удаления масштаб мельчится. Это ошибка перспективы, предметы вдаль кажутся меньше близких. В юго-восточном углу изображена часть среднего течения Эдзин-Гола и слияние рек Сулэхэ и Данхэ, впадающих в озеро Харанур. На юге протянута цепь гор – Наньшань и Алтынтаг; на севере соединены Бэйшань и Тяньшань, который назван также Циляншань. Нанесены оба больших озера Лобнор и Баграцкуль и впадающие в них Тарим и Кончедарья. Любопытно, что реки, ныне пересыхающие, показаны полноводными.

Действительно, в древности, когда климат Центральной Азии был более влажным, эта область могла прокормить большое количество населения. Реки аридной зоны, имеющие постоянный характер, не доставляли неприятностей обитателям их берегов. Кроме того, в предгорьях Алашаня и Наньшаня было много озер, хотя отчасти и зараставших камышом, но служивших прекрасными местами водопоя для скота. Озера эти питались горными ручьями и речками, такими, например, как Эдзин-Гол, Сулэхэ и Данхэ. Здесь развивались скотоводство, облавная охота; эти занятия были не очень трудоемки и обеспечивали людей достаточным количеством мясной пищи.

Большую часть Западного края (Сиюй) занимала пустыня Такла-Макан, деля ее пополам: с севера и с юга ее окаймляли цепочки зеленых оазисов, питавшихся водой, сбегавшей с горных цепей. Крупнейшие из этих оазисов: Хотан, Таш-Курган и Яркенд – на юге и Хами, Турфан, Харашар, Куча, Курля, Аксу и Кашгар – на севере. На западе от Яркенда был перевал, который вел в Среднюю Азию, в благословенную Ферганскую долину; от Таш-Кургана высокий горный перевал вел в Ваханскую долину и в Афганистан, но этот путь был чрезвычайно труден, дорога шла по горным тропинкам и висячим мостам над пропастями, и поэтому ею редко пользовались. Самый удобный путь на запад проходил через Джунгарские ворота, по северной стороне Тяньшаня. Это была та дверь, через которую Срединная Азия общалась с Казахстаном и Средней Азией, т.е. с западным миром.

После того как влажность в Центральной Азии упала на 100–150 мм, многие степные озера высохли, а ручьи ушли в недра земли под раскаленный щебень и песок пустыни Такла-Макан. Оскудела растительность Алашаньской степи, разбежались уцелевшие звери, и человек уже не мог там жить. Горячие вихри занесли песком руины крепостей и храмов, и теперь некоторые ученые даже не хотят верить, что здесь были цветущие места, где ключом была жизнь.

И ныне песчаная пустыня Такла-Макан – одна из самых страшных в мире. Раскаленные солнцем пески совершенно лишены растительности. Бури поднимают в воздух тучи песка и переносят его на огромные расстояния, резко меняя рельеф местности.

Одной из загадок этой удивительной страны является знаменитая Люкчунская впадина, лежащая ниже уровня моря, в которой расположен Турфанский оазис. Эта впадина открыта одновременно двумя экспедициями – М.В. Певцова и братьев Грумм-Гржимайло. Один из них так описывал ее: «Нет другого более знойного уголка в Центральной Азии, чем

Турфанская область; зависит же это от орографических особенностей этой страны. В Тяньшанье господствуют два ветра: северо-западный, дующий преимущественно зимой и летом, и северо-восточный – осенью и зимой. От первого Турфан защищен снеговым массивом Богдо-ола, второй перекачивается свободно через пониженную часть Тяньшаня. Оттого климат Турфана очень сух и зимой сравнительно очень суров, а летом очень зноен. Крайности континентального климата здесь увеличиваются. Солнечные лучи всей своей силой накаляют горы Туз и Куш-тау и, отражаясь, значительно возвышают летнюю температуру, которая и без того высока благодаря вечно безоблачному небу, чрезвычайной сухости воздуха и отрицательной высоте места»³⁰⁵. Разность давления июля и января здесь равна 30 мм, т.е. наибольшая для всего земного шара, а средняя температура июля очень близка к температуре Сахары. Воды также мало: на всю котловину четыре убогих ручья.

Казалось бы, в этой безотрадной долине не могла развиваться никакая культура. Однако именно здесь существовала цитадель особого восточного варианта среднеазиатской культуры. Г.Е. Грумм-Гржимайло доказал, что первые известные обитатели Турфанской котловины были восточные иранцы³⁰⁶, вернее согдийцы, знавшие систему кяризного орошения и умевшие оживлять пустыню. До Турфана китайцы смогли добраться лишь во II веке до н.э. и обнаружили там немногочисленный, но самостоятельный народ, который называли чеши. Чеши и их потомкам принадлежит слава создания городов и храмов, которые ныне пленяют археологов. Однако чеши вряд ли обосновались бы в Турфанском оазисе, если бы там был современный климат. О его значительной влажности в прошлом говорит наличие большой высохшей реки и многих также высохших ручьев. Высохли они уже в историческое время, так как на берегу сухого русла стоят развалины буддийского монастыря³⁰⁷. Кроме того, Г.Е. Грумм-Гржимайло нашел к югу от дороги между Хами и Пичаном ряд тростниковых займищ, по-видимому, связанных между собой³⁰⁸. Приходится признать, что в условиях континентальной Азии климат играл роль гораздо более активную, нежели в прибрежной Европе.

Оседлые земледельцы устраивали свои поселения в небольших оазисах, например, Заднее Чеши у склона Тяньшаня, Пулэй у озера Баркуль и т.д. Дикими и ненаселенными оставались сыпучие пески в Восточной Джунгарии.

Джунгарию и Семиречье китайские географы знали. На уже упомянутой китайской карте Сиюй (Западный край) изображен относительно точно. На север от Тяньшаня, в Джунгарии, показаны реки Манас и Урунгу, но монгольского Алтая нет. На своем месте озеро Баркуль. На левой половине карты отмечены довольно точно притоки Тарима: Хотандарья, Яркенддарья, Кашгардарья и др. Показано скопление гор на месте Памира и там же истоки большой реки, очевидно, Пянджа, но продолжения его нет. К югу от Памира изображен, по-видимому, исток Инда, но весьма неточно. Западный Тибет не был изведен китайцами. Хребет Цунлин отмечен дважды. Он тянется в широтном направлении и по расположению соответствует Алаю. Хотя Ферганская долина (Давань) отмечена, но Сырдарья почему-то нет. Чу показана вытекающей из озера Иссык-Куль. Ныне эта река теряется в песках, а на карте в этом месте помечено большое озеро. Река Или совершенно правильно показана впадающей в Балхаш. Этими пределами ограничивались сведения китайского картографа.

Что знали об этом крае западные географы? В «Географии» Птолемея содержатся сведения о «Скифии Заимайской», «Серике» и «Земле Саков», касающиеся тех самых территорий, которые описаны китайцами под названием Сиюй³⁰⁹. Подобно китайскому картографу,

³⁰⁵ Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. М., 1948. С. 208.

³⁰⁶ Там же. С. 212.

³⁰⁷ Там же. С. 218.

³⁰⁸ Там же. С. 219.

³⁰⁹ Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. С. 57–78 (Приложена карта Птолемея).

Птолемей допустил одну ошибку: он считал, что Яксарт (Сырдарья) вытекает с Памира (Комедских гор), и поэтому загнул истоки Яксарта к югу, а Памир передвинул на запад, вследствие чего у него получился разрыв между Памиром и Имайскими горами, отделяющими восточную половину Средней Азии от западной³¹⁰. Только эта ошибка отличает его карту от современных. Названия географические и этнографические у греков и китайцев звучат по-разному, но поддаются отождествлению. В.В. Григорьев удачно сопоставил названия: Хата и Хотан, Сага и Согюй (Яркент), Хаса и Кашгар (хотя в китайской географии это название появляется только в VII веке н.э.), область Ауксайская и Аксу (китайское Выньсу). Опираясь на эти отождествления, В.В. Григорьев установил, что Исседон Серский соответствует городу Юйтянь, т.е. Хотану, Исседон Скифский – Куче, а Дмана – Карашару. Ему же принадлежит приоритет в сопоставлении фрунов Страбона и Дионисия Периегета и фруров Плиния с тибетцами-кянами, а ифагуров – с тохарами³¹¹. По-видимому, совершенно правильно отождествление народа *конеедов*, помещенного Птолемеем к северу от Ауксайских гор (Тяньшаня), с усунями.

Совокупность сведений восточных и западных авторов позволяет нам восстановить этнографическую и политическую карту бассейна Тарима с достаточной для историка точностью³¹². Край был населен очень редко. Оазисы, отделенные друг от друга пустынями, жили обособленной жизнью. До тех пор, пока китайцы не проложили Великий караванный путь, в Западном крае общение было затруднено. Это усугублялось еще этническим многообразием: кочевые племена были тибетского происхождения, полукочевые – жунского, оседлые земледельцы – тохары – говорили на индоевропейском языке, сходном с фракийско-фригийским и армянским, но на двух весьма несходных диалектах – северном в Турфане и южном в Куче и Карашаре. Тохарские тексты писались индийским алфавитом – брахми. В Хотане и прилегающих к нему с востока предгорьях Алтынтага говорили на архаическом восточноиранском языке, близком к сакскому³¹³. Китайцы считали, что хотанцы похожи на них³¹⁴, а тохаров относили к иному физическому типу, т.е. к европеоидам³¹⁵. Такое этническое, языковое и культурное разнообразие мешало объединению страны, делало ее легкой добычей как для кочевой державы хуннов, так и для растущей китайской империи. Это учел и использовал император У-ди.

У-ди и его задачи

Глубокий перелом, который произошел при У-ди во внешней и внутренней политике Китая, был подготовлен всей историей предыдущих лет и определил катастрофу, наступившую через столетие. Он коснулся всех сторон жизни, но отчетливее всего дал себя знать в области идеологии и внешней политики.

Мы уже видели, что реакция против централизаторской политики Цинь Ши-хуанди помогла династии Хань захватить престол. Ее первые представители осуществили чаяния своих сторонников. В качестве официальной идеологии была принята так называемая философская система Хуан-Лао – органическое сочетание воззрений, приписанных Хуан-ди – легендарному правителю древнейшего Китая, и великого Лао-цзы³¹⁶. Идеал этой системы

³¹⁰ Там же. С. 61–63.

³¹¹ Там же. С. 70–72.

³¹² Там же. С. 40–41.

³¹³ Grousset R. Histoire universelle. T. I. P., 1956. P. 212–215 (Приведена библиография).

³¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 246.

³¹⁵ Вишневский Б.Н. К антропологии древнего населения Восточного Туркестана // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 99.

³¹⁶ См.: Конрад Н.И. Начало китайского гуманизма // Советское востоковедение. 1957. № 3. С. 74, 79.

был чисто эвдемонический – счастье человека, но оно мыслилось как приближение к покою, самодовольству и самоусовершенствованию. Во внешней политике это означало отказ от наступательных войн, во внутренней – сокращение числа законов, уменьшение налогов и терпимость к инакомыслию. Наиболее почетным членом общества, согласно Хуан-Лао, считался крестьянин. Именно его интересы предполагалось охранять, но, разумеется, императорская фамилия не забывала и себя. В соответствии с этими установками император Вэнь-ди (179–156 гг.) отменил привилегии ванов – феодальной аристократии, и власть была сосредоточена в руках государственных чиновников.

Но именно эта группа населения была враждебна духу Хуан-Лао. В самом деле, при свободе и экономической независимости населения чиновнику негде было развернуться. Все успешно развивалось: сельское хозяйство и ремесло, искусство и наука³¹⁷, религия и магия, и все уходило из-под государственного контроля. Правительство знало, что в стране таятся колоссальные силы, но не могло мобилизовать их на решение государственных задач. А задачи возникали, и рост национального богатства увеличивал необходимость поисков решений. Легкие победы на юге, востоке и западе открыли У-ди и его окружение. В то самое время, когда на Западе Сципион и Марий железной рукой построили «рах Romana», на Востоке совершенно самостоятельно возникла идея установить «рах Sinica». Тут система Хуан-Лао оказалась не только негодной, но прямо вредной.

Как только ощутилась необходимость в мобилизации ресурсов, была отброшена традиция Лао-цзы, который считал финансовую деятельность правительства общественным злом:

«Народ голодает оттого, что слишком велики поборы и налоги»³¹⁸. Китайское правительство обратилось к системе Кун-цзы. Дело в том, что кадры чиновников вербовались из людей образованных, а китайская интеллигенция издавна была в орбите конфуцианских идей. К тому же учение о священном долге служения государству как нельзя более отвечало настроениям правительства. У-ди запретил все философские системы, кроме конфуцианства, и одновременно начал борьбу против старых религиозных традиций. Он увеличил налоги – на полученные доходы содержалась большая армия, умножил число законов. Жизнь населения ухудшалась. Возросло количество преступников, которых под названием «молодые негодяи» отправляли служить в армию.

Вместо астрологии начала развиваться история. Проводились поиски старых книг, комплектовались библиотеки, для них составлялись обширные каталоги, началось критическое изучение и сличение текстов. История – краеугольный камень конфуцианства, ибо она воспитывает национальную гордость и патриотизм. Начали поговаривать о возвращении к системе колодезных полей и налоге на богатых, но это У-ди не решился осуществить. Еще резче был поворот во внешней политике и военном искусстве, но об этом ниже.

У-ди имел сторонников в лице легистов, которые указом 141 г. до н.э. лишены были права служить на государственной службе³¹⁹, однако сумели перестроиться и найти для себя применение. «На грани II и I веков до н.э. у власти стоял Сан Хун-ян со своими приспешниками. Это был легист новой формации»³²⁰. Его клика по-своему использовала древний экономический трактат «Гуань-цзы», в котором предлагалось уничтожить все налоги на население, заменив их правительственной монополией на соль и железо. Сан Хун-ян и его сторонники в целях обогащения казны сохранили всю систему обложения, добавив к ней доходы от соли и железа³²¹. Это вызвало оппозицию со стороны ортодоксальных конфуциан-

³¹⁷ Особенно преуспевали астрология, астрономия и медицина (был открыт способ борьбы с тифом).

³¹⁸ Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950. С. 72.

³¹⁹ Fung Yu-lan. A short history of Chinese philosophy. New York, 1948. P. 213

³²⁰ Штейн В.М. Политико-экономический трактат древнего Китая «Гуань-цзы» // ВДИ. 1957. № 1. С. 52.

³²¹ Там же. С. 61

цев, уже после смерти У-ди нашедшую отражение в диспуте «Об управлении соли и железа». Диспут состоялся в 81 г. до н.э., после того как неумеренная погоня за прибылями привела к тяжелому экономическому кризису.

Победа над хуннами сулила Китаю значительное политическое и экономическое усиление³²², и деньги для этого изыскивались всеми способами.

Существует мнение, что внешняя политика У-ди «отвечала интересам рабовладельцев и развившегося товарного производства»³²³. Китайские ученые Го Мо-жо и Фань Вэнь-лань отрицают наличие рабовладельческого строя в ханьское время, но признают, что рабов в Китае было много – как казенных, так и частных. Использовались они главным образом как прислуга. Раб стоил больше, чем вол, но дешевле коня³²⁴. Го Мо-жо указывает, что ряды рабов пополняло разоренное крестьянство, продававшее своих детей купцам, ростовщикам и крупным землевладельцам³²⁵. Конечно, наряду с китайцами рабами становились военнопленные, например хунны, однако реляции о военных успехах не говорят о значительных захватах людей. В самом деле, насколько легко было отбить стадо тихоходных баранов, настолько трудно было захватить верховых пастухов. Го Мо-жо отмечает, что захват хуннов в плен расценивался как заслуга, за которую прощалось преступление, влекшее смертную казнь³²⁶.

Признавая войны императора У-ди наступательными, мы считаем, что они возникли в результате усложнения политической ситуации, определявшейся бурным развитием экономических возможностей Китая. Если бы накопленные в Китае силы не были направлены вовне, то они могли бы проявиться стихийно внутри страны. Почва для сепаратизма в стране с натуральным хозяйством есть всегда. Разнообразие философских систем, т.е. мировоззрений, усиливало рознь, и честолюбцы не могли использовать ситуацию в своих целях. Если бы У-ди не затеял внешние войны, в Китае могли возникнуть внутренние; если бы «молодые негодяи» не отправлялись в далекие походы, они совершали бы преступления у себя дома. Путь завоеваний был подсказан той самой логикой событий, которая раньше обеспечила победу миролюбивой идеологии Хуан-Лао. И надо признать, что У-ди не заблуждался, считая свои силы огромными. Но правильно ли он оценил своего противника, покажет дальнейшее изложение событий.

³²² В оценке действий У-ди современные китайские историки придерживаются разных точек зрения. Так, Цзи Юн считает все войны, ведшиеся против хуннов, оборонительными (Реферативный сборник. 1956. № 15), а Дэн Чжи-чэн полагает, что У-ди начал серию наступательных войн [История Китая на протяжении двух тысяч лет. Шанхай, 1954 (см.: Реферативный сборник. 1956. № 13. С. 146)].

³²³ Симоновская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф. Очерки истории Китая. М., 1956. С. 28.

³²⁴ Го Можо. Эпохи рабовладельческого строя. М., 1956.

³²⁵ Там же. С. 91.

³²⁶ Там же. С. 86.

VIII. «Небесные кони»

Китайское продвижение на запад

Несмотря на успехи, достигнутые на юге (Индокитай) и на востоке (Корея), У-ди должен был признать, что главнейшая проблема – хуннская – отнюдь не разрешена. Колоссальным напряжением сил была создана полевая армия; она одерживала победы, захватывала пленных, покоряла земли, но хуннская держава была по-прежнему неуязвима и в любой момент могла перейти в контрнаступление. Причин к этому было несколько, и одна из них лежала в военной технике Китая. Для полевой войны У-ди создал большое конное войско, но китайская лошадь, малорослая, слабосильная, тихоходная и маловыносливая, не могла равняться с крепкой неприхотливой хуннской лошадей.

Военная тактика в I веке до н.э. переживала настоящую революцию. На западе парфяне и сарматы ввели в употребление тяжелую кавалерию. Тело всадника и коня покрывал чешуйчатый панцирь, голову защищал высокий остроконечный шлем. Всадник получал на вооружение длинную тяжелую пику и двуручный меч. Воины, вооруженные таким образом, строились в линию и сметали толпы легковооруженных противников. Так, сарматы легко расправились со скифами в черноморских степях, а парфяне остановили продвижение римских легионов, отбросив их от Тигра к Евфрату. Но для того, чтобы иметь такое войско, нужно было приобрести соответствующих лошадей.

Чжан Цянь рассказал императору У-ди, что в стране Давань (Фергана) есть «добрые лошади (аргамаки), которые происходят от небесных лошадей и имеют кровавый пот». Происхождение их описывается следующим образом: «В даваньском владении находятся высокие горы. На этих горах водятся лошади, которых невозможно достать: почему выбирают пятишерстных, т.е. пестрых, кобылиц и пускают при подошве гор – для случки с горными жеребцами. От сих кобылиц рождаются жеребята с кровавым потом, и по сему называются жеребятами породы небесных лошадей»³²⁷. У-ди решил во что бы то ни стало добыть из Давани жеребцов-производителей и развести в Китае «небесных лошадей».

Но даваньцы сами весьма ценили аргамаков и отнюдь не стремились снабжать ими Китай, которого они не без основания опасались. Повышенный интерес Китая к западным странам показался там весьма подозрительным. Сначала китайские посольства комплектовались почтенными чиновниками, а потом в них стали набирать людей «без разбора состояний», что вело к расхищению подарочных вещей³²⁸. Местные жители принимали их недружелюбно³²⁹. Летучие отряды хуннов то и дело нападали на посольства. Престиж Китая, столь необходимый ему, падал.

Чжан Цянь представил императору остроумный план борьбы с хуннами: он предложил привлечь на сторону Китая усуней, опираясь на них, «склонить в подданство Дахя (Бактрию) и другие владения на западе» и этим отсечь «правую руку у хуннов»³³⁰. Но усунь по образу жизни определенно тяготели к Хунну, а согдийские владельцы несравненно приветливее принимали хуннских послов, нежели китайских. Для того чтобы подействовать на

---

³²⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 149.

³²⁸ Там же. С. 158.

³²⁹ Там же. С. 159.

³³⁰ Там же. С. 156.

них, Китаю необходимо было продемонстрировать военную мощь, а для этого нужно было добыть в Давани «небесных коней». Создавался порочный круг.

В 105 г. китайский посол Че Лин пытался приобрести за золото и серебро несколько жеребцов, но получил категорический отказ. В досаде он обругал даваньских старейшин, «толкнул золотого коня» и ушел. Оскорбленные даваньцы напали на его караван, вырезали посольство и овладели товарами. Тогда У-ди перешел к решительным действиям.

После ухода Хуньше-князя степи между Ордосом и Лобнором оставались пустыми. Хотя верховная власть здесь принадлежала китайцам, они не имели средств для ее поддержания и обуздания хозяйничавших там тангутов. Базой последних было небольшое полузависимое (от Хунну) княжество Шаньшань, расположенное неподалеку от юго-восточного берега озера Лобнор. Шаньшань было владение маленькое, всего 14 100 душ, из них 2912 человек строевого войска, но жители его считали грабеж караванов нормальным источником дохода. Китайский посол Ван Кай был ограблен шаньшаньцами, и это побудило У-ди принять меры против них. В 108 г. полководец По-ну с конницей из зависимых владений пошел против княжества Гуши (Чеши). По дороге с отрядом из 700 легковооруженных всадников он завернул в Шаньшань и захватил его владетеля. В Китае владетелю сделали выговор и отпустили, с тем чтобы он отдал сына в заложники и заплатил дань. Хунны, узнав об этом, поставили в Шаньшани гарнизон и взяли в заложники другого сына владетеля. У-ди вызвал к себе для объяснений злосчастного владетеля, а тот сказал: «Небольшое государство, находящееся между двумя сильными державами, если не будет подчиняться обоим, не сможет наслаждаться спокойствием». У-ди посмеялся и отпустил его, не сочтя Шаньшань достойным завоевания.

Княжество Гуши, расположенное в плодородной долине, было связано с Хунну тесными экономическими узами. Хунны отсюда черпали необходимые им предметы ремесла и продукты земледелия и рассматривали Гуши как свой опорный пункт в Синьцзяне. После разгрома Гуши военачальником По-ну оно сменило название на Чеши; это, видимо, означало смену династии. Однако удерживать завоеванные земли китайцы не могли. Цель у них была одна: поднять свой престиж, нагнать страх на Усунь и Давань³³¹. После военных мероприятий У-ди перешел к дипломатическим: старый опытный Чжан Цянь был направлен послом в Усунь. Он предложил престарелому гуньмо (титул усуньского правителя) взять в жены китайскую царевну и переселиться в очищенные от хуннов земли на правах китайского вассала. Гуньмо царевну принять согласился, но от переселения с цветущего Тяньшаня в голую Алашаньскую степь категорически отказался. Во время пребывания в Усуни Чжан Цянь увидел, что среди усуньской знати нет ни дисциплины, ни единомыслия. Средний сын гуньмо, Далу, ненавидел наследника престола, своего племянника, и дряхлый гуньмо выделил им обоим по 10 000 конницы в удел. Это вызвало в стране беспорядки, но пока старый гуньмо был жив, они не перерастали во внутренние войны.

Усунь была стратегически необходима и для китайцев, и для хуннов. В 107 г. специальное посольство привезло китайскую княжну (которой был пожалован титул царевны) с колесницами, туалетами, евнухами, чиновниками и служанками. Одновременно прибыла дочь хуннского шаньюя с юртами, баранами, свитой и подружками. Гуньмо взвесил все и принял хуннскую царевну старшей, а китайскую – младшей женой. Китайка видела своего мужа раз в три месяца; гуньмо пировал у нее, принимал подарки и больше не интересовался ею. Наконец он выдал ее замуж за своего внука. Бедняжка возмутилась, но из Китая пришел приказ поступать по обычаям страны. Родив новому супругу дочь, китайская царевна умерла от тоски по родине. Но и после ее смерти продолжала существовать образовавшаяся прокитайская группировка, которая поддерживала планы У-ди на западе. Как база для задуманного.

³³¹ Там же. С. 159.

манного предприятия была построена крепость Юймынгуань (на западном конце Великой стены).

Ушилу-шаньюй

Вступивший на престол в 105 г. шаньюй Ушилу «был молод и склонен к буйству и войне»³³². У-ди прислал к нему посольство для утешения после смерти отца и одновременно послал другое посольство к западному чжуки-князю, «предполагая сим поселить несогласие» среди хуннских князей. Но второе посольство также было доставлено к новому шаньюю, интрига раскрылась, и разгневанный шаньюй задержал послов. Это был повод к возобновлению военных действий, однако китайцы были заняты на западе, а силы хуннов подкосила многоснежная зима, вызвавшая падеж коней. Этой задержкой воспользовались некоторые хуннские вельможи, сторонники соглашения с Китаем. Вот когда начали сказываться последствия увлечения китайской роскошью, дележа награбленных товаров и привычки к винам, лакомствам и пряностям.

Во главе прокитайской партии стал восточный великий дуюй. Он отправил в Китай лазутчика и сообщил, что хочет убить шаньюя и перейти на сторону Китая, но приступит к исполнению этого плана не раньше чем ему пришлют войско для поддержки.

У-ди ухватился за это предложение, и немедленно в степи была поставлена крепость Шеусянчен – база для предполагаемого похода. Весной 103 г. полководец По-ну с 20-тысячным войском выступил из Ордоса и в обусловленный срок пришел к горам Сюньги (в Бэйшане) для встречи с великим восточным дуюем, но было уже поздно: заговор был раскрыт, и дуюй казнен. Хунны окружили китайский корпус. В поисках воды По-ну ночью выехал из лагеря и был схвачен хуннским разъездом. Вслед за тем хунны напали на деморализованное потерей вождя китайское войско и принудили его к сдаче. Ушилу немедленно перешел в контрнаступление. Часть его армии осадила Шеусянчен, но хунны не умели брать крепости и быстро сняли осаду; другая часть совершила набег на пограничные районы Китая и, ограбив их, беспрепятственно ушла. Казалось, возвращались времена Модэ и Лаошаня. Ушилу начал приготовления к осаде и ликвидации крепости Шеусянчен, но внезапно заболел и умер, оставив младенца-сына. Тогда «хунны шаньюем поставили Гюйлиху», дядю Ушилу-шаньюя³³³, который был так же враждебен Китаю, как и его племянник.

Первый поход в Давань

У-ди был человеком упорным, и возросшая активность хуннов не отвлекала его от решения западной, согдийской, проблемы. Убийство посла нельзя было оставить без внимания, лошадей добыть было также необходимо. Военные возможности Согдианы расценивались китайцами весьма низко. Один из бывших там посланников в докладе императору заявил, что «если послать 3000 китайских войск, вооруженных тугими самострелами, то они завоюют всю Давань»³³⁴.

Уверенность в слабости противника была причиной того, что подготовка к экспедиции велась с изумительным легкомыслием. Начальником был назначен Ли Гуан-ли, родственник фаворитки императора. Войско состояло из иноплеменной пограничной конницы (6 тысяч) и нескольких десятков тысяч китайских «молодых негодяев». Часть войска, укомплектованная этими преступниками, была вовсе не обучена и не подготовлена к походу. О снабжении сол-

---

³³² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 71.

³³³ Там же.

³³⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 162.

дат тоже не позаботились, полагая, что «молодые негодяи» сумеют сами себя прокормить. Целью похода было достижение города Эрши (Ура-Тюбе) в Ферганской долине и добыча там аргамаков. Неудачи начались еще до выступления за границу. Весной 104 г. налетела саранча, которая уничтожила всю траву от Шаньси до Дуньхуана. Надежда на подножный корм не оправдалась, и кони отощали в самом начале похода.

Когда китайская армия вступила в пределы области свободных городов, то все они заперли ворота и отказались отдать свои запасы хлеба и винограда на пропитание «молодых негодяев». Томимые голодом китайцы начали осаждать один город за другим, но для того чтобы захватить амбары, они должны были сломить отчаянное сопротивление жителей. Жители еще не взятых городов, узнав о приближении врага, бежали в горы, оставляя в добычу китайцам пустые глиняные мазанки. Недоедание и утомление уменьшили численность китайской армии, и когда Ли Гуан-ли подошел к городу Ю (Узген), в котором был убит посол, у него оставались лишь несколько тысяч боеспособных солдат. Ю взяли приступом и вырезали большую часть населения, но о дальнейшем продвижении не приходилось и думать. Обратный путь был не менее тяжелым, и на родину, в Дуньхуан, вернулась лишь пятая часть людей, еле живых от голода и усталости. Поход продолжался два года (104–103 гг. до н.э.).

Второй поход в Давань

У-ди был крайне разгневан неудачей западного похода. Он объявил, что каждый воин, осмелившийся вернуться в Юймынь (т.е. в пределы Китая), будет обезглавлен. В совете министров предлагали бросить даваньскую затею, а все силы двинуть против хуннов, но У-ди, опять-таки из соображений престижа, приказал готовить новый поход.

Для начала он простил вернувшихся воинов, ждавших под стенами крепости дальнейших приказов, и предал суду советников, рекомендовавших воздержаться от похода. Затем в Дуньхуан была направлена пограничная конница и пополнение из «молодых негодяев». Через год на запад выступила 60-тысячная армия, в изобилии снабженная оружием и продовольствием. Запасы армии везли на 100 тысячах быков, 30 тысячах лошадей и 10 тысячах ослов³³⁵. В армию также были взяты мастера для осадных работ и коневоды для отбора жеребцов. Для предохранения армии от фланговых ударов хуннов были специально построены и снабжены гарнизонами две крепости, прикрывавшие степь между Ордосом и Лобнором. 180-тысячная армия вела действия против хуннов и парализовала их.

Гюйлиху-шаньюй, конечно, узнал о попытке китайского императора проникнуть в Согдиану, находившуюся до сих пор в сфере хуннского влияния. Он не мог с этим примириться и стремился помешать вторичному западному походу³³⁶. У-ди, со своей стороны, предугадал планы врага и заблаговременно к ним подготовился. По предписанию китайского двора была выдвинута в степь укрепленная линия протяженностью в тысячу ли (около 500 км). Она состояла из земляного вала с крепостями и караульными помещениями, при которых находились башни (в форме усеченной пирамиды) для сигнальных огней.

Это не помешало хуннам осенью 101 г. ворваться в Китай, произвести грабежи и убийства, угнать несколько тысяч пленных и на обратном пути разорить все крепости и притины (сторожевые вышки), построенные китайцами. Опять огромные затраты китайской империи пошли на ветер, но все-таки уничтожение ее линии укреплений отвлекло хуннов от прямого вмешательства в западный поход. Зимой они опять пробовали осаждать Шеусянчен. В это время Гюйлиху-шаньюй заболел и умер. Военная партия хуннов лишилась своего главы.

³³⁵ Там же. С. 164.

³³⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 72.

Осада Гуйшана

Даваньский владетель Мугуа и его приближенные также недооценили силу и энергию Китая. «Китай удален от нас, – говорили они, – на севере угрожают им набеги хуннов, на юге недостаток в траве и воде, сверх сего, по малонаселенности около дороги, части нуждаются в съестных припасах. Китайский посланник имеет при себе свиту из нескольких сот человек и всегда терпит недостаток в пище, так что более половины людей погибает от голода. Каким же образом большое войско может дойти сюда?»³³⁷ Ли Гуан-ли учел опыт предыдущего похода и направил свое войско двумя дорогами: северной и южной. Южная дорога шла от озера Лобнор на Хотан, Яркенд и оттуда на Фергану. Путь этот был тяжек: по левую сторону высились зубцы Алтынтага, по правую – расстилались пески пустыни Такла-Макан. Поселений по пути было мало, мало было и травы, но эта дорога была безопасна, хунны не могли добраться до нее. Северный путь шел от Хами через Карашар и Кучу на Кашгар вдоль южных склонов Тяньшаня. Здесь оазисы были богаче и многолюднее, но надо было все время опасаться нападения хуннов.

Размах предприятия так поразил воображение владетелей княжеств, расположенных на пути армий, что они предпочли собрать для китайцев провиант, не вступая в конфликт. Только город Луньту (Бугур, в 680 ли к западу от Карашара) запрямился. Он был взят приступом, и все жители убиты.

После этого китайцы спокойно добрались до Давани. Даваньцы выступили им навстречу, но были разбиты и укрылись за стенами своей столицы, которую китайцы называли Гуйшан³³⁸ (Кушан). Ли Гуан-ли немедленно приступил к осаде. Китайские инженеры отвели воду, и согдийцы стали страдать от жажды. После сорокадневной осады китайцы проломили внешнюю стену и ворвались в город. Многие предводители даваньцев пали в битве или попали в плен; в числе их был сам Мугуа. Остальные заперлись в цитадели и вступили в переговоры с китайцами. Они предложили выдать аргамаков и снабдить войско съестными припасами, но с тем чтобы китайцы ушли. В противном случае они угрожали перебить аргамаков и биться насмерть, ожидая помощи из Кангюя.

Действительно, передовые разъезды кангюйцев уже начали появляться вокруг китайского лагеря, и затягивать дело было неблагоприятно. К тому же Ли Гуан-ли получил сведения, что в крепости есть инженеры из Дацинь (Рим и Греция), умеющие копать колодцы, и что там много съестных припасов. Взвесив все обстоятельства, китайцы приняли условия: взяли несколько десятков аргамаков и 300 кобыл, назначили даваньским правителем вельможу Моця и пошли в обратный путь.

Вторая колонна действовала менее успешно. Тысячник Ван Шэнь-шэн подошел к городу Ю, у которого с китайцами были старые счеты, и потребовал продовольствия. Жители города в сумерки напали на китайцев и уничтожили весь отряд. Только несколько человек спаслись и бежали к Ли Гуан-ли. Он немедленно направил туда карательный отряд, который взял Ю. Владетель убежал в Кангюй, но был выдан китайцам и убит. Кангюй стремился избежать конфликта. Престиж китайского оружия был восстановлен. Все мелкие владетели на пути следования китайской армии отправили заложников в Китай. Усуньский гуньмо выставил 2 тысячи всадников, но не решился на войну. В Китае праздновали победу, и десять посольств были разосланы для разглашения ее по всему свету. Ли Гуан-ли получил княжеское достоинство и титул «Эршикий полководец». Поход закончился в 101 г. до н.э. Любопытно отметить, что в 101 г. впервые столкнулись Эллада и Китай, ранее лишь слы-

---

³³⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 162.

³³⁸ Там же. С. 149.

шавшие друг о друге. Мы не знаем, кто были «дацинские» инженеры, копавшие колодцы в осажденном Гуйшане. Скорее всего это были всюду проникавшие греки, в лице которых китайцы натолкнулись на далекий западный мир.

Тяготы войны

Поход в Давань обошелся Китаю очень дорого. Из 60 тысяч человек, вышедших в поход в 102 г., вернулась в 101 г. 10 тысяч, а из 30 тысяч лошадей – всего тысяча. И это несмотря на то, что армия была полностью снабжена и в сражениях не было больших потерь. Предводители и чиновники не жалели воинов и в походе все отнимали у них, отчего много людей погибало³³⁹. Взятничество, поборы и притеснение народа бюрократией подрывали мощь Ханьской династии. Результаты похода оказались крайне скромными, несмотря на все усилия правительства раздуть их. Немедленно по уходе китайского войска из Давани ставленник Китая Моцай был убит «с общего согласия», и на его место был возведен брат погибшего Мугуа – Чань Фын. Китайцам пришлось согласиться с этим и признать нового владельца³⁴⁰. Напуганные походом Ли Гуан-ли, владельцы Западного края признавали власть Китая, и китайские военнопоселенцы и чиновники появились в Бугуре и Кюйли³⁴¹, но удержать северный путь китайцы не сумели: их немедленно вытеснили хунны. В руках Китая остался южный путь, который у него никто не оспаривал.

Новые приобретения имели только стратегическое значение, так как линия крепостей отрезала хуннов от кянов и малых юэчжей³⁴², но потери не оправдывали результатов³⁴³. Главным врагом Китая по-прежнему оставались хунны. Хотя полевая армия китайцев нанесла им много поражений и оттеснила их от границ страны, живая сила противника оставалась грозной, и смертельный поединок еще не окончился. Между тем в самом Китае было неблагополучно. Войны поглощали огромные средства, повинности и налоги возрастали. Все расходы правительства ложились на плечи крестьян. Крестьяне разорялись, что влекло за собой увеличение преступности. «К сему присоединились неурожайные годы, возникли разбои, и дороги сделались непроходимыми»³⁴⁴. Как уже отмечалось, пополнение в войска набиралось среди преступников, что понижало дисциплину армии, а следовательно, и ее боеспособность. Китайские политики впоследствии невысоко расценивали деятельность У-ди, отмечая, что, несмотря на все напряжение сил, империя не одержала окончательной победы и не прекратила бедствий войны³⁴⁵. А тем временем хунны копили силы и готовили ответный удар.

³³⁹ Там же. С. 167.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же. С. 171.

³⁴² Там же. С. 213.

³⁴³ Это отмечал много лет спустя Ли Бо. В стихотворении «Луна над горной заставой» он описал сложившееся положение так: «Здесь над Ханьской дорогою горы нависли в упор, Хунны здесь проходили к озерной воде Кукунон, И по этой дороге бойцы уходили в поход. Но домой не вернулись – как ныне никто не придет. Те, кто временно здесь, да и весь гарнизон городской — Все горюют о родине, глядя на север с тоской». (Антология китайской поэзии. М., 1957. С. 106. Перевод А.И. Гитовича).

³⁴⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 214.

³⁴⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

IX. Бой насмерть

Неудавшийся заговор

В то время когда У-ди тратил силы в борьбе на юге, востоке и западе, хуннские полководцы готовились к бою. Для них не было секретом, что главная цель китайского императора – сокращение их могущества. Талантливый и энергичный вождь хуннов Гюй-лиху-шаньюй неожиданно умер, и наследником престола опять оказался младенец, внук покойного. Но время требовало энергичного правителя, и хуннские старейшины вернулись к старой системе выборов. В 101 г. был избран один из низших принцев крови – младший брат великого восточного дуюя – Цзюйдихэу.

Став шаньюем, Цзюйдихэу сделал попытку договориться с У-ди. Он отпустил всех задержанных послов, пожелавших вернуться. Тогда У-ди послал посольство с богатыми дарами и предписанием принять шаньюя в подданство. Но когда китайское посольство появилось в ставке шаньюя, то весь церемониал приема показал, что о подданстве не могло быть и речи; шаньюй хотел паритетного договора «мира и родства». Переговоры были прерваны. В неудаче переговоров китайские послы обвинили Вэй Люя, фаворита и фактического главу правительства Цзюйдихэу-шаньюя. Вэй Люй был хунн, воспитанный в Китае. Однажды, когда он был отправлен в Хунну как член китайской дипломатической миссии, он поддался голосу крови и, порвав связи с Китаем, вернулся к своему народу. Так как он хорошо знал Китай и был значительно более образован, чем его сородичи, то быстро сделал блестящую карьеру и оставался до конца своих дней первым советником хуннских владык. Разумеется, он не был согласен на мир, предложенный Китаем, так как одним из условий этого мира была выдача перебежчиков.

Раздраженные провалом переговоров, члены китайского посольства попытались организовать заговор в среде хуннской знати. Целью было убийство Вэй Люя и похищение умной и энергичной жены шаньюя, чтобы тем самым заставить последнего принять китайские условия. Но заговор был раскрыт. Возмущенный шаньюй приказал казнить непосредственных участников, а прочим членам китайского посольства было предложено для сохранения жизни вступить в хуннское подданство, «добровольно» отрекшись от своей родины. От этого предложения отказался только один глава посольства Су У, вследствие чего он упоминается в позднейшей китайской литературе как образец верности и мужества. Однако хунны его не казнили, но отправили в далекую ссылку в Сибирь. Там он бедствовал 19 лет, пока не дал знать о себе в Китай, где его уже считали погибшим. По легенде, он написал письмо на крыльях перелетного гуся, которого в Китае подстрелил охотник, и, когда письмо было доставлено ко двору, император добился возвращения пленного посла.

Провал посольства привел в ярость У-ди, и снова вспыхнула война³⁴⁶.

Капитуляция Ли Лина

В 99 г. полководец Ли Гуан-ли выступил в поход с 30 тысячами конников. У восточных отрогов Тяньшаня, около озера Баркуль, он напал на ставку западного чжуки-князя и захватил множество пленных: стариков, женщин и детей. На обратном пути хунны окружили его войско, и ему пришлось, бросив добычу, пробиваться сквозь окружение. Во время отступления Ли Гуан-ли потерял 7 тысяч человек убитыми и едва спасся. Поход нельзя было счи-

---

³⁴⁶ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 154–155.

тать удачным. Другой полководец, вышедший в степь, вообще не нашел хуннских кочевий и вернулся ни с чем. Третий – Ли Лин – с 5 тысячами отборной пехоты дошел до гор Сюньги и попал в окружение. Сам шаньюй с 30 тысячами конных стрелков атаковал лагерь Ли Лина. В рукопашной схватке «молодые негодяи» одержали победу, хунны были отброшены, но шаньюй подтянул новые войска. Ли Лин начал отступление на юг. Китайцы шли по безводной степи; хуннские всадники настигали их; пернатые стрелы с пронзительным свистом мелькали на солнце и находили все новые и новые жертвы. Китайцы, подбирая хуннские стрелы, стреляли с колена, и часто хуннские кони с подстриженными гривами уносились в степь с опустевшим седлом. Бой шел несколько дней, но каждый шаг приближал китайцев к границе, сулившей им жизнь и свободу.

Шаньюй, видя стойкость китайцев, опасался, что они заманивают его в засаду, но когда один офицер из китайского арьергарда отстал, был схвачен хуннами и на допросе сообщил шаньюю, что отряд Ли Лина одинок, хунны усилили нападение. Китайцы издержали все стрелы, и Ли Лин, видя невозможность дальнейшего сопротивления, отдал последний приказ:

«Спасайся кто может», – а сам сдался хуннам или, может быть, был настигнут ими и обезоружен³⁴⁷.

Цзюйдихэу показал себя не только умным политиком и храбрым полководцем, но и благородным человеком. Он не убил Ли Лина, а женил его на своей дочери, дал ему в управление область и племя хагасов и наградил титулом западного чжуки-князя³⁴⁸. Ли Лин стал служить верой и правдой новому господину. На родине его ждала казнь, он был осужден заочно по китайскому закону, приравнивавшему сдачу в плен к измене. Потомки Ли Лина и хуннской царицы правили наследственно у хагасов. С этого времени среди хагасов появились черноволосые и черноглазые люди; хагасы считали их потомками Ли Лина. Дворец Ли Лина обнаружен нашими археологами в Минусинской области: это небольшое строение китайской архитектуры, дверные ручки изображают рогатых демонов и сделаны довольно искусно³⁴⁹.

Капитуляция произвела в Китае удручающее впечатление. Император распорядился произвести расследование и покарать виновника. Казалось бы, отвечать должен был главнокомандующий, т.е. Ли Гуан-ли Эршикий, но благодаря своим придворным связям последний отвел от себя опалу и к смерти приговорили мать Ли Лина³⁵⁰. За старушку вступился ученый Сыма Цянь, попытавшийся доказать невиновность ее сына и безвыходность его положения, но этим он бросил тень на Ли Гуан-ли, о чем и повествует он сам: «Просвещенный государь не понял меня, решив, что я желаю испортить карьеру полководцу Эрши и выступаю в роли наемного ходатая Ли Лина. И вот меня предали суду... Сочли, что я обманул царя»³⁵¹. Историка присудили к кастрации и тюремному заключению. Это случилось в январе 98 г.

Однако через два месяца Сыма Цянь был не только освобожден, но и назначен чжуншулином, т.е. правителем императорской канцелярии, с правом входить в любое время с докладом к императору. Это было огромное повышение. Надо полагать, что не только личные достоинства Сыма Цяня были причиной такого радикального изменения его судьбы. Очевидно, при дворе была группа, связанная с ним и враждебная фамилии Ли Гуан-ли. При

³⁴⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 111.

³⁴⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 73, 351.

³⁴⁹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 479.

³⁵⁰ Го Можо. Избранные сочинения. М., 1955.

³⁵¹ Цит. по: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 13.

любом дворе идет борьба клик за влияние, и вряд ли китайский двор представлял исключение. Помимо этих общих соображений, можно предположить следующее: среди придворных У-ди была заметна борьба идеологических течений – воинственных конфуцианцев и вдумчивых последователей Лао-цзы. Сыма Цянь был из числа последних. Он, принимая деятельное участие в литературной полемике с конфуцианцами, ядовито отмечал: «У конфуцианцев слишком обширная ученость, но недостаточное проникновение в сущность явления, и в результате нужно затратить много труда, чтобы понять их, но успех будет небольшой»³⁵². В противовес он выставлял принципы Лао-цзы и восхвалял их: «Дао мутнее мутного, темнее темного, но оно озаряет сиянием всю Поднебесную и во всех проявлениях не имеет названия»³⁵³ или: «У них (даосистов. – Л.Г.) нет рецептов на все случаи жизни. Они уславливаются действовать одним способом, а в ходе дела прибегают к другому. Вот поэтому они, не затрачивая больших усилий, добиваются огромных успехов»³⁵⁴. Действительно, друзья Сыма Цяня и противники Ли достигли огромной победы. Сыма Цянь сопровождал императора на гору Тайшань для принесения жертвы богам неба и духам земли. Под его наблюдением оказались доклады императору и указы. Конфуцианским сторонникам продолжения войны до победного конца была оставлена только военная подготовка к новому походу. Они вложили в это предприятие всю энергию, так как только победа могла закрепить за ними власть и влияние на императора, который страстно хотел реванша, а для Сыма Цяня и его сторонников означала бы опалу и ссылку.

Как увидим ниже, дорого заплатила фамилия Ли и весь Китай за жизнь старушки и оскорбление ученого.

Новшество в порядке престолонаследия хунну

В 97 г. Ли Гуан-ли Эршиский выступил из Ордоса и направился прямо на север, чтобы нанести удар по центру хуннских кочевий. Шаньюй успел отправить в тыл женщин и детей и подтянуть войска. В битве на берегах Селенги китайцы были остановлены. Жестокая битва не принесла победы ни той, ни другой стороне, но китайцы начали отступление. Хунны преследовали их до границ Китая и нанесли им такой урон, что пришлось после этого переформировать армию³⁵⁵.

Не будь у Ли Гуан-ли такой сильной поддержки при дворе, как его сестра, любимая наложница императора, вряд ли бы он решился снова искать реванша, но ему победа была дважды необходима, причем, думается, более страшным врагом для Ли Гуан-ли были соперники во дворце. Свои надежды он возложил на перевооруженную конницу. Он не стал спешить с новым походом, ожидая того времени, когда поколение «небесных коней» размножится и позволит ему разбить врага. Император принял его план, и война затихла, чтобы вспыхнуть с новой силой.

Тем временем не дремали и противники Ли: хунны собирали своих союзников, а враги конфуцианства укрепляли свое влияние. В этот мучительно напряженный момент умер Цзюй-дихэу-шаньюй. У него было два сына. Старший имел титул восточного чжуки-князя, т.е. был наследником престола, а младший числился левым полководцем, что было пятым чином иерархии. Чжуки по каким-то причинам не явился на похороны, и вдова шаньюя, считая его больным, возвела на престол младшего сына. Младший не осмелился властвовать не по праву и уступил престол законному наследнику, который вступил на престол под име-

³⁵² Там же. С. 37.

³⁵³ Там же. С. 40.

³⁵⁴ Там же. С. 36.

³⁵⁵ McGovern W. The early empires... P. 161.

нем Хулугу-шаньюя. Младший же брат был назначен наследником престола, т.е. восточным чжуки-князем. По-видимому, оба брата, как и их окружение, понимали нависшую над всем народом опасность и гибельность смуты во время войны.

Младший брат умер раньше старшего, и Хулугу, видимо, считая свой братский долг выполненным, дал племяннику титул жичжо-князя, т.е. последний чин иерархии, а наследником назначил своего сына³⁵⁶. Новая династия, очевидно, не считала для себя обязательным старый порядок родовых отношений и ввела завещание как новый способ передачи престола. В критический момент никто не стал спорить, но в дальнейшем это имело самые неожиданные последствия.

Яньжаньское побоище

Семь лет готовился У-ди к новой войне, семь лет изнемогала империя под тяжестью военных налогов. Наконец в 90 г. вновь сформированные войска выступили за границу. Главная армия вышла из Шофана (Ордос) и двинулась на север, чтобы ударить по центру хуннских кочевий. Она состояла из 70 тысяч конных ратников и находилась снова под командой Ли Гуан-ли Эршиского. Ее сопровождало 100 тысяч пехоты, но, по-видимому, в это число входили прислуга, обоз и охрана обоза, т.е. части малобоеспособные. Из Яймыня – крепости, расположенной на востоке Великой стены, – выступила армия в 30 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты. Из области Цзюцюань (степь между Ордосом и Лобнором) выступило 40 тысяч конного войска и двинулось к Тяньшаню. Это было генеральное наступление, которое должно было решить, на чьей стороне окажется победа. Хулугу-шаньюй получил от своей разведки сведения о готовящемся наступлении врага. Он отправил в тыл женщин и детей и вызвал с Саянских гор и из забайкальских степей вассальные племена для решительной схватки с исконным врагом.

К нему явились енисейские динлины – рыжебородые великаны в деревянных доспехах – с оружием «крайне острым»³⁵⁷. Ими командовал китайский перебежчик Вэй Люй, один из ближайших советников Цзюйдихэу-шаньюя. Ли Лин вел под развевающимися знаменами своих хагасов, татуированных с ног до головы³⁵⁸. Из суровых степей Забайкалья, с верховьев Шилки и Аргуни пришли косоплеты-тоба, у которых «оружие... острее, а кони быстрее, чем у хуннов»³⁵⁹, а со склонов Хингана – воинственные сяньбийцы с длинными роговыми луками³⁶⁰, искусные стрелки. На западе в защиту хуннов поднялось Чешу (Турфан), незадолго до этого защищенное хуннами от набега передавшихся Китаю шаньшаньцев. Теперь снова на Чешу ополчились китайские союзники из Западного края (Шаньшань, Халга-амань, Чагантунгье и др.). Восточная Азия разделилась на два лагеря, и только Усунь не приняла участия в борьбе, но лишь потому, что внутри самой Усуни китаефилы боролись с хуннофилами.

Несмотря на тотальную мобилизацию, хунны в числе уступали китайцам. На западе против 40 тысяч китайцев хуннские хучжи-князья и великий предводитель Янькюй выставили всего лишь 20 тысяч хуннов и 3750 пеших чешисцев. На востоке против 30 тысяч кон-

³⁵⁶ У Бичурина эти события изложены несколько иначе. Хулугу сразу отстраняет своего сына (Собрание сведений... Т. I. С. 74), а потом снова отстраняет его «по малолетству» (там же, с. 77), что является путаницей. Я даю ход событий по «Цзи-чжи тунцзян» (книга 8, цзюань 22); перевод этого неясного места выполнен В.А. Вельгусом, которому приношу благодарность.

³⁵⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 352.

³⁵⁸ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 136–142; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 351; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 354.

³⁵⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 157.

³⁶⁰ Там же. С. 149.

ников и 10 тысяч пехотинцев великий восточный предводитель имел всего 30 тысяч человек, включая вспомогательный отряд Ли Лина. Хуже всего было в центре, где против Ли Эршиского шаньюй смог выставить всего 50 тысяч хуннов и динлинов. Однако малочисленность искупалась высоким боевым духом кочевников, с которыми не могли равняться ни «молодые негодяи», находившиеся в строю, ни вельможные бюрократы, руководившие боями из шелковых шатров. Китайский полководец Ман Тун двинулся с запада в Джунгарию, но хуннское войско не приняло боя. Имея глубокие тылы, великий предводитель Янькюй увел туда войска, и китайский удар попал в пустоту. Тем временем шаньшаньцы и другие китайские союзники блокировали Чешу. Ман Тун вернулся назад и присоединился к осаждавшим Чешу союзникам. Чешу оказалось в безнадежном положении, поэтому владетель его пошел на капитуляцию и принял подданство Китая. На этом и закончились действия западной армии: полученный результат явно не соответствовал затратам.

Восточная армия углубилась в степь и горы, «никого не видя»³⁶¹. Припасы кончались, ратники измучились, и китайская армия пошла в обратный путь. Тут-то ее атаковали хунны и хагасы. Девять дней пробивались китайцы без отдыха и сна, теряя людей и обозы. Наконец у реки Пуну (?) была отбита последняя хуннская атака, и хунны оставили изможденное китайское войско, которое потянулось в Китай. Здесь не было даже признака успеха; к тому же эти фланговые операции не должны были и не могли решить судьбу всей кампании.

Навстречу главной армии шаньюй направил западного великого дуюя и Вэй Люя с динлинским отрядом, всего 5 тысяч человек. Китайские пограничные конники разбили динлинов, и китайская армия успешно преследовала противника до берегов Селенги. В это решающее время в армию пришло известие из Китая, что семейство Ли Гуан-ли Эршиского арестовано и предано суду за волхование. Ли Гуан-ли знал, что это значит. В его армии были не только солдаты, но и офицеры, пострадавшие от китайского суда. Один из них сказал полководцу, что если он теперь вернется в Китай, то больше никогда не увидит северных стран, т.е. если захочет передаться хуннам, то другой возможности не представится.

Полководец знал, что это правда, но на измену не пошел. Он решил заслугами купить милость двора и очертя голову двинулся вперед. У реки Чжигюй (Тола?) он встретился с 20-тысячной армией хуннов и, пользуясь численным перевесом, потеснил ее. Однако для всего командования было ясно, что это временный успех. Шаньюй подтянул свежее подкрепление, а китайское войско было изнурено. Некоторые члены военного совета, убедясь, что «главнокомандующий... желает выслужиться с видимой опасностью для войска»³⁶², хотели его арестовать. Эршиский, узнав об этом, обезглавил заговорщиков, однако все-таки начал отступление. Тем временем 50 тысяч хуннов под командой самого шаньюя окружили китайское войско у горы Яньжань, в Хангае³⁶³. В темноте ночи они выкопали перед фронтом китайской армии глубокий ров, а утром произвели нападение с тыла. Среди китайцев возникла паника, и первым сдался верховный вождь Ли Гуан-ли. С ним вместе погибла вся армия. От этого удара Китай долго не мог оправиться. Новое войско взять было неоткуда. Хунны рассчитались за все и снова стали гегемонами Восточной Азии.

Яньжаньское побоище настолько поразило умы китайцев, что даже много веков спустя величайший китайский поэт Ли Бо³⁶⁴ посвятил ему стихотворение, в котором он передает тревожное уныние, охватившее Китай в 90 г. до н.э. Это произведение интересно своим

³⁶¹ Там же. С. 75.

³⁶² Там же. С. 76.

³⁶³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 112.

³⁶⁴ Ли Бо – поэт эпохи Тан (701–762 гг.). На эту же тему имеется стихотворение Гао Ши «Яньский напев», но оно не дает ничего нового, повторяя официальную версию о первых удачах, тщеславии полководца и смертельной рукопашной схватке (см.: Антология китайской поэзии. 2. С. 121–123).

живым непосредственным отношением к событиям, что дополняет сухую фактографию официальной хроники. (Привожу его в переводе А. Ахматовой с одним исправлением.)

Луна над пограничными горами

Луна над Иньшанем³⁶⁵ восходит светла,
И бел облаков океан,
И ветер принесся за тысячу ли
Сюда от заставы Юймынь,
С тех пор как китайцы пошли на Бодын,
Враг рыщет у бухты Цинхай,
И с этого поля сраженья никто
Домой не вернулся живым.
И воины, мрачно глядя на рубеж,
Возврата на родину ждут,
А в женских покоях как раз в эту ночь
Бессонница, вздохи и грусть.

Комментарий, приложенный к этому стихотворению³⁶⁶, совершенно неудовлетворителен. Комментатор спутал гору Бодын-инли на Алтае³⁶⁷ с деревней Байдын в Шаньси, где Модэ окружил авангард Лю Бана примерно в 200 г. до н.э. Внимание комментатора не привлек даже тот факт, что из Байдына все войско вернулось без особых потерь и что война тогда окончилась и воины могли вернуться домой. Больше того, застава Юймыньгуань основана в 111 г. до н.э., когда хунны были вытеснены из Хэси на север³⁶⁸, т.е. 90 лет спустя после названной комментатором даты. Наоборот, если мы приурочим стихи Ли Бо к 90 г., то никаких противоречий не возникает. Кроме того, мы получаем дополнительное, весьма ценное указание, что хунны после Яньжаньской битвы перешли в контрнаступление и вторглись в «залив Цинхай», т.е. в Хэси. По-видимому, закрепиться там им не удалось, но напугали китайцев они изрядно.

В результате войны Китай был обескровлен и обессилен. Не помогли ни «небесные кони», ни тугие самострелы. Граница была открыта для хуннских набегов, но хунны не воспользовались этим. Хулугу-шаньюй перед смертью показал такие ум и прозорливость, какие нечасто были свойственны и просвещенным владыкам. Вместо бессмысленных набегов, лишь усугублявших ожесточение, он послал императору письмо, в котором предлагал «растворить пограничные проходы»³⁶⁹, т.е. возобновить свободную торговлю и восстановить договор «мира и родства», а также просил прислать ему в жены царевну и ежегодно доставлять лучшего вина 10 даней, 50 тысяч ху риса и 10 тысяч кусков шелковых тканей.

Ответ императора неизвестен, но война не возобновилась. Китайцы не могли воевать, так как вся полевая армия их погибла. В 87 г. умер инициатор войны – император У-ди. Что же касается хуннов, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. В их собственной среде возникли противоречия, с которыми не могли справиться слабые преемники доблестных предков.

---

³⁶⁵ В тексте «Тяньшань»; это явная ошибка, ибо луна, восходящая над Тяньшанем, в Китае не видна.

³⁶⁶ Огонек. 1955. N 23. С. 9.

³⁶⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 231.

³⁶⁸ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 105.

³⁶⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.

Х. Кризис державы Хунну

Борьба за престол

Смерть Цзюйдихэу-шаньюя повлекла за собой существенные перемены. Нервное напряжение, потребовавшееся для отражения натиска китайских армий, естественно, сменилось глубокой усталостью. Вокруг нового шаньюя – Хулугу – появились новые люди. Это уже были не воины, а искусные придворные, стали влиятельнее родовые колдуны, увеличилась власть женщин. Ставка хуннского шаньюя стала все более походить на дворец восточного владыки.

Первой жертвой нового порядка оказался знатный пленник Ли Гуан-ли Эршикий. Хулугу-шаньюй, приняв сдавшегося китайского полководца, согласно старому хуннскому обычаю, оказал ему почет. Зная, что семья Эршикого казнена, шаньюй женил его на своей дочери и благоволил к нему более, чем к прочим эмигрантам; в числе их был Вэй Люй, потерпевший поражение от Эршикого и пылавший мстью и завистью. Зная хуннские обычаи, Вэй Люй нашел способ разделаться с соперником. Он воспользовался болезнью матери шаньюя (титул жен шаньюя яньчжи) и вовлек в заговор волхва, лечившего больную. Тот «в трансе» произнес «требование покойных шаньюев» – принести Эршикого в жертву погибшим воинам. Ли Гуан-ли немедленно схватили. Перед заклинанием он крикнул:

«По смерти моей я погублю Дом Хунну!», – и кровь его потекла на могилы хуннских витязей.

Огромный снегопад, последовавший за казнью, и связанный с ним падеж скота; эпидемия, прошедшая по хуннским кочевьям и погубившая людей, пощаженных войной; голод, возникший из-за холодного лета, так как не вызрело посеянное просо, – все это было простое совпадение, но на примитивную психику хуннов оно подействовало удручающе. Шаньюй «пришел в страх и построил храм для жертвоприношения Эршискому»³⁷⁰. О нападении на Китай нечего было и думать, и это определило пятнадцатилетний перерыв в военных действиях.

В 85 г. Хулугу-шаньюй заболел. Перед смертью он распорядился не сажать своего сына, восточного чжуки-князя и законного наследника, на престол, считая его непригодным для управления, а передать власть западному лули-князю. Но это распоряжение не было выполнено.

На опустевший престол претендовали сразу четыре князя. Прежде всего это был сын покойного шаньюя, выдвигаемый придворной кликой во главе с его матерью – Чжуань-кюй-яньчжи, Вэй Люем и их сторонниками. Но эта кандидатура пройти не могла, так как сам отец сказал перед смертью: «Мой сын по малолетству не может управлять государством»³⁷¹.

Вторая кандидатура была серьезнее – восточный чжуки-князь. По традиции, этот титул всегда принадлежал наследнику престола, но у него не оказалось сильной партии.

Наиболее опасным для придворной клики был единоутробный брат шаньюя – великий восточный дуюй. Он был «доброй души» и популярен среди родовых старейшин. Чжуань-кюй-яньчжи отделалась от него с помощью убийц.

По завещанию шаньюя престол должен был достаться западному лули-князю, но это завещание придворная клика скрыла и «ложно именем его» (т.е. шаньюя), заключив союз со

---

³⁷⁰ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 76.

³⁷¹ Там же. С. 77.

старейшинами, возвела на престол молодого сына восточного лули-князя, Хуаньди, чтобы править его именем. Традиционная привязанность к роду шаньюя и уважение к его воле помогли заговорщикам, и в 85 г. Хуаньди официально стал шаньюем.

Сохранить в тайне обман, в котором участвовало много людей, невозможно. Первыми узнали обо всем неудачные претенденты: восточный чжуки и западный лули-князя. Опасаясь, и не без оснований, за свои головы, они решили откочевать на юг и передаться Китаю. Для этого нужно было отвлечь внимание шаньюя, и они попытались вовлечь в заговор князя рода Хючжуй. Хючжуи жили в южной части Джунгарии, по соседству с усунями. Заговорщики обратились к Хючжуй-князю с предложением спровоцировать усуней на набег. Сами же они предполагали, воспользовавшись замешательством, откочевать на юго-восток к китайской границе. Любопытно, что этот акт прямой измены исходил из среды самой высшей знати.

Хючжуй-князь был аристократом второго разряда, т.е. родовым старейшиной. Родовая знать еще не успела разложиться, и поэтому он, глубоко возмущенный, донес шаньюю об изменнических намерениях чжуки и лули-князей. Дело получило широкую огласку, причем вскрылись и хитрости придворной клики при избрании нового шаньюя. Все это вызвало «негодование в старейшинах»³⁷². Шаньюй начал следствие, но крамольники обвинили во всем Хючжуй-князя, и, так как они имели свои войска и сторонников, следствие пришлось прекратить.

Однако эти события не прошли бесследно. Чжуки и лули-князя перестали являться в Лунчен – место ежегодных сборов – для ритуальных жертвоприношений. Единство хуннского общества нарушилось на некоторое время. Оно, конечно, восстановилось по смерти крамольных князей, после того как их места достались лояльным принцам крови (так, например, восточным чжуки-князем стал младший брат Хуаньди³⁷³), но авторитет династии пал, и плоды этого сказались в полной мере 25 лет спустя, когда сменилось поколение.

Разберем причины надвигавшегося упадка.

Хуннское общество накануне упадка

В эпоху Модэ и Лаошаня хунны вели скотоводческое кочевое хозяйство. Необходимые им продукты земледелия, в первую очередь хлеб, они получали из Китая. Сначала это была дань под видом подарков, потом к ней прибавился хлеб, покупаемый на пограничных базарах. Но со времени Гюньчень-шаньюя началась война, и пограничные рынки прекратили существование. Острая нужда в хлебе должна была заставить хуннов заняться земледелием, и действительно мы видим, что в источнике начинают упоминаться посевы проса³⁷⁴.

В свете этого становится понятным, почему хунны с таким упорством ловили людей в Китае и уводили их к себе в рабство. В скотоводческом хозяйстве широкое использование рабского труда невозможно, так как мало-мальски энергичный невольник, пасущий скот, легко найдет способ убежать. В земледелии же рабский труд полностью применим, а пеший и усталый раб если и захочет бежать, то далеко не уйдет. Кроме рабов, земледелием у хуннов занимались перебежчики из Китая. Их было очень много, гораздо больше, чем принято думать. Это были солдаты и офицеры китайской армии, попавшие в плен и оставшиеся у хуннов, и их семьи, бедствовавшие на родине и переходившие границу; невольники и невольницы, принадлежавшие пограничным жителям Китая и бежавшие к хуннам, находя, что у них «весело жить»; разбойники, воровы и прочие преступники, которые искали и находили

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же. С. 82.

³⁷⁴ Там же. С. 76, 78.

спасение в северных степях. Кроме китайцев, к хуннам бежали жители пограничных владений, захваченных империей Хань в 119 г., так как «чиновники и простолюдины, увлекшись корыстолюбием, отнимали у них скот, имущество, жен и детей»³⁷⁵.

Все это пополнение охотно принималось хуннами, так как по китайским законам перебежчики подлежали смерти и в силу этого становились заклятыми врагами китайского императора. Однако хуннские шаньюи упускали из виду обратную сторону медали. Среди бежавших к ним было много людей деморализованных. Находясь в тесном контакте с хуннами, они оказывали на них влияние, как правило, отрицательное. Результаты этого сказались, как только сменилось поколение, т.е. в середине I века до н.э. Политического влияния перебежчики не имели, за очень редкими исключениями.

Наряду с этими новыми перебежчиками в степи жило много натурализовавшихся китайцев, называемых циньскими, циньцами. Это были потомки китайцев, бежавших от реформы Цинь Ши-хуанди (III век до н.э.), политических эмигрантов. За 150 лет они не ассимилировались, но, несмотря на это, хунны доверяли им и жили с ними дружно³⁷⁶.

На циньских китайцев попытался опереться Вэй Люй, когда для него стало ясно, что он и возглавляемое им правительство предельно непопулярны в стране. Он предложил Хуаньди-шаньюю выкопать колодцы, построить крепость и в ней двухэтажные амбары для хлебных запасов, а защиту крепости поручить циньским китайцам.

Проект уже начал приводиться в исполнение, но встретил отчаянное сопротивление старохуннской партии. Это были родовые князья, сподвижники Цзюйдихэу-шаньюя. Они заявили, что строить крепость бессмысленно, так как хунны защищать крепостей не умеют, а если китайцы придут, то без больших усилий захватят все запасы. Вэй Люй пришлось отступить. Оппозиция родовых князей росла и крепла. Для того чтобы скомпрометировать непопулярного шаньюя, была подвергнута сомнению нравственность яньчжи-матери. Теряя опору, Вэй Люй предложил шаньюю помириться с Китаем и отпустить пленных, пожелавших вернуться домой. Но и этот план не прошел, так как хуннские князья не верили Вэй Люю и не шли ни на какие уступки. В 80 г. Вэй Люй умер; власть перешла в руки представителей старохуннской партии, и война с Китаем возобновилась.

Однако недолгое господство придворной клики не прошло бесследно: государство «наипаче обеднело»³⁷⁷. На востоке Ухуань, а на западе Усунь и Согдиана выпали из сферы хуннского влияния.

Старохуннская партия

Рассмотрим теперь, что представляла собой старохуннская партия, взявшая в 80 г. в свои руки власть в державе Хунну. Это были средние слои хуннского общества. Выше них стояли принцы крови, опиравшиеся на свои дружины, ниже – масса несвободных и перебежчиков.

Знаменем старохуннов были традиции покойных шаньюев: право сражаться на коне и господство над народами³⁷⁸.

Ничтожный потомок великих предков – Хуаньди-шаньюй и его безвольная родня стали игрушкой в руках Ливу, Гуси, Хючжуй, Хуге, Югянь, Хэсу и других князей, опиравшихся на ополчения своих родов. За 100 лет исключительно благоприятного экономического состояния все роды хуннов окрепли и размножились, и соответственно увеличился удельный вес

³⁷⁵ Там же. С. 95.

³⁷⁶ Там же. С. 78.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Там же. С. 88.

родовых князей. Обаяние побед и слава шаньюев держали их пока вокруг престола, но это было лишь до тех пор, пока интересы рода и трона совпадали. Рано или поздно эта гармония должна была нарушиться и родовые интересы должны были возобладать над государственными. В противном случае род разложился бы. Для родовой державы оптимальна определенная сила составляющих ее родов: меньше эта сила – держава слаба, больше – держава разрывается на части, как перегретый паровой котел. В эту пропасть и катилось Хунну.

Но в 70-х годах I века до н.э. время взрыва еще не наступило. Силы хуннского общества консолидировались против внешнего врага. С аристократией перестали считаться. Когда младший брат шаньюя, западный лули-князь, заикнулся о мире с Китаем и попытался в 79 г. начать переговоры, он поразительно быстро умер.

Впрочем, китайцы неохотно шли на переговоры о мире. Хотя наследник воинственного У-ди, Чжао-ди, был человек бесцветный, китайское правительство понимало, что хуннские претензии несовместимы с безопасностью Китая. Задачей старохуннов было вернуть все земли, принадлежавшие первым шаньюям, т.е. Усунь, Согдиану, Ухуань, Ордос, Лобнор и, главное, Иньшань – базу для набегов и привольные охотничьи угодья. «Хунны после потери хребта Иньшань не могут без слез пройти его»³⁷⁹.

Подобная программа хуннов, разумеется, должна была встретить самое отчаянное сопротивление. Принимая ее, хунны должны были понимать, что в случае неуспеха они сломают хребет своей державе, и все-таки они рискнули.

Война с Китаем

Предпринимая попытку наступления, хунны, несомненно, знали, что Китай экономически истощен. Действительно, У-ди, нуждаясь в средствах для ведения войны, ввел налог на соль, вино и даже установил принудительный курс монеты³⁸⁰. Однако это не пропало даром. Охрана границы была поставлена несравненно лучше, чем до того. Она была возложена не на китайцев, а на пограничных кочевников: кянов, ухуаней и хуннских перебежчиков. Укомплектованные ими отряды по своим боевым качествам не уступали хуннским войскам. Поэтому, когда в 80 г. 20 тысяч хуннов ворвались в Китай, они были разбиты и бежали, потеряв убитыми и пленными 9 тысяч человек³⁸¹.

Но это не обескуражило хуннов. В следующем, 79 г. они попробовали осадить крепость Шеусянчен, стоявшую на их земле и мешавшую им, как заноза. Кочевники брать крепостей не умели, и осада превратилась в блокаду, которая ничего не дала. В 78 г. отряды хуннов, состоявшие из 4 тысяч всадников, под предводительством чжуки- и лули-князей ворвались в Хэси, но так как разведка донесла ханьским властям о подготовке похода, хунны были наголову разбиты³⁸². Несколько удачнее был набег в 77 г. на Ордос, но в нем участвовали всего 3 тысячи человек.

Как видно из приведенных цифр, боевой энтузиазм хуннов резко упал, что было, конечно, следствием неудач. Сторожевые огни на границе Китая предупреждали население и войска о приближении кочевников, и исключалась внезапность, бывшая для хуннов залогом успеха. Задуманное грандиозное наступление вылилось в рыскание вокруг китайской границы и индивидуальный грабеж.

³⁷⁹ Там же. С. 94.

³⁸⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 214.

³⁸¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 78.

³⁸² Бои происходили в области Чжанье, т.е. между Ганьчжоу и Ляньчжоу. Основной удар хуннам нанесли икюйские жуны, находившиеся в составе китайских войск.

В это время ухуаньцы решили, что настала пора рассчитаться с хуннами за поражение, нанесенное их предкам Модэ-шаньюем. Не осмелившись на открытое нападение, они раскопали и ограбили могилы хуннских шаньюев. Возмущенные святотатством хунны напали на ухуаней и снова подчинили их. Китайцы попытались помешать хуннам и выступили из Ляодуна на север, но хунны к тому времени уже ушли. Тогда китайцы обрушились на ухуаней и разбили их – отчасти за грабежи в прошлом, а главное, за подчинение хуннам. В конце концов ухуани снова оказались подданными хуннов, и это было единственным реальным успехом старохуннской партии.

В 74 г. умер император Чжао-ди; его преемник, Сюань-ди, оказался гораздо более энергичным, и война вступила в новую фазу.

Усунь

Усунь уплывала из хуннских рук. Несмотря на то, что Китай был далек, влияние его в Усуни возрастало. Отчасти оно шло через женщин. Судьба первой китайской царевны, выданной замуж за усуня, оказалась печальной: она только плакала и так и зачахла от тоски. Зато вторая, Гяй-ю, княжна, выданная за усуньского гуньмо, была особа энергичная; она приспособилась к обычаям страны, переходила по наследству, рожала детей и возглавила в Усуни группу прокитайской ориентации. Она сделала для китайской политики больше, чем многотысячное войско Ли Эршиского. Один из ее сыновей стал владельцем Яркенда, дочь была выдана за владельца Кучи. Усуни стали господствовать не только в своих горах, но и в оазисах Западного края. Гуньмо Унгюйми во всем слушался своей жены.

Опасность заключалась лишь в том, что наследник престола был сыном хуннской царевны и хуннская партия в Усуни обладала значительной силой. Однако наследник был еще мал, и у царевны Гяй-ю пока были развязаны руки для вмешательства во внешнюю политику. Яблоком раздора между усунями и хуннами оказалось княжество Чеши. Небольшое княжество Чеши, расположенное в Турфанской котловине, было тесно связано с хуннами. Для Хунну это было окно в мир, особенно после того, как обособление Усуни отделило Хунну от Кангюя и Согдианы. Во время похода Ли Эршиского Чеши было захвачено китайцами, но уже в 86 г. хунны изгнали китайский гарнизон, и снова Чеши стало экономической и стратегической базой хуннской экспансии на запад.

Чеши лежало на караванном пути. Население княжества занималось торговлей и охотно использовало союз с Хунну для борьбы с конкурентами в Куче и Яркенде, опиравшимися на Усунь. С 80 г., т.е. с прихода к власти старохуннской военной партии, чешисцы совместно с хуннами начали наступать на усуней, «обрезывать их земли»³⁸³ и наконец, одержав победу, увели много пленных. Мало того, они потребовали от усуней выдачи царевны и прекращения связи с Китаем. Царевна и ее муж в 73 г. направили посольство в Китай с предложением военного союза и совместного согласованного нападения на хуннов. Новый император Сюань-ди с восторгом согласился, и приготовления к походу снова всколыхнули Китай.

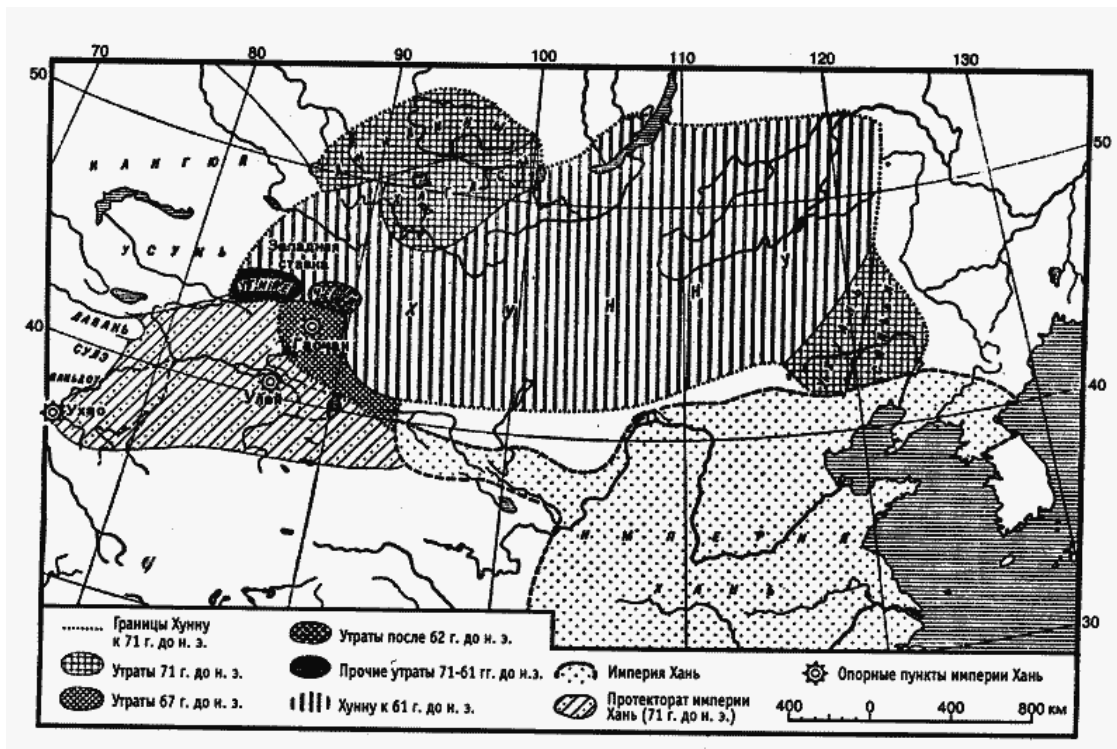
Поражение хуннов

Китайцы подготовились к походу очень тщательно. Были мобилизованы 160 тысяч легких конников. В 72 г. они пятью колоннами выступили за границу из Хэси и Ордоса, и одновременно 50 тысяч усуней напали на хуннов с запада.

---

³⁸³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 193, 207.

Китайские приготовления не остались тайной для хуннов, и они заблаговременно откочевали, что свело на нет все действия китайских полководцев. Приводятся смехотворные цифры убитых хуннов: от 19 до 700 человек, причем два полководца были преданы суду за преувеличение успехов в отчетах и кончили жизнь самоубийством³⁸⁴. Зато несомненный успех выпал усуням, которые разгромили ставку западного лули-князя и захватили в плен шаньюево тестя, невестку, князей, тысячников, воинов – всего 39 тысяч человек и 700 тысяч голов скота³⁸⁵. Впрочем, и успевшие спастись хунны потеряли много скота, особенно овец, погибших при быстром передвижении от усталости. Хунны, кроме того, были принуждены покинуть Чэши, где опять водворился китайский гарнизон. В довершение беды восстали ухуани. Старохуннская партия посеяла ветер и пожала бурю.

Распад хунну с 71 по 61 г. до н.э.

Положение становилось критическим. Собрав все силы, хунны ударили по наиболее опасному врагу – усуням. Зимой 72/71 г. они ворвались в усуньские кочевья и уничтожили там стариков и детей. Все более крепкие люди бежали в горы. На обратном пути хуннское войско застиг большой снегопад, а затем ударил мороз и сковал снежный покров. Неподкованные копыта хуннских коней ломались от ударов о наст; кони не могли добраться до травы и падали от бескормицы. Вместе с ними умирали всадники от холода и усталости. Почти все войско погибло.

Летом 71 г. усунь с запада, ухуани с востока, а восставшие динлины с севера ворвались в хуннские земли и без усталости рубили ослабевших и деморализованных хуннов. К ужасам войны прибавился голод, возникший, очевидно, от падежа скота из-за гололедицы и от невозможности засеять поля и собрать урожай. Потеря в людях у хуннов исчислялась в треть населения.

³⁸⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 81, 82.

³⁸⁵ Эти цифры нельзя принимать буквально, так как только китайцы тщательно подсчитывали свою добычу при сдаче ее в казну, а усунь нет.

Но самое страшное заключалось в том, что от Хунну отложились все подвластные владения, за исключением восставшего против Китая Чешу³⁸⁶, и даже собственно хуннские роды, например Сижу³⁸⁷. Силы хуннов иссякли настолько, что в 70 г. трехтысячный отряд китайской конницы ворвался в степь и захватил скот и пленных, т.е. сделал то, чего не смогли раньше добиться 160 тысяч человек.

Борьба партий в Хунну

Несмотря на тяжелые потери, хунны еще надеялись на победу. Основные земли их не были захвачены врагами, несколько десятков тысяч закаленных воинов сидели в седле, и военное счастье, всегда изменчивое, могло улыбнуться им. Но главную опасность не предусматривали хуннские вожди: внутренняя борьба не только не была изжита, но переходила в новую стадию.

В 68 г. умер Хуаньди-шаньюй, который был последовательно марионеткой обеих борющихся партий, и, согласно обычаю, власть перешла к восточному чжуки-князю Хюйлюй-Цюанькюю. Хуаньди-шаньюй, унаследовав вместе с престолом жену Чжуанькюю, оберегал свою законную супругу от обид и ненависти старохуннской партии. Хюйлюй-Цюанькюю не пожелал делить с нею трапезу и ложе и первой яньчжи назначил дочь западного великого предводителя, а Чжуанькюю выгнал. Этим он нанес оскорбление не только самой венценосной персоне, но и всему ее роду, а отцом Чжуанькюю был восточный великий цзюй-кюю – один из высших чинов хуннской иерархии. С враждой столь влиятельного человека не могли не считаться новый шаньюй и его правая рука – Хэсу, князь Синвэйян, вождь родовых старейшин.

Мы допустили бы грубую ошибку, если бы рассматривали назревающую борьбу как простую схватку между шаньюевым родом и старейшинами. На самом деле и те и другие были в обеих партиях. Шаньюев род разрастался, и всем членам его не хватало высоких должностей, хотя при Хулугу-шаньюе был введен дополнительный титул – жичжо-князь. Не получившие титула родственники шаньюев, естественно, были недовольны и смыкались с военной партией.

В свою очередь родовые князья по мере роста и усиления своих родов стремились к большей самостоятельности. Им начинала мешать военная дисциплина старохуннской партии, и они готовы были поддержать придворную партию, чтобы при ее слабой власти пользоваться большей самостоятельностью. Кроме того, личные чувства и связи – ссоры, раздоры и взаимная зависть, а в равной мере браки, симпатии, взаимопомощь – определили отношения каждого хунна к борющимся силам. «Друзья кровавой старины», отважные наездники и алчные грабители тянулись к военной партии и ее вождю – Синвэйяну. Любители роскоши, нежных песен под звуки лютни и привольных охот льнули к Чжуанькюю-яньчжи и болели за ее обиды. До тех пор, пока военная партия рвалась в бой, ведущей была она, но настал момент, когда многим хуннам поражение стало желаннее победы, так как оно несло вождь-ленный мир.

Кризис

От своих агентов в Китае шаньюй узнал, что вследствие финансового кризиса китайское правительство упразднило дорогостоящую пограничную охрану. Он считал момент удобным для заключения мира, чтобы более свободно расправиться с прочими врагами. Этим

---

³⁸⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 207.

³⁸⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 83, примечание.

был неприятно поражен восточный великий цзюйкюй. Не то чтобы он был против мира с Китаем, но он хотел заключить его сам, а не предоставлять это дело соперникам. Поэтому он вместе с Хулуцы-князем под предлогом облавной охоты приблизился к границам Китая с намерением произвести набег. Но три всадника из войска цзюйкюя бежали в Китай и сообщили о его намерении. Немедленно выступили в поле 5 тысяч китайских конников, и 20 тысяч хуннов отошли без боя. Трудно сказать, почему три всадника стали перебежчиками. Может быть, деморализация уже проникла до низов общества, а может быть, этих всадников подослал сам великий цзюйкюй, так как он вовсе не хотел воевать, а стремился только сорвать мирные переговоры, что ему и удалось.

Теперь шаньюю пришлось содержать 20-тысячное сторожевое войско для отражения возможного контрнабега китайцев. Экономическая жизнь была расстроена; в 68 г.³⁸⁸ голод снова опустошил хуннские стада и кочевья. Новое правление начиналось с неудачи. Осенью 68 г. шаньюй вздумал покорить отпавшее хуннское племя сижу, обитавшее на восточной границе. Старейшины сижу, собрав скот и имущество, с боем прорвались через пограничные караулы и передались Китаю.

Еще хуже было на западе. В 68 г. два китайских офицера, Чжен Ги и Сыма Хи, с 1,5 тысячами освобожденных от наказания преступников и 10 тысячами союзников из оседлых владений Западного края напали на Чеши и взяли столицу княжества Чжохахота³⁸⁹. Недостаток продовольствия заставил китайцев вернуться, но на следующую осень после уборки урожая они снова выступили в поход. За это время чешиский владетель успел обратиться к хуннам с просьбой о помощи, но не получил ее. Находясь в безнадешном положении, он решил перейти на сторону Китая и в доказательство своей искренности разгромил дружественное хуннам незначительное владение Пулэй (Баркуль).

Часть чашисцев осталась верной Хунну, но попытка хуннов выбить китайцев и китаефилов окончилась провалом. Шаньюй собрал перешедших к нему чешисцев и поселил их на востоке, а чешиская долина стала театром военных действий³⁹⁰.

Потеря Чеши очень больно ударила по Хунну, так как народ сразу же начал нуждаться в хлебе. Хунны попробовали в 66 г. заняться земледелием в южной части Джунгарии, чтобы «впоследствии стеснить Усунь и Западный край»³⁹¹, а в 64 г. 12 тысяч хуннов напали на китайский гарнизон в Чеши. Китайцы заперлись в крепости Чжохахота. Хуннский предводитель, подъехав к городу, посоветовал китайцам убраться. Шаньюй приказал не допускать китайцев к возделыванию земли в Чеши и начал осаду. Только своевременный удар в тыл хуннов, нанесенный из алашаньских степей, заставил их снять осаду и позволил китайскому гарнизону эвакуироваться. Остатки чешисцев были переведены на жительство в Кюйли, и в 62 г. цветущий оазис был на время заброшен.

Но еще большим бедствием, постигшим хуннов, была война на севере. Енисейские динлины, свергнув в 71 г. хуннскую власть, с 63 г. перешли в наступление и три года подряд опустошали земли хуннов, нанося поражения их войскам. Хунны лишились прочного тыла.

В 62 г. шаньюй хотел напасть на Китай, но нашелся изменник, предупредивший китайцев. 40 тысяч всадников вышли навстречу хуннам, и те отошли без боя. На предложение шаньюя заключить мир ответа от китайского императора не последовало.

³⁸⁸ Там же. С. 83.

³⁸⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 208.

³⁹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 83.

³⁹¹ Там же. С. 84.

XI. Брат на брата

Переворот чжуанькюй-яньчжи

Пока военная партия терпела поражение на всех фронтах, Чжуанькюй-яньчжи терпеливо выжидала и дождалась своего времени. Будучи отвергнута Хюйлюй-Цюанькюем, она сошлась с восточным чжуки-князем Туцитаном. Последний был наследственным чжуки-князем, потомком Увэй-шаньюя, т.е. принадлежал к сливкам хуннской аристократии. Он, его возлюбленная и ее младший брат Дулунки, по наследству от отца получивший титул восточного великого цзюйкюя, были врагами военной партии. Политическим их лозунгом был мир с Китаем, но прежде всего они стремились изменить порядок престолонаследия, оттеснить на второй план родовую знать и сосредоточить все титулы и государственные должности в руках своих близких, т.е. шаньюева рода.

Самый факт передачи княжеского титула по прямой линии от отца к сыну был бы нарушением старого порядка, согласно которому должность давалась по очереди. Нарушение очередности означало образование различных групп внутри одного рода и, следовательно, его разложение, а так как держава Хунну была основана на родовом принципе, то разложение рода означало ее распад. Но что за дело было до этого честолюбивой Чжуанькюй-яньчжи, ее свирепому брату Дулунки и мстительному Туцитану? Оттесненные от власти, они видели только свою обиду. Терпеливо и неумоимо искали они средства разделаться с врагами и наконец получили такую возможность.

После возвращения из неудачного похода на Китай шаньюй Хюйлюй-Цюанькюй заболел. Это было весной, когда все князья готовились ехать в священное место Лунчен для совершения ежегодных жертвоприношений. Собрался и Туцитан, но Чжуанькюй посоветовала ему не ехать, а лучше подождать смерти шаньюя³⁹². Действительно, шаньюй через несколько дней скончался. Осведомленность Чжуанькюй-яньчжи была более чем подозрительна, особенно если учесть, что она не была уже женой шаньюя.

Князь Синвэйян разослал нарочных ко всем старшим князьям, но Чжуанькюй и Дулунки опередили его. Они объявили шаньюем Туцитана под именем Уянь-Гюйди. Это был подлинный дворцовый переворот, и удался он лишь потому, что военные неудачи обескуражили старохуннскую партию и лишили ее популярности и поддержки широких масс. Хунны надеялись, что, может быть, будет лучше, и признали новую власть.

Уянь-Гюйди по вступлении на престол действительно изменил политику; он послал своего брата в Китай с дарами и мирными предложениями, а Синвэйяна и всех вельмож – приближенных покойного шаньюя казнил. Затем он отнял должности у родственников покойного шаньюя и отдал их своим родным. Сын прежнего шаньюя, Гихуэшань, бежал в Ушаньму, небольшое владение между Усунью и Кангюем, союзное с Хунну, а новый вождь военной партии жичжо-князь Сяньхяньшань со своей ставкой передался Китаю. Там он получил китайский княжеский титул. Два его брата, оставшихся дома, были казнены в начале 59 г. Чжуанькюй-яньчжи могла торжествовать.

Усталость хуннского народа была, очевидно, так велика, что казни не всколыхнули массы. Но это было лишь до тех пор, пока теряли головы вельможи. Как только террор коснулся родов, хуннская военная доблесть воскресла и безучастие сменилось взрывом энергии.

---

³⁹² 1 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 84.

В конце 59 г. умер князь рода Югянь. Шаньюй на его место поставил своего малолетнего сына. Югяньцы отказались его признать, князем рода провозгласили сына покойного и откочевали на восток. Это был бунт. Шаньюй послал конницу для усмирения югяньцев, но они разбили карательную экспедицию. Тогда шаньюй еще более усилил террор. Наследник престола – восточный чжуки-князь – «несколько раз обидел старейшин восточной стороны»³⁹³. Старейшины поняли, что дело идет о самом их существовании, но для открытого возмущения требовался повод. В 58 г. ухуаньцы напали на хуннский род Гуси, живущий на восточной границе, и увели много людей. Шаньюй разгневался на Гуси-князя, и последний, чтобы избежать казни, решился на восстание. Его поддержали старейшины восточной стороны и претендентом на престол выставили Гихэушаня, скрывавшегося в Ушаньму. 40 тысяч повстанцев двинулись на запад и на берегах реки Гуцзюй (к востоку от Селенги, может быть, Керулен) встретились с войском шаньюя. Однако битвы не произошло: войска шаньюя разбежались, отказавшись его защищать. Уянь-Гюйди обратился за помощью к своему младшему брату, западному чжуки-князю Иньюжо, но тот ответил, что если «он из ненависти к людям убивал родственников и старейшин, то пусть один и умирает, а не замешивает его»³⁹⁴. Покинутый всеми, Уянь-Гюйди покончил с собой, а о судьбе хуннской Брунгильды – Чжуанькюй-яньчжи – сведений больше нет. Старохуннская партия снова победила. Претендент вступил на престол под именем Хуханье-шаньюя.

Междоусобная война

Гибель Уянь-Гюйди означала конец прокитайской придворной партии, поддерживать которую отказались даже те роды, к которым она благоволила. Создалась ситуация, благоприятная для консолидации всех сил народа, но разгоревшиеся страсти помешали этому. Борьба антикитайской «военной» и прокитайской «мирной» партии не затихала.

Вступив на престол, Хуханье отдал приказ убить западного чжуки-князя, которому, собственно говоря, был обязан победой. Чжуки-князь, узнав об этом, объединился с братом Чжуанькюй-Дулунки и с новым жичжо-князем Босюйтаном. Князья нашли опору в западных хуннских кочевьях, собрали несколько десятков тысяч войска и, объявив Босюйтана чжуки-шаньюем, двинулись на Хуханье и восточных хуннов. Хуханье был разбит и бежал на восток.

Осенью чжуки-шаньюй Босюйтан отправил против Хуханье 40 тысяч воинов, половина которых была из рода Югянь, а другую половину составляли вернувшиеся из Китая противники Уянь-Гюйди. В это время к шаньюю приехал князь рода Хуге, жившего на северо-западе по соседству с хагасами. Он затеял интриги и совместно с советником шаньюя, Вэйли-данху, оклеветал западного чжуки-князя. Шаньюй поверил клевете и казнил чжуки-князя с сыном, но клевета каким-то образом обнаружилась, и разгневанный шаньюй казнил Вэйли-данху. Хуге-князь успел бежать к себе и отложился. Он объявил себя Хуге-шаньюем. Весть об этом быстро распространилась по степи, и пример оказался заразительным: князь рода Юйди объявил себя Чели-шаньюем, а один дуый (офицерский чин) – Уцзи-шаньюем. Все они не принадлежали к шаньюеву роду, и все нашли сторонников, очевидно, в тех родах, которые они возглавляли. Родовые старейшины боролись за власть. Рассматривать эти распри как разложение родового строя было бы нелогично, так как именно в них и проявилась родовая сущность хуннского общества, что особенно ясно покажут дальнейшие события. Существенно, что мятежные шаньюи базировались не на хуннской территории, а за границей, в северной части Джунгарии, в предгорьях Саура и Тарбагатай. Их сторонники

³⁹³ Там же. С. 85.

³⁹⁴ Там же. С. 88.

группировались в малонаселенной стране; это дает основание предполагать, что не все их родовичи оказывали им поддержку.

Чжуки-шаньюй пошел на мятежников и тем самым принудил их перед лицом смертельной опасности объединиться. Уцзи и Хуге сложили с себя титулы и подчинились Чели-шаньюю. В общей сложности мятежники имели 40 тысяч человек. Положение осложнялось еще и тем, что на востоке оправился Хуханье, который мог в любую минуту перейти в контрнаступление. Чжуки-шаньюй, выставив против Хуханье заслон, напал на мятежников, разбил их и загнал на северо-запад к хагасам.

Тем временем собрались с силами восточные хунны. В 56 г. младший брат Хуханье совершил удачный набег на кочевья западных хуннов. Чжуки-шаньюй, собрав 60 тысяч войска, пошел на восток, ему навстречу вышел Хуханье с 40 тысячами всадников. Западные хунны были разбиты. Чжуки-шаньюй покончил с собой, а его сторонник Дулунки бежал в Китай.

Чели-шаньюй подчинился Хуханье, но хагасский князь, сын Ли Лина, выдвинул Уцзи претендентом на престол. Усталые от междоусобицы хунны не стали поддерживать хагасского ставленника: Уцзи был пойман и обезглавлен. Хуханье стал полновластным шаньюем, но на востоке тоже оказались недовольные им. Восточный великий предводитель, собрав несколько десятков тысяч человек «своего народа»³⁹⁵, передался Китаю, чтобы не участвовать в бесплодной братоубийственной войне. Это была большая потеря.

Однако далеко не все хунны потеряли вкус к продолжению междоусобной войны. Трудно объяснить почему, но Хуханье были чрезвычайно непопулярен в стране, и западные хунны в конце 56 или начале 55 г. отделились от него. Началось с того, что один из родственников погибшего чжуки-шаньюя, князь рода Сюсюнь, имея всего 600 всадников, напал на ставку великого восточного цзюйкюя. Цзюйкюй пал, а войско его присоединилось к победителю. Усилившись таким образом, Сюсюнь-князь перекочевал на запад, объявил себя Жуньчень-шаньюем западной границы и объединил вокруг себя западные роды хуннов.

Вслед за Жуньченем восстал родной брат Хуханье – Хутуус. Он объявил себя Чжи-чжи-гудуху-шаньюем восточной границы. Целых два года у хуннов было три шаньюя, но так не могло тянуться долго. В конце 54 г. Жуньчень-шаньюй счел себя достаточно сильным для похода на восток. Он напал на Чжичжи, но погиб в битве, а войско его перешло к победителю. Усилившись, Чжичжи напал на Хуханье, обратил его войско в бегство и захватил ставку шаньюев в Хангае³⁹⁶.

В 56–54 гг. обращает на себя внимание легкость перехода хуннских воинов от одного претендента к другому. Все хунны были воинами; война была их стихией, однако цели и задачи войны занимали их мало, и они доверяли шаньюям, водившим их на внешнего врага. Но в этот период внешняя война стала невозможна, более того – губительна. Поэтому князья использовали воинский пыл хуннов в междоусобной борьбе.

Положение Хуханье-шаньюя было весьма тяжелым, и один из соратников его, восточный ичжицзы-князь, дал ему совет подчиниться Китаю. Трудно было решиться на этот шаг сыну вождя старохуннской партии, привыкшей видеть в императоре заклятого врага. Весьма любопытны прения на совете старейшин и аргументация сторонников Хуханье.

«Это невозможно, – говорили старейшины. – Сражаться на коне есть наше господство и потому мы страшны всем народам. Мы еще не оскудели в отважных воинах. Теперь два родные брата спорят о престоле, и если не старший, то младший получит его. В сих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки всегда будут царствовать над народами. Китай, как ни могуществен, не в состоянии поглотить все владения хуннов, для чего

³⁹⁵ Там же. С. 87.

³⁹⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 118.

же нарушать уложения предков? Сделаться вассалами Дома Хань – значит унижить и постыдить покойных шаньюев... Правда, что подобный совет доставит спокойствие, но мы более не будем властвовать над народами»³⁹⁷.

В приведенных словах проявилась идеология старохуннской партии; властолюбие, тщеславие, гордость и алчность перевешивали в сознании хуннов трезвый расчет и реальные выгоды; с исключительным упрямством они цеплялись за прошлое, закрывая глаза на то, что они стоят на краю гибели и что держава их фактически уже развалилась. Как ушат холодной воды, вылилась на их горячие головы ответная речь ичжицзы-князя: «Могущество и слабость имеют свое время. Ныне Дом Хань в цветущем состоянии. Усунь и оседлые владения в подданстве его. Дом Хуннов со времен Цзюйдихэу-шаньюа день ото дня умалывается и не может возратить прежнего величия. Сколько он не силится, но ни одного спокойного дня не видит. Ныне его спокойствие и существование зависят исключительно от подданства Китаю; без сего... он погибнет»³⁹⁸.

Всем было ясно, что ичжицзы-князь прав, и никакие громкие слова не могли поколебать его программы. Это была откровенная капитуляция старохуннской идеологии перед реально сложившимися обстоятельствами. Хуханье-шаньюй согласился с князем, и старохуннская партия перестала существовать, отказавшись от своего принципа «господства над народами».

В 53 г. Хуханье отправил своего сына в Китай, официально – на службу, а на самом деле – в заложники. Так же поступил и Чжичжи. Абсолютная необходимость перемены курса ощущалась всеми. В 52 г. шаньюй сам приехал в Китай и с почетной стражей был препровожден в столицу. Там его принял император Сюань-ди. Прием был обставлен торжественно, но шаньюю объявили, что он стал вассалом императора. Через месяц он был отпущен обратно и поселен около крепости Шеусянчен. Кроме подарков шаньюю, ханьские власти направили покорившимся хуннам изрядное количество проса и риса.

В 50 г. в Китай приехал посол от Чжичжи. Он был поставлен ниже посла Хуханье, а в 49 г. окончательно выяснилось, что китайское правительство будет оказывать поддержку только Хуханье. Чем было вызвано такое решение – неясно. Скорее всего тут сыграли решающую роль не дипломатические расчеты, а второй приезд Хуханье ко двору. Вполне возможно, что он подкупил кое-кого из придворных и тем самым перетянул их на свою сторону. После этого он начал преуспевать. Поскольку вокруг границы хунны перебили всех диких животных и птиц, китайцы постоянно посылали им просо и рис. От спокойной жизни «народ Хуханье-шаньюев умножился»³⁹⁹, очевидно, за счет хуннов, перебежавших к нему от других князей, и в 47 г. Хуханье уже перестал опасаться Чжичжи, которого история повела по иному пути.

Раздел Усуни и война с Кангюем

Оставим на короткое время Хуханье и Чжичжи и посмотрим, что происходило на западе. Западным краем для китайцев и хуннов были горы Тяньшань, где обитали усуни, и места, по которым проходил караванный путь, вплоть до Ферганской долины.

Когда в 59 г. хуннский жичжо-князь, страшась казней Уянь-Гюйди-шаньюа, передался Китаю, китайцы заняли северную караванную дорогу вплоть до Яркенда и учредили там

---

³⁹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 88.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же. С. 91.

новое наместничество⁴⁰⁰. В задачу наместника входило наблюдение за Кангюем и Усунью, где в это время возникли серьезные осложнения.

Еще в 64 г. скончался Унгюйми-Фэйван, враг хуннов и верный союзник Китая. Перед смертью он попытался укрепить свои позиции браком старшего сына Юаньгюйми с китайской царевной и передать ему престол. Но в разгар сватовства Унгюйми умер, и старейшины возвели на престол, согласно прежнему условию, его племянника Ними.

Ними был сын хуннской царевны, и хуннофилы, которых среди усуней было немало, возлагали на него большие надежды. Однако положение хуннов скоро стало столь печально, что ориентироваться на них было бессмысленно. Ними принял титул Куан-ван (китайский титул: ван – царь), женился на китайской царевне Гяй-ю, которая родила ему сына, но между супругами не было согласия.

В 52 г. в Усунь приехали послами китайские вельможи: Вэй Хо-и и Жень Чан. Царевна договорилась с ними убить мужа. На пиру китайский ратник ударил Ними мечом, но промахнулся; меч скользнул, и раненый князь успел вскочить на коня и ускакать. Старший сын Ними поднял народ против изменницы-мачехи, и несколько месяцев толпы усуней осаждали дворец, где жила царевна, и китайское посольство в городе Чигу. Только подкрепления, посланные наместником Западного края, вызволили их. Китайский двор был недоволен их самоволием, началось следствие, при котором выяснилось полное непонимание китайским правительством усуньских дел. Самовольные вельможи были привезены в клетках в столицу и обезглавлены. Крамольную царевну следователь бил по голове и ругал, за что по ее жалобе был казнен. Посол, приехавший с сочувствием и извинениями к усуньскому князю, по возвращении был отправлен в шелкодельню за то, что не убил Ними, имея к тому возможность. Короче говоря, правительство растерялось.

---

⁴⁰⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 171.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.